

В.С.М.
С.47

**СЛАВЯНО-
ВОЛОШСКИЕ
СВЯЗИ**

АКАДЕМИЯ НАУК МОЛДАВСКОЙ ССР
ОТДЕЛ ЭТНОГРАФИИ И ИСКУССТВОВЕДЕНИЯ
Научный совет „Славяно-волошские связи
и происхождение молдавской народности“

СЛАВЯНО-ВОЛОШКИЕ СВЯЗИ

(сборник статей)

Сборник посвящен истории связей предков молдаван со славянами и формированию молдавской народности. В статьях исследуются романизация населения этого края, зарождение племен волохов и роль в этом процессе славян. Исследования проведены по письменным источникам, данным археологии, языкознания, палеоантропологии и т.д.

Сборник рассчитан на преподавателей и студентов, всех интересующихся древней историей Молдавии.

Р е д к о л л е г и я

Н.А.М о х о в — чл.-кор. АН МССР (отв. редактор), доктор ист.наук В.Д.К о р о л ю к, кандидаты ист. наук В.С. З е л е н ч у к,

П.В.С о в е т о в

© Издательство "Иттиница", 1978

С. IO604 - 84 II - 78
M755(I2) - 78

Н.А.Мохов, В.С.Зеленчук, П.В.Советов

ИТОГИ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАБОТЫ НАУЧНОГО СОВЕТА
ПО ПРОБЛЕМЕ "СЛАВЯНО-ВОЛОШКИЕ СВЯЗИ И
ПРОИСХОЖДЕНИЕ МОЛДАВСКОЙ НАРОДНОСТИ"

История формирования волохов, их взаимоотношений со славянами является одной из актуальных и все еще требующих дальнейших исследований научных проблем. Ее конкретное научное марксистско-ленинское решение имеет самое непосредственное отношение не только к истории этногенеза молдавского и других восточнороманских народов, как потомков волохов, но также и истории Болгарии и ряда других стран.

Дискуссия по вопросам этногенеза восточнороманских народов началась еще в ХУП в. и продолжается в наши дни. На всех этапах эта многовековая дискуссия помимо научного имела и большое общественно-политическое значение. В ХУП в. известный молдавский летописец Г.Уреке и другие летописцы изложили мнение, что предками молдаван являлись римские воины, которые после войны поселились в Марамуреше. Заселив позже Карпато-Днестровские земли, они положили начало молдавскому народу.

Деятели молдавской культуры эту точку зрения разделяли и в ХУШ в. В те времена такое объяснение имело большое патриотическое значение, так как будило у населения Молдавии, поработенного Османской империей, чувство гордости своими предками. В конце ХУШ-ХІХ вв. историки располагали уже значительным материалом о древнейшей истории восточнороманского населения. Его продолжали считать потомками римских переселенцев, но так как не сохранилось никаких сведений о том, где оно проживало в ІV-Х вв., то были выдвинуты две гипотезы. Сторонники миграционной теории И.Судьбер, Р.Реслер и другие доказывали, что в конце III в. после отхода римских войск из северодунайских провинций романское население ушло на земли к югу от Дуная и только через много веков его потомки вернулись в Карпато-Дунайские области; защитники автохтонной гипотезы И.Тунманн, Ю.Внг, А.Ксенопол и дру-

гие считали, что романское население от римских времен постоянно проживало в карпатских горных и лесных районах в стороне от крупных политических событий и поэтому сведения о них не попали на страницы исторических источников. И в XIX в. дискуссия приобрела политическую значимость: агрессивные круги венгерской и румынской буржуазии в то время вели борьбу за обладание Карпатскими землями. Румынские идеологи буржуазии, используя автохтонную гипотезу, утверждали, что их предки проживали там без мятежа две тысячи лет. Венгерские буржуазные историки, опираясь на доводы миграционной гипотезы, заявляли, что предки венгров заселили эти земли раньше, чем волохи. Привнесение политических конъюнктурных идей в научную дискуссию затрудняло решение проблемы этногенеза.

В конце XIX в. появилась близкая к современным взглядам на этногенез точка зрения, согласно которой предками восточнороманского населения были не римляне, а романизированные местные племена гетов и даков и др. Борьба сторонников миграционной и автохтонной гипотез как в научном, так и в общественно-политическом плане продолжалась.

В первые десятилетия XX в. интенсивные археологические, исторические, лингвистические исследования создали предпосылки для более углубленного научного изучения этой проблемы. Марксистско-ленинская методология этногенеза позволила более объективно подойти к решению дискуссионных проблем и значительно продвинуть вперед их решение. И сегодня проблема продолжает привлекать внимание ряда ученых СССР и европейских социалистических стран. Сторонниками миграционной гипотезы являются ученые ряда стран: Г. Дёрффи (Венгрия), Д. Кринджалов (Чехословакия), И. Дуйчез, Б. Маринов (Болгария), В. Гензель (Польша), В. Шушарин (СССР) и др. Как правило, большинство румынских ученых (И. Нестор, К. К. Джуреску, М. Комша и др.) защищают автохтонную гипотезу.

Большая часть советских ученых (В. Д. Королук, Г. Г. Литаврин, Г. Б. Федоров, Н. А. Мохов, В. С. Зеленчук, П. В. Советов, Э. А. Рикман, Л. Д. Полевой, П. П. Бурня и др.) считают, что романизированное население сохранялось на землях как к югу, так и к северу от Дуная. Вопрос об удельном весе этого южнодунайского и северодунайского населения в формировании восточнороманских народностей остается открытым. В их работах подчеркивается большое значение

славяно-романских контактов в происхождении восточнороманских народов вообще и контактов волохов с восточными славянами в происхождении молдавской народности в частности. Важность исследования последнего аспекта проблемы следует подчеркнуть, так как в зарубежной историографии делаются попытки приписать роль славян и их контактов с волохами в этногенезе молдаван.

Таким образом, в исторической литературе в настоящий период накопилось множество самых противоречивых мнений. Учитывая, что эта историческая проблема имеет для истории Молдавии первостепенное значение, в 1970 г. при Отделении общественных наук Академии наук Молдавской ССР был создан Научный совет по комплексному изучению проблемы: "Славяно-волошские связи и происхождение молдавской народности". В состав совета вошли наиболее видные специалисты по проблеме из Москвы, Кишинева, Львова и других научных центров. Председателем совета был утвержден член-корреспондент АН МССР, доктор исторических наук Н.А.Мохов, зам. председателя - зав. Отделом этнографии и искусствоведения АН МССР В.С.Зеленчук и зав. сектором истории Молдавии досоветского периода Института истории АН МССР П.В.Советов, ученым секретарем - кандидат исторических наук П.П.Быря.

При выработке научного направления работы совета было учтено, что достигнуть успеха в этой области можно только при комплексном изучении проблемы. Предыдущие дискуссии выявили необходимость объединения усилий историков, этнографов, археологов, филологов, антропологов, историков права и т.д., поэтому в состав совета были включены специалисты всех этих областей знаний. До сих пор было опубликовано множество исследований, но комплексно проблема еще недостаточно изучена.

Работа совета осуществлялась как в форме периодического проведения научных сессий, на которых заслушивали и обсуждали доклады, так и путем публикации результатов исследований. За прошедшие годы были проведены семь сессий научного совета и опубликован ряд материалов.

На первой сессии (май 1970 г.) был заслушан доклад Д.Л.Полевого (Кишинев) - "Буржуазная историография и генезис молдавского народа"¹. На следующей сессии (октябрь 1970 г.) обсуждались археологические и историографические аспекты проблемы. Были заслушаны доклады археологов Г.Ф.Чеботаренко (Кишинев) - "Археологические аспекты истории вятич славян и волохов"², И.Г.Хинку

(Кишинев) — "Балкано-дунайская культура лесостепной Молдавии X-XIV вв. и ее этническая интерпретация"³, а также доклад П.В.Советова "Вопросы этногенеза восточнороманских народностей и славяно-волоховских связей на XIII Международном конгрессе исторических наук". Первые два докладчика рассматривали археологические памятники культуры, получившей в литературе условное название балкано-дунайской. Их мнения по интерпретации основных аспектов культуры коренным образом разошлись. Если Г.Ф.Чеботаренко утверждает, что эта культура исчезает позднее XI в., о чем свидетельствуют яркие оалтовские черты, которые обнаруживаются до конца X в., то, по мнению И.Г.Хинку, культура, не меняясь и не расчлняясь, хронологически и территориально существует вплоть до второй половины XIV в. Г.Ф.Чеботаренко, как и ряд других исследователей, считает, что основными создателями и носителями этой культуры были славяне. В противовес этому И.Г.Хинку выдвинул гипотезу о том, что данная культура носит не славянский, а "синкретический" характер, включая в качестве одного из основных автохтонный восточнороманский элемент.

Выступавшие в прениях (Г.Д.Смирнов, Г.Б.Федоров, Н.А.Мохов, Э.А.Рикман, И.А.Рафалович и др.) отметили, что если существование славянского элемента в балкано-дунайской культуре не вызывает никаких сомнений, то присутствие восточнороманского элемента для территории Молдавии научно не обосновано.

По мнению Г.Д.Смирнова, умаление роли славян и их культуры в этнической истории края и интерпретация славянской культуры в качестве восточнороманской в тот период, когда последняя еще (до XIII-XIV вв.) не прослеживается по археологическим материалам, возрождает старые ошибочные теории, давно опровергнутые в нашей исторической науке. Научный совет в своем постановлении рекомендовал усилить исследование славянские памятники на территории Молдавии, имеющие важное значение для решения проблемы молдавского этногенеза.

Большое внимание уделяет совет филологическим аспектам исследуемой проблемы. В апреле 1971 г. с докладом на тему "Проблема этногенеза волохов в свете периодизации славяно-романских языковых взаимоотношений" выступил Н.Д.Раевский (Кишинев). На материалах фонетических изменений топонимических и других названий докладчик пытался проследить пребывание романского элемента с первых веков н.э. в районе к северу от Дуная. Он высказал мнение, "то контакты местного романшизированного населения со славянами

вянами протекали в течение двух периодов: первый — VI—VII вв. и второй — начиная с IX в., между которыми, по его мнению, был перерыв. Доклад вызвал оживленную дискуссию, в которой приняли участие филологи Т.П.Ильяшенко, М.Д.Габинский, А.И.Еремия, Р.Я.Удлер, Е.М.Демина, историки В.Д.Королюк, И.А.Рафалович, Э.А.Рихман, П.В.Советов и др.

Доклад в целом получил высокую оценку, хотя по отдельным, в том числе и существенным, его положениям были разногласия. В частности, отмечали, что выделение двух этапов славяно-волошских контактов обосновано, но оспаривались названные докладчиком хронологические рамки каждого из этих этапов. Филологи Т.П.Ильяшенко и М.Д.Габинский заметили, что и доводы о существовании этих двух периодов нуждаются в добавочной аргументации. М.Д.Габинский поддержал мнение докладчика о непрерывности существования романоязычного населения в северодунайских землях, однако другие выступавшие (И.А.Рафалович), опираясь на данные археологических исследований, утверждали, что во всем северодунайском ареале ранние романо-славянские контакты могли быть только во внутреннем периметре Карпатских гор и только к этому району могут относиться выводы докладчика. Е.М.Демина подчеркнула необходимость комплексного археолого-филологического подхода к теме и призывала к дальнейшей совместной работе над темой. В.Д.Королюк выступил против категорических выводов отдельных исследователей: сами по себе данные археологии и филологии не дают для этого оснований, он считает, что "нужны комплексные, хорошо аргументированные конструкции". Большинство выступавших отметили недостаточную аргументацию в докладе тезиса о постоянном проживании романоязычного населения в северодунайских землях.

На этой же сессии был заслушан доклад "Волохи и славяне русской летописи" В.Д.Королюка (Москва)⁴. Сопоставляя сведения русской летописи с данными венгерской "Хроники Анонима" и другими материалами, автор доказывал, что под "волохами" русский летописец понимал не только население современной ему Италии, но также и романализованное население северодунайских областей (Паннонии и др.). Он отверг распространенное в литературе мнение о том, что русский летописец волохами называл фрягов или другие народности. Участвовавшие в обсуждении (11 человек) высоко оценили доклад, поддержали тезис автора о том, что термином "волох" обозначались разные группы населения (Е.П.Наумов,

В.С.Зеленчук, Н.А.Мохов). Однако Г.Б.Федоров считает, что гипотеза В.Д.Королюка нуждается в подтверждении археологическими материалами.

На четвертой сессии, состоявшейся в мае 1972 г., особый интерес вызвал доклад Г.Г.Литаврина (Москва) — "Волохи в освещении византийских источников X—XIII вв."⁵ Пользуясь византийскими источниками, докладчик анализировал некоторые проблемы: о терминах "волох", "влах", о географии расселения волохов на Балканском полуострове, их занятиях, быте и т.д. Представляет интерес вывод Г.Г.Литаврина о том, что в X—XII вв. не было единовременной массовой миграции волохов с юга Балкан в области к северу от Дуная, автор допускает, что такая миграция могла иметь место только до X в. Эта трактовка охватывает возможность крайне поздних сроков миграции волохов. Важное значение имеет подтверждение вывода о преимущественно скотоводческом направлении хозяйства волохов в средние века.

Самые ранние сведения о волохах на землях к северу от Дуная в области Карпатских гор имеются в русских и венгерских летописях XII в., в которых сообщается о некоторых достоверных исторических фактах. IX в. Источники южнодунайского происхождения, касаясь волохов, также упоминают только о событиях X—XI вв. (Кекавмен, Скилица и др.), они содержат данные о географии расселения, образе жизни, именах волохов и политических событиях, связанных с ними.

Выступавшие отметили положительный результат проделанной докладчиком работы и указали на необходимость издания текстов византийских источников, в которых речь идет о волохах. Потребность в таком издании давно назрела — на русском языке подобного тематического свода документов нет, а имеющиеся иностранные издания явно устарели.

И.Г.Хынку (Киев) в докладе "Археологические культуры и этнические общности. К вопросу о культуре тиверцев и уличей"⁶ пытался доказать, что культура тиверцев отличалась от древнерусской культуры уличей существенной неоднородностью составлявших ее этнокультурных элементов. Территориально, говорил он, культура тиверцев совпадает с ареалом балкано-дунайской культуры. Летописный термин "толковины", который относится к тиверцам, надо понимать, согласно автору, как "биллингвы" начиная от II—III вв. (т.е. от периода господства здесь черняховской культуры и да-

лее). Из этого явствует, что во все времена миграций народов от II до XIII в. состав населения здесь в основном не менялся. Мнение о том, что тиверцы не должны интерпретироваться только как восточные славяне, вызвало категорическое возражение М.Я.Лившица, Н.А.Мохова, И.А.Рафаловича и других участников сессии, тем более, что, по мнению В.Д.Королюка, докладчик не сумел объяснить, о каком и на какой язык переводили толковины.

На этой же сессии было заслушано несколько докладов по частным, но важным аспектам проблемы: И.А.Рафалович (Кишинев) — "Молдавия и пути расселения славян", А.С.Сорбалэ (Одесса) — "Лингвистические данные о заселении романизированным населением Днестровоко-Прутоких земель" и Б.А.Тимошук (Черновицы) — "Из истории расселения молдаван в Буковине". Б.А.Тимошук сообщил, что на территории Черновицкой области археологи обладавали около 100 славянских селищ IX-X вв., из которых 47 прекратило существование в XIII в. Это дает представление о масштабах разрушений, вызванных монголо-татарским нашествием на этой территории. В докладе Б.А.Тимошук также отметил, что в XIV-XV вв. материальную культуру молдаван выделить трудно, так как на эти земли шло переселение волохов из района Карпатских гор.

Сессия, проходившая в ноябре 1973 г., была посвящена преимущественно историографическому обзору литературы разных стран. Т.Д.Златковская (Москва) в докладе "Некоторые проблемы этногенеза волохов в связи с романизацией Балканского полуострова в античное время" раскрыла понятие термина "романизация", который иногда сводят только к усвоению языка. Она указала пять направлений, по которым шел процесс романизации на Балканах: через сеть римских военных лагерей и поселений; политику колонизации; распространение городских общин римского типа (муниципий и колоний); романизаторскую деятельность римских провинциальных властей; включение провинций в систему общеримской экономики. Такое понимание романизации более полно отражает реальное содержание этого процесса⁷. Т.Д.Златковская согласилась с мнением Г.Г.Литаврина о том, что могло быть несколько центров романизации, и указала на данные о сохранении на Балканском полуострове (в Мёзии и особенно в Нижней Мёзии) романского населения в IV-V вв. н.э.

В.Маринов (Болгария) выступил с докладом "Расселение па-
стухов-волохов на Балканском полуострове и за его пределами"⁸,
в котором он стремился показать процесс расчленения волохов.
Зак. 152

они жили на территориях к северу от Дуная и на западе и юге Балканского полуострова. В. Маринов полагает, что волохи сформировались на базе древнего фракийского населения, которое занимало горным скотоводством: одна часть его подверглась романизации, а другая — эллинизации. Потомков последних — "каракачан" — в средние века в силу одинакового образа жизни часто отождествляли с пастухами-влахами, хотя каракачань говорили на одном из диалектов греческого языка.

Доклад В. С. Зеленчука (Кишинев) "Молдавские летописи как источник изучения ранней этнической истории молдаван"⁹ был посвящен воззрениям летописцев на некоторые вопросы генезиса молдавского народа. В докладе проанализировано "Сказание вкратце о молдавских госпсдарах..." из русской Воскресенской летописи, которое, как считает докладчик, в образной фольклорной форме отразило реальное явление: миграцию волошского населения из района Карпатских гор в Молдавию. Сопоставляя сведения этого источника с другими данными, автор доказывает, что материалы русской летописи о происхождении молдавского народа опираются на молдавскую, теперь утраченную, летопись.

Доклад Н. Н. Грацианской и В. Д. Королька¹⁰ (Москва) "Проблемы этногенеза моравских влахов в современной чехословацкой историографии" был посвящен этнографической группе чехов, культуру которой определяла специфика хозяйственного типа — отгонное скотоводство, как и у населения Карпатского региона в целом. Авторы разделяют взгляды тех чехословацких ученых, которые считают, что нельзя отождествлять проблему развития пастушеского хозяйства с проблемами этнического развития региона.

М. М. Фрейденберг (Калинин) в докладе "Влахи в Далмации в XV—XVI вв."¹¹ и Е. П. Наумов (Москва) в докладе "Волошская проблема в современной югославской историографии (средневековые влахи в западной части Балканского полуострова)"¹² познакомили с исторической литературой по волошской проблеме в Югославии, а также сообщили о работе югославского (г. Загреб) симпозиума по истории волошского катуна (общины-поселения XV—XVI вв.)¹³.

В докладе "Об ареале романизации населения северных низовий Дуная в первой половине I тысячелетия н. э."¹⁴ Э. А. Рикман высказал мнение о том, что романизацию культур "варваров" следует отличать от романизации их языка, так как эти явления отражают разные степени влияния позднеантичной культуры на "вар-

барскую". Докладчик полагает, что романизация языка была достигнута в пределах лimesа римских провинций, а вне их речь идет только о влиянии римской культуры и об экономических связях.

На шестой сессии, состоявшейся в апреле 1976 г., был заслушан доклад Р.Я.Удлера (Кишинев) "Диалектология как источник для истории расселения волохов". Докладчик рассказал о богатых возможностях диалектологии для изучения древнейшей истории народа, использовал, в частности, в данные исследований молдавских диалектологов, опубликованные в четырехтомном атласе. Некоторые особенности говоров молдавского языка северных районов доказывают их близость с говорами волохов из Марамуреша и других районов Карпатских гор. Это дает возможность судить о путях расселения волохов из района Карпатских гор на восток до Днестра.

При обсуждении доклада выявились расхождения во мнениях археологов в оценке материала диалектологии. И.Г.Хинку высказал мнение о том, что материалы диалектологов для историков "ничего не дают", так как у филологов другая направленность и их ареалы не совпадают с ареалами, устанавливаемыми археологами. Наоборот, археологи Э.А.Рикман, Г.Ф.Чесотаренко, историки Д.М.Драгнев, Н.А.Мохов считают, что материалы диалектологии очень важны, так как они заставляют иначе оценивать и некоторый археологический материал, и в частности ареалы распространения культуры. Это последнее мнение поддержали и другие выступавшие.

Львовский историк Ю.В.Думнич¹⁵ сделал доклад "Волохи Закарпатья по данным грамот XIV-XV вв." Материалы этих грамот многое дают для изучения сущности древнего "волошского права" и для выявления картины переселения сюда волохов.

В докладе Г.Б.Федорова и М.Я.Салманович (Москва) "Проблема генезиса восточнороманских народов" представлены различные точки зрения, высказанные учеными по этой проблеме. Исследовав степень процесса романизации отдельных районов северодунайских земель, авторы обоснованно доказывали, что романизация не имела места в Днестровско-Прутском междуречьи, а балкано-дунайская культура принадлежала прежде всего славянскому населению. Обсудив доклад, участники дискуссии отметили, что выводы авторов базировались на большом количестве археологических и письменных источников, в то время как данные языка, топонимики и другие почти не использованы. Доклад получил высокую оценку, но вместе с тем выступающие указывали на то, что некоторые важные вопросы проблемы требуют дальнейшего уточнения.

Седьмая сессия Научного совета состоялась в апреле 1977 г. На сессию были вынесены доклады, охватывавшие разные аспекты проблемы. Т.Д.Златковская (Москва) рассказала о "Календарной обрядности как источнике по этногенезу молдаван (на примере русалий)". Анализируя некоторые особенности обряда русалий у молдаван и у других балкано-кавказских народов, Т.Д.Златковская пришла к выводу, что ярко выраженные врачующие элементы в этом обряде унаследованы от древнего фрако-дакийского населения. Элементы же обряда, связанные с зеленью и водой, ведут к древнеславянским (особенно полно сохранившимся в восточнославянском обряде) культовым действиям. Мнение о римских (от *romalia* Римской империи) истоках молдавского обряда не подтверждается, так как современный обряд у молдаван не совпадает с древним по основным элементам и направленности обрядности. Выводы докладчика и сам метод анализа источников были восприняты положительно.

Впервые на сессии совета был представлен доклад антрополога "Данные палеоантропологии о перемещении населения в Днестровско-Прутском междуречье в I-II тысячелетиях". М.С.Великанова рассмотрела краниологические материалы, собранные ею в течение многих лет в Молдавской ССР¹⁶ для изучения генезиса молдавского народа. Она пришла к заключению, что на территории МССР за последние две тысячи лет население полностью или почти полностью сменилось не менее трех раз (не считая многих сравнительно мелких миграций). Носители черняховской культуры III-IV вв. н.э. в Днестровско-Прутском междуречье по краниологическим данным относятся к фракийскому типу, в котором проявляется некоторое влияние сарматов. Между черняховцами и местными славянами, занимавшими эти земли в VI-XII вв., отсутствует "генетическая связь", что свидетельствует о смене населения. Носители балкано-дунайской культуры (IX-XI вв.) сложились из двух типов: славянского и тюрко-болгарского. Для последней группы характерна символическая трепанация черепов, которая встречается в захоронениях этой культуры. Антропологические данные позволяют судить о смешении славянского населения с пришельцами тюрко-болгарами. Антропологами наименее изучен, по мнению докладчика, этап формирования современного молдавского населения. М.С.Великанова изучала серию черепов молдавского городища Старый Орхей XVI-XVII вв. Сравнение показателей этих черепов и черепов населения балкано-дунайской

культуры дает основание отрицать "генетическую преемственность этих групп" населения. Антропологические данные "свидетельствуют о "промежуточном" положении" молдаван по отношению к восточно-европейским группам, с одной стороны, и народам Балкано-Дунайской области — с другой.

По докладу М.С.Великановой развернулась дискуссия, отражающая остроту затронутых проблем. Так И.Г.Хинку ослался на невозможность использования антропологических данных для тех, кто не имеет специальной подготовки. Отрицая продуктивность антропологического аспекта изучения проблемы, он считает, что решающее значение для исследования этногенеза молдаван могут иметь только доступные археологические данные. Последние (в частности добытые им при археологических раскопках материалы балкано-дунайской культуры) позволяют, как полагает И.Г.Хинку, проследить непрерывность римской культурной традиции в Днестровско-Прутском междуречье. Однако большинство выступавших (археологи Г.Ф.Чеботаренко, П.П.Быря, Я.А.Рафалович) дали докладу М.С.Великановой оценку высокую. Ее метод исследования соответствует передовой методологии советских антропологов, поэтому нет оснований подвергать сомнению ее выводы. Возражая против необоснованно поздней датировки балкано-дунайской культуры, выступавшие указывали, что выводы М.С.Великановой подтверждают исследования большинства археологов. В.П.Шушарин (Москва) возражал И.Г.Хинку, полагая, что идентификация этноса и археологической культуры не всегда возможна и бесспорна, тем более если игнорирует данные других научных дисциплин.

На этом же заседании были заслушаны доклады диалектологов В.В.Корчмарь и В.К.Павел. Обе статьи, публикуемые в настоящем сборнике, построены на основе изучения современных народных говоров. Диалектная терминология дает много для историков. Приведем только один пример. Из 710 единиц сельскохозяйственной терминологии в молдавском языке 32% имеют славянское происхождение, в том числе 7% южнославянского происхождения. Историки могут объяснить, каким образом в состав молдавского языка вошли восточнославянские слова, гораздо труднее объяснить происхождение южнославянской терминологии. Нужно определить время и место тесного и длительного общения предков молдаван и южных славян, когда могло произойти восприятие такого большого количества терминов. Ясный ответ на этот вопрос пока не получен.

Далее с докладом "Этапы направления и этнический состав колонизации на волошском праве в Галицкие земли" выступил В.Ф.Инкин (Львов). На совете и до этого заслушивались сообщения о волошских поселениях в галицких землях XIV-XVI вв. Там известно свыше 500 таких поселений. Села на волошском праве, находясь в окружении украинского населения, во многом сохраняли древние обычаи, которые ценны для сравнительно-исторического изучения волошских обычаев в более ранние эпохи. Обсуждался вопрос о Болоховской земле, о которой, как известно, в русоких летописях сохранились очень краткие сведения, относящиеся к XIII в. Докладчик отметил, что в XVI-XVII вв. упоминаются еще несколько местностей с названием Болоховская земля, эти последние относятся к районам волошской колонизации. При обсуждении доклада, который в целом получил высокую оценку, Н.А.Мохов поставил под сомнение тезис о том, что сообщение летописей XIII в. и сведения XVI-XVII вв. относятся к одной и той же территории. Он полагает, что последние относятся к землям где-то к северу от Львова по направлению к Луцку, а сведения XIII в. - к землям более южным и восточным. Вопрос об этнической принадлежности населения Болоховской земли в XIII в. докладчик оставляет открытым, поскольку отсутствуют научные данные. Существовавшее мнение, что болоховцы - волохи, опирается пока только на сходство названий.

Выступивший по итогам сессии В.С.Зеленчук указал на необходимость более строгого отношения к последующим фактам и недопустимость их предвзятой трактовки. Именно такие недостатки имеют место в процессе изучения и характеристики "балкано-дунайской культуры". Некоторые исследователи произвольно переносят последний рубеж хронологических рамок этой культуры с XII в. на XIV в. Искусственно преувеличивается удельный вес романских черт и также необоснованно уменьшается роль южнославянских и тюркских элементов в этой культуре. Ненаучный подход проявляется и в том, что по материалам нескольких памятников из центральной зоны делаются широкие выводы для всей территории Молдавии.

В выступлении П.В.Советова по проблемам, затронутым на седьмой сессии, главное место заняли вопросы методики комплексного изучения. П.В.Советов предложил руководству Научного совета разработать единую методику комплексного изучения и обсудить на очередном заседании совета.

Итоги работы сессии были подведены Н.А.Моховым. Он обратил внимание на то, что как настоящая, так и предыдущие сессии помогли установить некоторые факты, намечены пути решения ряда аспектов проблемы. Так, стало ясно, что при исследовании происхождения молдавского народа необходимо объяснить, где и когда его предки тесно общались с иными славянами, где они усвоили от них значительный пласт слов. Изучение генезиса молдавского народа дает основание утверждать, что на территории МССР от начала н.э. до XIV в. состав населения несколько раз менялся, что на последней сессии подтверждено антропологическими данными. Вугарная автохтонная теория о непрерывном проживании на этой территории одного и того же этноса от римского времени до наших дней никакими серьезными доводами не обоснована, тем более, что земли к востоку от Карпат в I—III вв. н.э. не подвергались романизации, а лишь испытывали некоторое влияние римской культуры. Вместе с тем выступающий подчеркнул, что решающим фактором формирования молдавской народности был процесс тесных и всесторонних контактов волошского населения с восточнославянским, древнерусским населением. Эти контакты стали возможными в Днестровско-Карпатских землях только после заселения этих земель волохами в XII—XIV вв.

Источники, которыми мы располагаем, позволяют утверждать, что волошское население в некоторых предгорных районах Молдавии проживало уже в XII—XIII вв. О расселении волохов на землях западной Украины, Моравии, Закарпатья в XIV—XVI вв. свидетельствуют документы, а заселение территории Молдавии волохами в XII—XIV вв. убедительно доказывают данные топонимики, диалектологии, антропологии, а также материалы молдавских летописей.

Принципиальное значение в дальнейшем должно приобрести исследование ранних этапов формирования молдавской народности и роли в нем романо-славянского синтеза, конкретных социальных и этнических условий выделения молдаван из общей массы волошского населения. Все это в конечном счете позволит решить проблему этногенеза молдаван на высоком идейном и теоретическом уровне.

Сессия показала необходимость более углубленного археологического изучения на территории Молдавии славянских культур: раннеславянской, древнерусской, балкано-дунайской. В связи с этим, безусловно, нужно считать положительными попытки изуче-

ния истории волохов в период заселения ими Днестровско-Карпатских земель, их контактов со славянами и этнических процессов в начальный период существования молдавского феодального государства. Одной из дальнейших задач работы совета должно стать определение роли молдавской феодальной государственности на завершающем этапе формирования молдавской народности.

Положительным нужно считать расширение круга исследований смежных с историей наук, материалы которых содействуют решению стоящих перед советом научных проблем. Для этого следует привлекать ученых различных специальностей.

Спорные вопросы должны решаться только на основе тщательного и всестороннего анализа позитивного фактического материала. При этом необходимо избегать предвзятости как крайней миграционистской, так и вульгарно-автохтонистской точек зрения. Такая предвзятость в последнее время проявилась в бездоказательных утверждениях о распространении восточнороманского населения к северу от Дуная от античного времени в ареалах, адекватных его распространению в более поздние эпохи. При таком толковании проблемы исключаются хорошо документированные источниками существенные перемещения восточнороманского населения, а славянские памятники VI—XII вв. Днестровско-Карпатских земель неправомерно выдаются за восточнороманские.

Оценивая деятельность совета за 8 лет, можно отметить, что ему удалось объединить группу специалистов из различных научных учреждений для решения некоторых проблем этногенеза. Определен круг важнейших вопросов, часть из которых уже близка к решению. В дальнейшем необходимо усилить методологическую и теоретическую основу исследования проблем. До сих пор на сессиях совета был заслушан только один доклад такого рода (В.Д.Королюк "Некоторые проблемы изучения теории и методики генезиса восточнороманских народов"). В нем было подчеркнуто, что решить основные аспекты проблемы только с помощью данных археологии (как это наблюдается в отдельных выступлениях и докладах) невозможно. В.Д.Королюк отметил необходимость всестороннего комплексного изучения проблемы. Одной из ближайших задач совета должна стать теоретическая разработка такого рода комплексных исследований применительно к истории формирования молдавской народности. Наряду с теоретическими и конкретно-историческими исследованиями комплексного характера в целях международного

воспитания необходимо также проводить большую популяризаторскую работу среди широких масс населения.

Необходимость пропаганды достижений советской науки в области молдавского этногенеза вызывается лженаучными заявлениями фальсификаторов истории, отрицающих право молдавского народа на самостоятельное существование как отдельного этноса. Начало такой работы положено публикацией большой статьи руководителями Научного совета в периодической прессе¹⁷. Одновременно планируется издание научно-популярных работ по этой тематике.

Научным советом были подготовлены к печати тематические сборники и отдельные научные работы¹⁸.

Настоящий сборник открывает систематическое издание трудов Научного совета. В нем помещены материалы, обсуждавшиеся на научных сессиях совета, некоторые из них носят постановочный характер, не отражают мнения всех членов совета.

Мы рассчитываем, что исследования, помещенные в настоящем сборнике, как и опубликованные ранее работы Научного совета приблизят нас к восстановлению картины истинного исторического процесса формирования молдавского народа, более конкретно покажут историю взаимоотношений со славянами как в процессе оформления волоков, так и молдавской народности.

Примечания

¹ Полевой Л.Л. Формирование основных гипотез происхождения восточнороманских народностей Карпато-Дунайских земель (феодалная и буржуазная историография ХУП - первой половины XX в.) - В кн.: Юго-Восточная Европа в средние века. Кишинев, 1972, с.46-90.

² Чеботаренко Г.Ф.См.:Камфа - городище УП-Х вв. на Днестре. Кишинев, 1973

³ Хынку И.Г. Памятники Балкано-Дунайской культуры (X-XIV вв.). - Древняя культура Молдавии. Кишинев, 1974, с.137, 149 и др.; Ояже. Кэпрэрия - памятник культуры X-XII вв. Кишинев, 1973.

⁴ Королюк В.Д. Волоки и славяне русской летописи. Кишинев, 1971.

⁵ Литарин Г.Г. Влахи византийских источников X-XIII вв. - В кн.: Юго-Восточная Европа в средние века.

⁶ Хынку И.Г. К вопросу о расселении тиверцев и уличи в Приднестровье. - Там же, с.159-175.

7 З л а т к о в с к а я Т.Д. Некоторые проблемы этногенеза в связи с романизацией Балканского полуострова в античное время. - В кн.: Историографические аспекты славяно-волошских связей. Кишинев, 1973.

8 М а р и н о в В. Расселение пастухов-волохов на Балканском полуострове и за его пределами. - Там же.

9 З е л е н ч у к В.С. Молдавские летописи как источник изучения ранней этнической истории молдаван. - Там же.

10 Г р а ц и а н с к а я Н.Н. и К о р о л ю к В.Д. Проблемы этногенеза моравских влахов в современной чехословацкой историографии. - Там же.

11 Ф р е й д е н б е р г М.М. Влахи в Далмации в XV-XVI вв. Там же.

12 Н а у м о в Е.П. Волошская проблема в современной югославской историографии... - Там же.

13 Симпозиум о средневековым катуну (24 и 25 ноября 1961 г.). Сарајево, 1963.

14 Р и к м а н Э.А. Некоторые вопросы романизации населения левобережья Нижнего Дуная в первой половине I тыс. н. э. - Настоящий обзор, с.46.

15 Д у м н и ч Ю.В. "Волохи" Закарпатья по данным грамот XIV в. - Там же, с.148.

16 В е л и к а н о в а М.С. Данные палеоантропологии о перемещении населения в Днестровско-Прутское междуречье в I-II тысячелетиях. - Там же, с.30.

17 М о х о в Н.А., З е л е н ч у к В.С., С о в е т о в П.В. У истоков происхождения молдавского народа (этногенез молдаван и славяне). - "Советская Молдавия", 1976, 4 апреля.

18 Юго-Восточная Европа в средние века; К о р о л ю к В.Д. Указ. соч.; Историографические аспекты..., и др.

Т.Д.Златковская
(Москва)

ИСТОРИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ РОМАНИЗАЦИИ БАЛКАНСКИХ ЗЕМЕЛЬ В АНТИЧНОЕ ВРЕМЯ (К ПРОБЛЕМЕ ЭТНОГЕНЕЗА ВЛАХОВ)

В эпоху раннего средневековья были внесены основные компоненты в этногенетический процесс, приведший к образованию владхов. Однако исходным моментом этого процесса следует считать романизацию Балкано-Дунайских земель в эпоху Римской империи. При изучении этого раннего этапа этногенеза владхов следует иметь в виду и многообразие всего процесса и частое отсутствие прямой и непосредственной преемственности в существенных звеньях его развития от античности к средневековью.

Романизация в различных областях Римского государства осуществлялась главным образом по следующим направлениям. Во-первых, создание сети римских военных лагерей и поселений и вовлечение местного населения в систему римского военного обучения во время службы в армии. Во-вторых, колонизация провинций выходцами из италийских и ранее романизованных областей ойкумены, приводившая к тесным этнокультурным контактам романского населения с аборигенами. В-третьих, распространение городских общин римского типа (муниципий и колоний) и характерных для них развитых рабовладельческих отношений. В-четвертых, установление в покоренных Римом областях провинциальной системы способствовавшей романизирующей деятельности римской администрации. В-пятых, включение провинций в систему общеимперской экономики содействовало не только проникновению римского и романизованного населения, связанного с ремеслами и торговлей, но также и развитию римских социальных и экономических институтов, часто менявших традиционный ход исторического развития завоеванных областей.

Результаты римского владычества определялись многими факторами, из которых наиболее существенны социально-экономические. В старых провинциях, где рабовладельческие отношения сложились

до римского завоевания (Ахайя, Македония, отчасти Эпир), культурное и социально-экономическое влияние Рима было ограничено. Рим только консервировал здесь разлагающийся рабовладельческий строй и привносил мало нового. Оно больше проявлялось в областях, попавших под римское господство в период слабого развития рабовладения и ранних форм государственности (Фракия). Наиболее отчетливо оказало влияние Рима, где элементы первобытно-родового строя являлись еще очень живыми (Н.Мёвия)¹.

В Балканских провинциях, находившихся на границе восточной и западной половины Римской империи, сталкивались два процесса распространения античной культуры: эллинизация шла с юга на север и романизация — с запада на восток. Значительную часть Балканских земель занимали эллинские провинции — Ахайя, Македония и Эпир², населенные, главным образом, эллинами и родственными им народами, рано подвергшимися эллинизации (македонцы и эпироты). Присоединение их к Риму произошло во второй четверти II в. до н.э. Римская провинция Македония включала в себя в это время обширную территорию от Адриатического моря до Эгейского: помимо собственно Македонии в ее состав входили земли к юго-западу от нее, иллирийский берег Адриатики и Фессалия. Эпир сначала относился к Македонии, а со времени Антонинов стал самостоятельной провинцией; помимо собственно Эпира эта провинция включала Акарнанию, часть Этолии и некоторые из Ионических островов. Метрополия эллинизма — Греция только в 27 г. до н.э. была превращена в провинцию Ахайю, в которую во времена Антонинов входили Средняя Греция (без крайнего запада) и Пелопоннес.

Завоевание Римом эллинских провинций не уничтожило здесь своеобразия социально-экономических отношений, политического устройства и культуры. Римляне не изменили сколько-нибудь существенно структуру местного политического устройства эллинских провинций. Полисы, как старые, так и основанные Римом, являлись здесь основным звеном политической структуры. Во главе их по-прежнему стояли буле и народное собрание; обычными были и должности архонта, гимнасиарха, агранома, стратега, а также других лиц. В некоторых полисах, даже наделенных статусом колоний, оставалось греческое устройство, юридически сохранялась внутренняя автономия. Слабое воздействие римской культуры в этих древних областях античного мира объяснялось незначительным числом колоний (во II в. н.э. — 6 в Македонии и I в Эпире). Римляне (по-

томки италийских переселенцев, ветераны) в основном населяли колонии (главным образом Македонии) и владения знатнейших сенаторских фамилий на македонской земле. Римская имперская администрация осуществляла надзор за полисами, внутренняя организация которых оставалась неизменной³.

Укреплению римского политического и культурного влияния способствовало распространение римского гражданства. Судя по родовым именам (*пошап*) императоров, которыми наделались новые римские граждане (Юлии, Клавдии, Флавиусы, Аврелии), интенсивнее всего оно шло в I-II вв. н.э. и было ограничено очень узкой социальной прослойкой - в подавляющем большинстве высшим слоем местной аристократии, как эллиноязычной, так и эллинизированной. Именно эта социальная категория была важнейшей опорой императорской власти в провинциях. Более широко, чем в других эллинистических провинциях, наделение римским гражданством происходило в Македонии⁴.

Военная организация эллинистических провинций не стимулировала романизацию этих областей. Особенно это касается Ахайи и Эпира, которые не были пограничными провинциями и не имели легионов или других сколько-нибудь значительных военных подразделений. Македония в период Республики и в первые десятилетия империи являлась барьером, преграждавшим варварам путь в Элладу. Но и она с середины I в. н.э., когда была укреплена Дунайская граница, была лишена легионов, хотя лица, происходившие из колоний Македонии, служили в римских легионах⁵.

Романизацию эллинистических провинций значительно тормозила эллинистическая культурная традиция, распространившаяся также на Эпир и Македонию. Это делало невозможной конкуренцию римской культуры с эллиноязычной в самом центре эллинизма. Римское правительство препятствовало романизации из политических соображений. Эллинизм был точкой опоры, связывавшей Рим с восточной частью империи. В нем римляне видели силу, могущую противостоять "варварам", чуждым античной культуре. Этим объясняется сравнительно бережное отношение римского правительства к эллинистической культуре, покровительство и даже преклонение императоров и высших слоев римского общества перед ней. Культурное насыщение Рима из Эллады было ограничено во времени ранней империей и коснулось лишь очень небольшого круга явлений в духовной культуре (появление гладиаторских игр, употребление римского календаря в греческих

эпиграфических документах). Латинь была распространена лишь в римских городских общинах-колониях; в полисах ею пользовались только представители высших слоев эллинской знати, оравставшейся с имперской администрацией⁶.

Романизация эллинских провинций Балканского полуострова осложнялась переплетением аборигенных культур и этносов северной части этого региона (македонского, эфиротского, иллирийского и фракийского) как между собой, так и с эллинами и эллинской культурой.

Таким образом, романизацию эллинских провинций Балканского полуострова ограничивали социальные, политические и культурные факторы, замедлявшие этот процесс и тормозившие распространение римского влияния.

Несколько иную позицию занимали в этом процессе Фракия, и особенно, Мёвия. Римляне стремились захватить фракийские земли к югу от Гема (совр. Балканские горы), начав военную экспансию с 29 г. до н.э. (поход Красса). Более 50 лет они пытались покорить эту страну, и только в 46 г. н.э., после жестокого подавления восстания, фракийское Одрисское царство перестало существовать и было превращено в римскую провинцию Фракию. Находящаяся во внутренней части страны и не имевшая стратегического значения, Фракия была лишена крупных воинских подразделений и очень ограниченно колонизовалась римлянами (Апри, Девельтус, Цела и еще несколько колоний). В целом, несмотря на то, что фракийцы служили в римской армии и флоте, Фракия оставалась более эллинизированной, чем романизированной. Это объяснялось ранними культурными, экономическими и политическими связями этой страны с Грецией, ставшими весьма интенсивными уже со времени греческой колонизации Эгейского и Черноморского побережий Фракии (т.е. V-VI вв. до н.э.), усвоением греческого алфавита во фракийской письменности и длительным пребыванием страны в составе Македонской державы. Тем не менее римское влияние ощущалось здесь в появлении римских имен, географических названий, римских терминов в греческих надписях и в некоторых явлениях духовной жизни. Как эллинизация, так и романизация Фракии ослаблялись жизненностью фракийского этноса и яркими традициями местной культуры, уходящими в глубокое прошлое. Ее влияние четко проследживается не только ко времени готского нашествия (о чем свидетельствуют сделанные в III в. н.э. подписи жителей сел, носящих фракийские имена), но и позднее. На это указывает сохра-

нение фракийского языка вплоть до VI в. н.э. и элементов обрядности, наблюдаемых в календарных обрядах современных народов Балкано-Карпатского региона.

Римляне и римская культура начали проникать на земли между Балканскими Горами и Дунаем еще до римского завоевания. Уже в III, II и I вв. до н.э. и особенно в начале I в. н.э. сюда попадали римские монеты, украшения, серебряная посуда и другие ценные вещи. Однако среди предметов обихода массовый римский импорт отсутствовал⁸. Это обстоятельство свидетельствует, что в это время местная знать ограничивала проникновение римского образа жизни и бытовых предметов. Большинство этих римских находок сделано на побережье Дуная, что указывает на дунайскую речную магистраль как основной путь передвижения римских товаров в период Римской республики.

Римское завоевание Балкано-Дунайских земель (к югу от Дуная) началось с 70-х гг. до н.э. (экспедиция Гая Скрибония Куриона и Марка Лукулла) и завершилось в 27 г. до н.э. (экспедиция Марка Лициния Красса), когда гетские и мезийские племена фракийцев после героической борьбы с римлянами были побеждены. Однако положение римлян в завоеванной области было настолько непрочным, что создание здесь римской провинции Мёвзии стало возможным лишь около 15 г. н.э.; окончательное оформление римской административной системы в этой провинции было завершено только в 46 г. н.э.⁹

Включением гетских и мезийских племен в состав жителей Римской империи было положено начало систематически проводившейся их романизации.

Византийские хронисты и риторы XI-XII вв. неоднократно упоминают влахов среди населения этих земель. По их сведениям, вlahи фигурируют здесь то как значительная категория населения наравне с болгарами, то как древние жители Гема, то как члены крупного войска¹⁰. В византийских источниках встречается новый термин (скорее всего — этноним) для обозначения части населения между Балканами и Дунаем, отсутствующий у античных (в том числе и позднеантичных) авторов. Это явление в византийской историографии заставляет с особым вниманием отнестись к рассмотрению факторов романизации этих земель в античное время. Изучение этой проблемы может помочь решению одного из существенных вопросов этногенеза вlahов: есть ли данные, чтобы рассматривать появление в этой области населения, именуемого средневековыми историографами "вlahами", как результат этнического развития

асоритивного населения от античности к средневековью по сравнению с другими балканскими провинциями романизации Мёзии имели особенности, определившие, как представляется, широту и глубину происходивших в этом направлении процессов.

В качестве первой из этих особенностей следует отметить чрезвычайно плотное насыщение Мёзии римскими воинскими подразделениями. Уже в начале римского правления, в 30-х гг. н.э., на Дунае возникли легионные лагеря: У Македонского (в Ратиарии, у впадения в Дунай р. Арчар) и IУ Скифского (у впадения в Дунай р. Моравы) легионов. Вскоре (в 40-х гг.) гарнизон Мёзии был увеличен еще на один легион - УШ Августов, лагерь которого был разбит в Новах (западнее впадения в Дунай р. Янтры). В мирное время в провинции постоянно находилось много легионов, хотя они менялись и их стоянки перемещались¹¹. В военное же время и в длительные периоды подготовки войны их число значительно возрастало¹² (иногда доходя до 6), включало преторианскую гвардию и вспомогательные войска. Если учесть, что один римский легион состоял приблизительно из 5 600 человек, то три постоянных мёзийских легиона составляли 16-17 тыс.¹³ Во вспомогательных войсках Мёзии во II в. н.э., по подсчету специалистов, служили 7000 человек (2500 всадников из ал, 250 из "конной пехоты" - *cohortes equitatae*, 4250 из пеших когорт)¹⁴. Сюда надо добавить еще матросов из очень крупного морского подразделения - Мёзийского флота, точное количество которых нам неизвестно. Большое число воинов из немёзийских подразделений появлялось здесь в момент острых военных ситуаций.

Хотя бесспорно, что лагеря римских легионов, как правило, располагались по придунайским пунктам, во внутренних областях страны постоянно стояло множество вспомогательных воинских подразделений, они эпизодически появлялись здесь в связи с усилением задунайской экспансии Рима или же для обороны против нападений различных племен из-за Дуная.

Завоевание Дакии Траяном и превращение Мёзии во внутреннюю провинцию не уменьшило воинский контингент, а падение римской ("Траяновой") Дакии в 70-х гг. III в. н.э. и эвакуация римских войск, администрации и связанных с имперской политикой лиц на юг от Дуная увеличили количество римских элементов в Нижней Мёзии и во вновь созданной Прибрежной (Аврелиановой) Дакии. Приведенные данные о дислокации и численности римских войсковых

подразделений позволяют утверждать, что в первые четыре века н.э. в Мёзии широко был открыт путь потоку римских войск.

Однако было бы неверным считать присутствие римской армии доказательством романизации местного населения; оно было лишь одной из существенных предпосылок романизации. В связи с характеристикой второй особенности процесса романизации Мёзии важно обратить внимание на этнический состав римского войска, стоявшего на Нижнем Дунае и на степень участия местного населения в римских воинских подразделениях. Этнический состав легионов Мёзии постоянно менялся¹⁶. В этих изменениях можно проследить определенную тенденцию. В I и начале II в. н.э. мёзийские легионы набирались из лиц, носивших римские имена, что указывает на их римское (из граждан г.Рима и италиков) происхождение. К середине II в. легионы начинают пополнять жители провинций. Это следствие военной реформы императора Адриана. Имена легионеров указывают на их недавнее римское гражданство (Ulpii Cosseii, Aurelii) - по именам (nomen) императоров, во время правления которых они или их отцы (ветераны вспомогательных войск) приобретали право гражданства. На фракийское происхождение новых римских граждан-легионеров указывает их фракийский cognomen, а также поклонение чисто фракийским божествам. Фракийцы и выходцы из Малой Азии преобладали в мёзийской армии. Помимо изменений в этническом составе этого войска к III в. н.э. произошли перемены и социального порядка. Если во II в. н.э. легионеры происходят из местных городов, то в III в. они вербуются не только из горожан, но и жителей сел. Об этом свидетельствуют как прямые указания на это обстоятельство в надписях, так и косвенные (указание на происхождение из провинции Мёзии - *moesiacus*; указание племени, из которого происходит легионер или ветеран легиона). Для романизации Балкано-Дунайских земель, население которых состояло в основном из сельских жителей, такое изменение системы набора в легионы имело большое значение.

Следует отметить и еще одно важное обстоятельство - возросшую связь легионеров с сельскими жителями. Это явление проявилось во многих эпитафиях, написанных солдатами-легионерами с посвящениями богам и сообщениями о возведении алтарей в честь своих односельчан, а сельские жители оставили надписи со здравницами в честь легионеров - выходцев из их сел. Во время службы легионеры из одной местности составляли своего рода корпо-

рацию, их объединяла общность происхождения, общий культ местных божеств, они нередко фигурировали в качестве наследников умершего однополчанина (*conveterani heredes*). Родственные и соседские отношения у дунайских солдат-легионеров превалировали над служебными. Это характерно именно для солдат и ветеранов, вербовавшихся в Дунайских землях, особенно в Мёзии, и объясняется жизненностью здесь общинных отношений и свободного землевладения¹⁶. Сохранение романизованного фракийского населения в *Dacia ripensis* и в более позднее время (середина V в.) засвидетельствовано Приском.

Тесная связь фракийских солдат со своими односельчанами должна быть принята во внимание как одна из особенностей, определивших интенсивность и пути развития романизации местного населения.

Еще в большей степени этот вывод относится к истории вспомогательных войск. Подобно тому, как это было и в других организованных римлянами провинциях, жители Мёзии уже с I в. н.э. служили во вспомогательных войсках (многочисленные *cohortes Thracum*). Первоначально стоянки их располагались вне Дунайских провинций, чтобы, видимо, предупредить антиримские выступления. Однако уже к концу I и особенно во II-III вв. выходцы из местных жителей оставляли основу Дунайских вспомогательных войск. Процесс романизации ауксiliarиев заметен при изучении их имен: у фракийцев в I в. появляются, а во II и особенно III в. н.э. уже превалируют вполне романизованные (и *nomes* и *cognomen* - римские) имена. Латинские надписи с этими именами свидетельствуют о наделении солдат из вспомогательных войск римскими гражданскими правами и причастности их к римской культуре. Ауксiliarии, набравшиеся из основных сельских жителей провинции, после почетной отставки (*honesta missio*) возвращались в родные места, получали от римских властей землю на правах частной собственности, становились административными руководителями сел и деревень. Возможно, именно их, а не ветеранов легионов в большей мере следует считать романизирующим элементом на землях Мёзии.

Своеобразие романизации земель между Балканами и р. Дунаем составляла и организация административного управления. Римляне дольше, чем в других провинциях, не вводили здесь обычной провинциальной структуры. Считаясь с традиционной племенной орга-

низацией страны, они долго сохраняли в качестве низовой административной единицы племенные общины (civitates) с их вождями. Над этой племенной системой были поставлены римские военные командиры (praefecti), объединявшие под своей властью несколько племен (например, praefectus civitatum Moesiae et Treballiae во времена правления императора Клавдия).

Со времени Антонинов, во всяком случае с середины II в. н.э., в селах ввели римское управление: село (vicus или pagus) управлялось двумя магистратами (magistri), которым подчинялся квестор. Высшим органом сельского управления был совет села. Деревни или села образовывали округ (territorium), во главе которого стоял квинквеннал, назначаемый римскими властями на 5 лет. Эта система, не представлявшая собой экстраординарного явления для Римской империи, на интересующих нас землях (по крайней мере — на их восточной части) имела некоторые особенности. На них указывает нам серия надписей из пяти сел Малой Скифии (Добруджа)¹⁷. Одна из этих надписей (из vicus Quintionis) сообщает, что первый из магистратов был римлянин по происхождению, другой — фракиец (из тех, кто носил и свое собственное, и отцовское чисто фракийское имя). До последней трети II в. квесторами были только римляне по происхождению, но с конца этого века эту должность стали занимать по очереди то нероманизованный фракиец, то римлянин по происхождению. Надписи в данном случае свидетельствуют о фрако-римских контактах при административной деятельности. Существенно, что речь идет об этих контактах в сельских административных подразделениях, что чрезвычайно важно при решении вопроса о романизации преимущественно сельского населения земель к югу от Дуная.

Процесс романизации сельского населения прослеживается и по начальной формуле тех же эпиграфических документов, в которой в качестве жителей сел и деревень (vici, pagi) постоянно упоминаются три категории населения: "veterani, cives romani, bezzi (или lai)", т.е., во-первых, ветераны — романизованные жители, чаще всего фракийцы; во-вторых, невоенные римские граждане; в-третьих, нероманизованные фракийцы. Все три категории живут в селах совместно. Романизацию отражает и множество посвящений фракийскому всаднику, сделанных романизованными фракийцами.

Однако упоминавшаяся начальная формула надписи из сел Малой Скифии дает некоторые сведения о степени романизации восточной части Мёзии во II в. Даже в период интенсивной романизации, которую проводили императоры из династии Антонинов, между романизованными фракийцами, римлянами по происхождению и "чистыми" фракийцами лежала четкая граница, проводимая на основании степени романизованности жителей сел и деревень.

Тем не менее, романизация усиленно проводилась и в III в. Сохранение романского населения в селах в более позднее время (середина V в. н.э.) засвидетельствовано Приском, который сообщает о *'Ρωμαίοι'* в *Dacia ripensis*, занимавшихся земледелием во время гуннских нашествий (Priscus, fr.8, FHO, 4, p.26, ed. Muller).

Центрами римской культуры были города. Многие считают, что варварские нашествия, обрушившиеся на города Нижнего Подунавья, уничтожили и римскую культуру, и старое романское и романизованное население. Однако (и в этом следует видеть еще одну особенность романизации затрагиваемых в этом сообщении областей) ни вестготское, ни гуннское, ни остготское, ни славянское вторжения не привели к полному разрушению городов. Города уцелели и играли большую роль в экономике Мёзии в раннее средневековье. И хотя ущерб, нанесенный придунайским городам, был значительно больше, чем тот, который был причинен городам к югу от Балканских гор, все же романское и романизованное фракийское население в Придунавье оставалось основными этническими пластами городского населения конца IV - начала V в. н.э.¹⁸

Приведенные материалы¹⁹ дают основание считать, что Мёзия (главным образом Нижняя Мёзия²⁰) была в балканских областях одним из наиболее крупных очагов романизации и формирования на основе фракийского субстрата романизованного населения. Средневековые источники сообщают о населении образованной на территории Мёзии византийской фемы Паристрион, состоящей из владов и болгар. Эти сведения могут быть связаны с данными античной историографии и эпиграфики и находят в них подтверждение.

Средневековые хронисты писали о расселении владов в других районах Балканского полуострова - Северной Греции, Эпире, Македонии, Фессалии, Южной Фракии и др. Это свидетельства о расселении владов и об их передвижениях в другие области Балканского полуострова. Однако нет достаточных оснований для утверждения,

что Мёзия была единственной областью, откуда могло произойти расселение владх на Балканских землях.

Примечания

¹ Кудрявцев О.В. Эллинские провинции Балканского полуострова во II в. н.э. М., 1954, с.22-26.

² Машкин Н.А. Истоки древнего Рима. М., 1949, с.397-398, 453-454; Ранович А.Б. Восточные провинции Римской империи в I-III вв. М., 1949, с.216-241.

³ Жебелев С.А. АХАИКА, 1903, с.96, см.: Ранович А.Б. Восточные провинции..., с.217; Кудрявцев О.В. Эллинские провинции..., с.118-156, 308-318; Jones A.H.M. The Greek City from Alexander to Justinian, Oxford, 1940; Kuhn E. Die städtische und bürgerliche Verfassung des Römischen Reiches auf die Zeiten Justinians. I-II. Berlin, 1864-1865.

⁴ Ранович А.Б. Восточные провинции..., с.222; Кудрявцев О.В. Эллинские провинции..., с.224, 320.

⁵ Ранович А.Б. Восточные провинции..., с.222, Кудрявцев О.В. Эллинские провинции..., с.235-239.

⁶ Там же.

⁷ Геров Б. Романизмът между Дунава и Балкана от Август до Хадриан, ч. I. - "Годишник на Софийският университет", ист.-фил.-филолог. факултет, т. XLV, 1948; Романизмът между Дунава и Балкана от Хадриан до Константин Велики, ч. II. - Там же, т. XLVI, 1950/51-1951/52, т. XLVII, 1952/53.

⁸ Majewski K. Kultura rzymska w Bulgarii. Wrocław - Warszawa - Kraków, 1969, s.10.

⁹ Златковская Т.Д. Мёзил в I-II вв. н.э. М., 1961, с.7-57.

¹⁰ Эти свидетельства тщательно подобраны и прокомментированы в работах Г.Г. Литаврина (Влахи византийских источников V-XIII вв. - В сб.: Юго-Восточная Европа в средние века, Кишинев, 1972, с.191-239; Болгария и Византия в XI-XII вв. М., 1960, с.430-437).

¹¹ В 60-х гг. мы застаем здесь VIII Августов, III Галльский и VII Клавдиев легионы, а в 70-х гг. - I Италийский, V Македонский, VII Клавдиев легионы, стоявшие соответственно в Новах, Виминации и Эске (у впадения в Дунай р. Искр).

¹² Например, 4 времени Траяна в Верхней и Нижней Мёзии на Дунае стояли 4 легиона: IV Флавиев (в Сингидунуме, у совр. Белграда), VII Клавдиев (в Виминации), I Италийский (в Дуросторе, у совр. Силистрии), V Македонский (в Троезмисе, в совр. Добрудже).

¹³ Domaszewski A. Die Rangordnung des römischen Heeres. Bonn, 1908, S. 28; Kromajer J. und

Уеітн G. Heerwesen und Kriegführung der Griechen und Römer. München, 1928, S.492.

14 Онеешман G. The auxilia of the Roman imperial army. Oxford, 1914, p.156.

15 Изучению состава войск на Дунае посвящена очень содержательная статья Е.М.Штаерман (Этнический и социальный состав римского войска на Дунае. ВДИ, 1946, № 3, с.256-269). См. также Златковская Т.Д. Указ. соч., с.47-48.

16 Данов Хр. Древна Тракия. София, 1969, с.299-311; F o l A. Die Dorfgemeinde in Thrakien im ersten Jahrtausend v.u.Z. - "Jahrbuch für Wirtschaftsgeschichte", I. Berlin, 1969; Златковская Т.Д. Возникновение государства у фракийцев. М., 1971, с.82.

17 P â r v a n V. Histria VII. - "Analele Academiei Române, Memoriile secțiunii istorice", ser.III,t.II, 1924, № 48-52; О н ж е. Dacia: An outline of the early civilization of the Carpatho-Danubian countries. Cambridge, 1928, № 18; О н ж е. Ulmetum I, II, III. - "Analele Academiei Române, Memoriile secțiunii istorice", ser. III, t. XXXVI, XXXII.

18 Велков В. Традиц в Тракия и Дакия през късната античност. София, 1959, с.244.

19 Как видно из изложенного, в этой работе исследованием затронуты балканские области лишь к югу от р. Дуная.

20 Венгерский исследователь А. Мочи обратил внимание на ряд моментов, способствующих ослаблению силы романизации в Верхней Мезии по сравнению с Нижней. M o c s e i A. Gesellschaft und Romanisation in der Römischen Provinz Moesia Superior. Budapest, 1970). Хотя в целом эти сравнительные данные следует считать правильными, все же нельзя не отметить, что автор преуменьшает степень романизации Верхней Мезии (см. рецензию Колосовской Ю.К. на книгу А. Мочи. ВДИ, 1970, № 4, с.183-188).

М.С. Великанова
(Москва)

ДАНЫЕ ПАЛЕОАНТРОПОЛОГИИ О ПЕРЕМЕЩЕНИИ НАСЕЛЕНИЯ В ДНЕСТРОВСКО-ПРУТСКОМ МЕЖДУРЕЧЬЕ В I-II ТЫСЯЧЕЛЕТИЯХ

На протяжении тысячелетий в Днестровско-Прутском между-
речье происходили неоднократные перемещения населения. При изу-
чении этногенеза в подобных районах антропологические данные
в ряду материалов смежных дисциплин являются иногда наиболее
ярким показателем миграции. Культурные элементы могут распрост-
раняться в результате диффузий и заимствований, появление же но

вых антропологических типов всегда свидетельствует о приходе нового населения¹.

В начале нашей эры основным населением Днестровско-Прутокого междуречья были племена сармат и носителей черняховской культуры². Антропологический материал по сарматам очень мал: он представлен небольшой серией из Боканского могильника, где имеется всего шесть недеформированных черепов, а также отдельными черепами из могильников Криничное, Куконешты, Токмазея. При сопоставлении обнаруживается близость антропологического типа этих черепов с сарматскими сериями Украины и Поволжья. Эти материалы подтверждают исторические и археологические данные о перемещении на территорию Днестровско-Прутокого междуречья в первые века нашей эры значительных масс сарматского населения с востока, из степей Северного Причерноморья³. Проникновение сармат в междуречье фиксируется не только в памятниках сарматской культуры. Антропологические материалы обнаруживают здесь проникновение сармат в иную этническую среду — в состав носителей черняховской культуры.

Физический облик черняховцев известен сейчас в целом достаточно хорошо. Черняховцы Днестровско-Прутокого междуречья изучены, в основном, по двум сериям — из могильников Будешты и Малаешты⁴. На территории Украины исследованы несколько могильников⁵. Есть сведения о черняховском населении западных областей распространения культуры (в пределах Румынии)⁶.

В целом черняховцы представлены европеоидным долихокраным узколицым среднерослым населением. Наряду с некоторыми общими чертами черняховцы обладают и определенными локальными различиями. Одним из локальных вариантов является черняховское население Днестровско-Прутокого междуречья. Оно выделяется на общем фоне особой грацильностью — меньшим ростом, уменьшением основных размеров мозгового черепа и лица, ослабленным рельефом на черепе, а также большей брахикранностью.

Антропологические особенности позволили связать происхождение черняховцев этого района с древними фракийцами и считать гето-фракийцев одним из основных составляющих населения Днестровско-Прутокого междуречья в первых веках нашей эры⁷. Однако при установлении генетической связи данные антропологии не являются решающими.

В Будештском могильнике была выделена примесь иного морфологического комплекса — более широколицего и брахикранного, сов-

падающего с типом, представленным у сармат. Ближайшие аналогии обнаруживаются у впадной группы сармат Поволжья⁸. Корреляция этого комплекса с особенностями сарматского погребального обряда подтверждает этническую принадлежность выделенной примеси.

Присутствие сармат в краниологической серии мало меняет ее среднюю характеристику. Доля сарматского элемента в черняховском населении была невелика и количественно неравнозначна гето-фракийскому компоненту.

Таким образом, уже в начале первого тысячелетия нашей эры антропологический состав населения Днестровско-Прутского междуречья — результат сложного взаимодействия местных и пришлых племен.

Широко распространенная в VI — XII вв. в Днестровско-Прутском междуречье славянская культура⁹ представлена двумя памятниками, давшими антропологический материал, — могильником X—XI вв. у с. Бранешты Оргеевского района МССР и погребениями XII в. у с. Василев Черновицкой области. Сравнение с обширными восточнославянскими средневековыми материалами показало, что обе серии по всем признакам укладываются в пределы изменчивости краниологического типа восточных славян.

Каковы же генетические истоки населения междуречья в этот период? Сопоставление славянского палеоантропологического материала с черняховским выявляет достаточно глубокое различие между обеими группами¹⁰. Славяне представлены совершенно иным антропологическим типом — они более высокорослы и массивны, отличаются большими размерами черепа и иными пропорциями лицевого скелета. Отмеченное направление различий не может быть объяснено временной (или "эпохальной") изменчивостью. Есть все основания для заключения об отсутствии генетических связей между черняховцами и славянами X — XII вв.

Славяно-черняховские различия в междуречье не позволяют говорить даже о частичном участии черняховцев в формировании антропологического состава славян, как это отмечено например, в некоторых районах Поднепровья. Незначительный генетический вклад черняховцев в население последующих периодов в Днестровско-Прутском междуречье растворился в новой антропологической среде. Можно, следовательно, констатировать смену населения в это время и считать, что славяне пришли на территорию Поднепровья.

Т.И.Алексеева¹¹ исследовала средневековое славянское население, установив определенную закономерность географического распределения скулового диаметра – важного здесь диагностического признака – на территории средневековой Восточной Европы. Материалы по Днестровско-Прутскому междуречью подтвердили эту закономерность. Наибольшая широколицесть характерна для населения самых западных восточнославянских областей (западных кривичей, древлян и славян Поднестровья). Такая локализация находит свое объяснение. Широколицый, долихо- или мезокранный тип с довольно низкими глазницами и относительно широким носом является, вероятно, исходным в антропологическом составе славян в целом. Его выделение, судя по палеоантропологическим данным, связано с центральными областями Средней Европы¹². По мере расселения славян из этого центра чистота указанного комплекса, естественно, нарушалась субстратными влияниями. Из пяти антропологических типов, выделяемых среди восточных славян, сохранил свою относительную широколицесть только один, локализующийся в западных районах.

Итак, территориальная близость, определенная концентрация широколицых групп на западе – не случайны. Можно полагать поэтому, что морфологическое сходство, подкрепляемое географическим распределением, отражает глубокую генетическую общность поднестровских славян с другими широколицыми группами, в первую очередь с древлянами. Следовательно, при заселении области Днестровско-Прутского междуречья основную роль должны были играть главным образом передвижения западного (древляне и др.) массива восточных славян.

Начало II тысячелетия в Днестровско-Прутском междуречье отмечает новая волна этнических передвижений. Этот период, предшествуя времени заселения Днестровско-Прутского междуречья восточными романами, представляет особый интерес в связи с проблемой этногенеза молдавского народа. Важность проблемы, а также спорность многих частных ее моментов, заставляют рассмотреть этот период подробнее.

В исследованиях последних лет установлено, что в X – XII вв. на территории междуречья была распространена балкано-дунайская культура¹³. Не касаясь ее многозначной археолого-культурной интерпретации, определим возможные истоки этой группы населения на основе антропологических данных.

Прежде всего необходимо установить соотношение исследованного антропологического материала, полученного из могильника Лимбарь XII - XIV вв.¹⁴, с более ранним. Сопоставление с черняховской серией показывает резкие расхождения обеих групп по ряду признаков. Черепа из могильника Лимбарь отличаются от черняховских большей брахикранностью и массивностью, сильно выраженным рельефом, крупным лицом. Особенно наглядно проявляется различие по скуловой ширине мужских черепов, достигающее 1,5 единиц квадратического уклонения - едва-ли не максимальное из возможных в пределах европеоидной расы, т.е. соответствующее различию между почти крайними ее вариантами. Велики различия в размерах костей посткраниального скелета, а также в определяемых на этой основе росте и весе: лимбарцы более высокорослы и массивны. Следовательно, можно утверждать, что генетические связи этой группы с черняховским населением исключаются.

При сравнении балкано-дунайского антропологического материала со славянским отметим прежде всего неоднородность лимбарской серии, которая проявляется в определенном различии антропологического типа мужчин и женщин. Женские черепа в целом ближе к типу, представленному у рассмотренных выше славян. Мужская же группа является носителем комплекса признаков, который впервые встречается на этой территории. Она характеризуется высокорослостью, брахикранией, широким, слегка уплощенным лицом и некоторыми другими особенностями, свидетельствующими о небольшой примеси монголоидных элементов при несомненной европеоидности комплекса в целом¹⁵. Славянские черепа более долихокранны, более узко- и низколицы, горизонтальная профилировка выражена резко, монголоидная примесь не отмечается.

Можно полагать, что население, представленное материалами из могильника Лимбарь, сложилось на базе двух основных компонентов. Первый, проявляющийся у женщин, близок по типу к местным славянам, с которыми, вероятно, и следует связать его происхождение. Второй, морфологически далекий как от населения более раннего, так и от одновременного славянского и, следовательно, инородный здесь, привнесен главным образом мужчинами, пришедшими на эту территорию извне.

Выявленная комбинация антропологических комплексов с малом хорошо согласуется с представлением (подтверждая последнее) о приходе одного из них и местном происхождении другого. В

переселяющейся на новое место группе вполне вероятен численный перевес мужчин и недостаток женщин; последний и восполняется за счет местного населения. Обратное сочетание (мужчины - местного, а женщины - инородного типа) было бы труднее объяснить с указанных позиций или потребовало бы иных гипотез. Во всяком случае подобное сочетание уже нельзя было бы квалифицировать как результат переселения этнической группы.

Степень и характер смешения двух антропологических компонентов балкано-дунайского населения также позволяют считать метисацию местной. В случае более раннего смешения связь антропологического типа с полом утратилась бы и не было бы картины механической смешанности.

Только местным происхождением компонента, связанного с женщинами, можно объяснить то обстоятельство, что на средних величинах размеров женских черепов в отличие от мужских меньше сказалось влияние другого компонента¹⁶ - приток местных женщин мог быть постоянным, непрерывным, тогда как привнесение второго комплекса пришельцами-мужчинами было, скорее, эпизодическим явлением.

Итак, и распределение комплексов по полу, и степень метисации, и величины признаков - все это свидетельствует о том, что, придя в Днестровско-Прутское междуречье и осев здесь, пришельцы уже на месте включили в свою группу второй компонент. Установлением местного происхождения последнего мы получаем еще одно, косвенное, подтверждение его славянской принадлежности.

Антропологический комплекс пришлого компонента, характеризующийся тенденцией к сдвигу отдельных признаков в монголоидном направлении, генетически может быть связан лишь с восточными по отношению к Днестровско-Прутскому междуречью областями. Имеются аналогии в некоторых сериях Юго-Восточной Европы конца I - начала II тысячелетия: Каменка X - XII вв. в Поднепровье¹⁷, Зливки VIII - IX вв.¹⁸ и Саркел X - XI вв.¹⁹ в Подолье, Кайбелы VIII - XI вв.²⁰ и Большие Тарханы VIII - IX вв.²¹ в Среднем Поволжье. Средневековое население этих областей складывалось в значительной мере на основе европеоидного брахикранного широколицего варианта, восходящего в своем происхождении к соответствующему типу местных и более восточных сарматских племен.

В связи с последним утверждением возникает вопрос о роли сармат в формировании брахикранного компонента балкано-дунайско-

го населения непосредственно в Днестровско-Прутоком междуречье. Сарматы в этом районе, как уже упоминалось, исследованы мало, но широколицая брахикранная антропологическая основа отмечена на всей территории их расселения. Однако, несмотря на некоторую антропологическую общность, вряд ли представители брахикранного-широколицевого типа балкано-дунайского населения являлись потомками местных сармат. В этом убеждает, во-первых, огромный, почти в тысячелетие, хронологический разрыв между обоими периодами при отсутствии исторических и археологических сведений о сарматах междуречья в этот промежуток времени. Кроме того, следует учесть недавность смешения, что подтверждает появление рассматриваемого компонента в период, близкий к дате могильника.

При сравнительном анализе средневекового населения юго-восточных областей важно выделить следующие моменты. Прежде всего отмечается его неоднородность в отношении рас первого порядка. Авторы, исследовавшие антропологический материал, выделили наряду с европеидной основой определенную монголоидную примесь, различную по удельному весу в разных сериях, но всюду неизменно присутствующую. В одних случаях серия имеет явно смешанный, почти промежуточный между монголоидной и европеидной расой, облик (Кайбелы, Большие Тарханы). В других — это небольшая примесь в виде отдельных черепов с некоторыми монголоидными особенностями, мало отражающаяся на средних величинах признаков (Каменка, Саркел).

Выявление монголоидной примеси важно не только как подтверждение общности с брахикранным компонентом лимбарской серии. Неизменное присутствие этой примеси свидетельствует о постоянном вхождении какого-то числа монголоидов в состав названных групп. Следовательно, обнаруживая монголоидный элемент в населении балкано-дунайской культуры, мы не должны рассматривать его в качестве третьего компонента, присоединившегося уже в пределах Днестровско-Прутокого междуречья. Включение монголоидных элементов в состав переселенцев происходило ранее, до их прихода в междуречье.

Среди всех юго-восточных серий наиболее сходна с мужскими черепами из могильника Лимбарь серия из Саркела. Другие группы наряду с общим сходством все же устойчиво отличается несколько более высоким черепным указателем. Это — вполне закономерное от-

личие, в нем проявляется влияние долихокранного славянского элемента на балкано-дунайское население. Полного совпадения характеристики мы и не вправе ожидать. Но и более близким сходством с саркельской группой эта закономерность не нарушается. Дело в том, что группа из Саркела, по заключению исследовавшего ее В.В. Гинзбурга, имеет смешанное происхождение. Долихокранный европеоидный компонент связывается со славянским завоеванием Саркела, а брахикранный принадлежит местному населению города²². Те же компоненты, только в обратном соотношении с полом, составили и нашу группу балкано-дунайского населения. Это и привело к сходным результатам в характере антропологического состава обеих групп, а также дало дополнительное свидетельство в пользу смешанного, с участием славян, происхождения нашей группы.

До сих пор мы не касались вопроса об этническом определении второго компонента. Большинство оерий, рассмотренных в качестве сравнительных, археологически объединяет принадлежность к болгарскому варианту салтово-маяцкой культуры. Есть доказательства существования салтово-маяцкого населения в периоды более поздние, чем хронологические рамки самой культуры — VIII—IX вв.²³ Это подтверждает и анализ исторических данных²⁴. Таким образом, в той части балкано-дунайского населения, которая привнесла сюда брахикранный, широколицый, с небольшим монголоидным населением компонент, мы вправе видеть пришельцев с Юго-Востока Европы, связанных в своем происхождении с тюрко-болгарской этнической средой.

Помимо обычных расово-диагностических данных антропологический материал балкано-дунайской культуры дает еще один аргумент в пользу ее тюрко-болгарских истоков. Речь идет о следах так называемых "символических трепанаций" черепа. Это явление было описано как на материалах могильника Лимбарь (5 случаев, или 5%), так и на черепах из более раннего (X—XI вв.) могильника той же культуры — Кэпрэрия (9 случаев, или 12%)²⁵. Символические, т.е. неполные трепанации рассматриваются как своего рода хирургический паллиатив отвлекающего действия. Подобное явление отмечено и в других группах, происхождение которых связано с восточными районами европейской части СССР. В Большетарханском раннеболгарском могильнике обнаружено 10 случаев символической трепанации, в Лимтровском и Зливкинском могильниках — по 3 случая. Четыре трепанированных черепа обнаружено на Кавказе, в мо-

гильниках X – XI вв., связанных с аланами²⁶. Символические трепанации наблюдались и на территории Болгарии (Плиска, VII – IX вв.) и Венгрии²⁷. Исследующий этот феномен болгарский антрополог П. Боев считает, что такие операции производились лишь протоболгарами и что весь путь протоболгар как до Волжской, так и до Дунайской Болгарии был отмечен символическими трепанациями. В связи с этим он предлагает расценивать это явление как показатель протоболгарской этнической принадлежности и использовать для практической диагностики²⁸.

Появление турко-болгарских переселенцев в Днестрово-Прутском междуречье можно представить оледующим образом. На рубеже I–II тысячелетий на Юго-Востоке Европы происходят значительные перемещения населения²⁹. В X в. в результате нашествия печенегов прекращается жизнь на поселениях салтово-маяцкой культуры. Салтово-маяцкое население, в значительной части – особенно болгарской – недавние кочевники, осевшие на землю, легко, по-видимому, вовлекается в кочевническое движение. Под натиском туркоких кочевников с востока отдельные группы продвигались к западу, повторяя исторически известный путь родственных им аспаруховых болгар, пройденный несколькими столетиями ранее.

В Поднепровье они оседают, начинают смешиваться с местным славянским населением. Славянизация салтово-маяцких племен не представляет принципиально нового явления. Она происходила и в более раннее время на исконных местах их обитания – в Приазовье. С.А. Плетневой установлено, что влияние соседнего славянского населения глубоко проникало здесь в быт алано-болгарских племен, воспринявших новые для них типы поселений, жилищ, очагов³⁰.

Мы намеренно не вдаемся в подробное рассмотрение всех существующих концепций происхождения и этнической принадлежности создателей балкано-дунайской культуры, ограничивая себя тем планом анализа, который подсказывает сам антропологический материал, с учетом, конечно, общих историко-археологических сведений. Однако некоторые положения археологов все же требуют своего рассмотрения и на антропологическом материале.

Большинство исследователей, независимо от культурно-этнической трактовки балкано-дунайской культуры, помещают ее центр к западу от Прута. В связи с этим возникает вопрос: не было ли турко-болгарское переселение в Днестрово-Прутское междуречье

движением не с востока, а с запада, с территории Дунайской Болгарии? Действительно, антропологические данные из Болгарии, относящиеся к протоболгарам (Нови-Пазар, УП – УШ вв.), показывают тот же антропологический состав, что и у рассмотренных нами волжских и приазовских болгар, с большой расовой смешанностью, преобладанием брахикранных элементов³¹. Но уже через несколько столетий даже в могильниках, найденных в центрах Болгарского государства – Мадаре и Преславе, где протоболгарский слой должен быть наиболее значительным, примесь пришлого типа, вероятно полностью ассимилировавшегося, не обнаруживается. Средневековый антропологический материал из Болгарии УШ – ХІУ вв., широко представленный сериями из Мадары, Преслава, Луковита, Казанька, однороден. Он свидетельствует об узколицем грацильном европеоидном типе, характерном для южных славян³². Этот тип резко отличается от болгарских переселенцев в Днестровско-Прутковое междуречье³³. Следовательно, возможность переселения из Дунайской Болгарии исключается.

Вопрос о переселении с запада имеет и другой аспект, подразумевающий переселение в Днестровско-Прутковое междуречье волохов. Этот вопрос весьма существенен, так как непосредственно связан с проблемами этногенеза восточных романцев в целом и заселения междуречья восточнороманскими предками современных молдаван.

Как известно, некоторые румынские археологи считают балкано-дунайскую культуру или проторумынской в целом или выделяют в ней существенный восточнороманский компонент. Основными обитателями поселения, связанного с могильником Лимбарь (и соседним и более ранним – Х–ХП вв. – Кепрерия), исследовавший эти памятники И.Г.Хынку считает наряду со славянами волохов³⁴. Однако это мнение было отвергнуто молдавскими и другими советскими археологами³⁵.

Население начала II тысячелетия в Румынии только начинает изучаться антропологически³⁶. Имеющиеся материалы Х – ХІУ вв. (Диногетия, Вербичиоара, Дойна), так же как и о средневековом населении Болгарии, обнаруживают иной антропологический комплекс по сравнению с мужскими черепами из могильника Лимбарь³⁷. У женских черепов столь же определенных различий по целому комплексу признаков не обнаружено. Отчетливо выделяет женщина из могильника Лимбарь лишь форма мозгового черепа – величина черепного ука-

зателя у них самая низкая в рассматриваемом ряду — 75,6. Учитывая большое единообразие женских серий с территории Румынии в этом привнике (78,4 — 79,6), следует сказать, что это расхождение весьма существенно. Необходимо также отметить, что в программе краниологического исследования, принятой румынскими антропологами, отсутствуют важные расово-диагностические признаки. Какорне использовались и при характеристике типа лимбарских черепов (углы горизонтальной профилировки лица, угол выступления носа, высота переносья, форма нижнего края грушевидного отверстия и др.). Возможно, при учете этих особенностей, на женских черепах выявились бы и другие отличия.

Итак, анализ подтвердил, что западные (волошские) связи полностью отсутствуют в комплексе, проявляющемся у мужчин исследуемой группы; компонент, представленный женщинами, в целом также оббликается больше со славянами, чем с "западными" сериями X—XIV вв. Конечно, возможность небольших вкраплений представителей "западного" населения на основе антропологического материала не может быть исключена, так же как и выявлена. Выделение численно небольшой примеси иного типа в пределах одной расовой среды почти невозможно, если не подкрепляется корреляцией с какими-то дополнительными фактами, например, деталями погребального обряда. Это свидетельствует о количественной незначительности примеси, если она и присутствует в серии.

Следовательно, антропологические сведения из могильника Лимбарь не дают оснований для утверждения о волошских перемещениях в Днестровоко-Прутское междуречье в этот или более ранний период. Как же в таком случае следует отнестись к археологическим параллелям и аналогиям с материалами из Подунавья³⁸. Ответить помогает антропологический материал могильника X—XII вв. из Диногэци в Добрудже — памятника, в котором обнаружено наибольшее (из всех западных) число аналогий с археологическими данными могильника Лимбарь. Сравнимые серии характеризуются общим различием антропологического типа. Наряду с этим можно отметить на женских черепах из Диногэци отдельные черты, приближающие их к варианту, представленному у лимбарских мужчин. Исследовавший серию из Диногэци К. Максимилиан, считая ее в целом славянской, утверждает, что в ней присутствуют несколько черепов с монголоидными особенностями³⁹. Разнородность обитателей Диногэци знают и другие авторы⁴⁰. Можно предположить, что население Ли-

ногетции формировали те же этнические элементы, что и выявленные в могильнике Лимбарь, при той лишь разнице, что пришлый с востока комплекс имел здесь значительно меньший удельный вес.

Таким образом, элементы культурного сходства могильника Лимбарь с некоторыми западными памятниками могут быть обязаны своим происхождением одному и тому же процессу передвижений из Юго-Восточной Европы. Утверждая, что в сложении антропологического состава населения междуречья в XII - XIII вв. существенную роль сыграло переселение с востока, мы, к сожалению, не в состоянии определить количественное соотношение пришлого и местного компонентов. Основываясь на степени проявления соответствующих комплексов, можно предполагать примерно равное участие обоих или небольшой перевес местного, славянского. Определяя роль компонентов в сложении данной узколокальной группы, отраженной в материалах могильника, на первое место следует поставить тюрко-болгарский компонент, учитывая его преобладание у мужчин. Поскольку взаимоотношения со славянами имели преимущественно характер брачных связей, что подтверждают антропологические данные, вряд ли можно говорить о равнозначной роли обоих компонентов, по крайней мере в начальной стадии существования группы. Во всяком случае распределение антропологического материала по полу свидетельствует против того, что на поселениях жили семьи разной этнической принадлежности. Дальнейшая судьба этой группы будет рассмотрена несколько ниже.

На завершающем этапе этногенеза на территории Днестровско-Прутского междуречья, связанном, как известно, с восточнороманским переселением в этот район, сложилось его современное население. Как отразился этот процесс в антропологических данных? Этот важный период весьма недостаточно исследован антропологически. Рассмотренный период, предшествующий времени образования Молдавского княжества, известен, как мы видели, лишь по одной серии балкано-дунайской культуры, которая, естественно, не может отразить антропологический состав всего района. Для периода XIV - XV вв. материала почти нет, кроме небольшой серии, представляющей городское население Старого Орхей. Самая ранняя из имеющихся молдавских серий, полученная из раскопок в Старом Орхее в 1971 г., относится уже к XVI - XVII вв.

Кроме того, на данном этапе накопления материалов по палеоантропологии Румынии мы не имеем еще исчерпывающего представ-

ления о краниологическом типе средневекового (волошского) населения. Как уже упоминалось, румынские антропологи обычно не включают в свою краниметрическую программу ряд важных в расово-диагностическом отношении признаков, что крайне затрудняет сравнительный анализ материалов некоторых периодов.

Сопоставив имеющиеся данные, можно решить вопрос о роли волошского переселения в Днестровоко-Прутокое междуречье. Начнем о выяснения возможных местных истоков в отношении краниологического типа молдаван этого региона. Возьмем за основу главный компонент поселений культуры XII - XIII вв., который в целом можно охарактеризовать как комплекс умеренно выраженной европеоидности. В серии XVI - XVII вв. из Старого Оржея эта тенденция к ослаблению европеоидных особенностей, присущая поселениям XII - XIII вв., полностью отсутствует. Здесь представлен тип более узколицый и низкоорбитный, с резко выраженной горизонтальной профилировкой лица и сильнее выступающим носом. Такое соотношение дает основание отрицать непосредственную генетическую преемственность этих групп. Вместе с тем вполне возможно, что какие-то группы балкано-дунайского населения входили в состав формирующегося молдавского народа. Но физический тип балкано-дунайцев не стал основой в этом процессе. Значит роль балкано-дунайского населения (постольку, поскольку мы его сейчас знаем) в последующих этнических изменениях на территории Днестровоко-Прутокого междуречья была неосуществленной.

Славяне, известные антропологически по сериям X - XII вв., при сравнении с молдаванами XVI - XVII вв. также обнаруживают отличия в форме черепной коробки и ширине лица, которые вполне укладываются в рамки брахикефализации и грацилизации - направленных изменений признаков во времени, отмеченных на территории Восточной Европы во II тысячелетии⁴¹. Иными словами, в любой средневековой восточнославянской группе к XVI - XVII вв. произошло бы естественное изменение и в форме черепа и в ширине лица, присвднее примерно к той выраженности этих признаков, какую мы находим в серии молдаван этого времени. Сходство между группами подчеркивается и проявлением у молдаван такой восточнославянской особенности лицевого скелета, как низкие глазницы и относительно широкий нос. Названные черты, очень постоянные у славян IX - XIII вв., напротив, не проявляются в большинстве групп средневе-

кового населения Румынии, что подчеркивает таксономическую значимость этих признаков в данных районах⁴².

Таким образом, преобладание краниологического типа молдаван XVI – XVII вв. доходит до средневековых славян, отражая роль последних в молдавском этногенезе. Однако славянский краниологический комплекс, взятый за основу, не может обусловить всех особенностей антропологического облика молдаван, у которых степень выступления носа больше, чем у славян.

Румынские антропологи угол носа не измеряют. Однако могут быть учтены данные по южным славянам, формирование которых, как и восточных романцев, происходило в значительной степени на основе фракийского субстрата, в близкой, по-видимому, расовой среде. Все имеющиеся краниологические материалы свидетельствуют о сильном выступании носовых костей на всей территории Балканского полуострова⁴³. Вероятно, это положение можно распространить и на северофракийские области, тем более, что оно подкрепляется имеющимися соматологическими данными о форме профиля носа у румын⁴⁴. Вполне оправдано поэтому предполагать у средневековых восточных романцев большую степень выступления носа и видеть в них источник проявления этой особенности у молдаван Днестровско-Пруцкого междуречья в XVI – XVII вв. Здесь мы впервые в период II тысячелетия сталкиваемся с процессом переселений с запада, находящим отражение в антропологических данных. Другое выражение этого же явления мы находим в результатах сопоставления молдавской краниологической серии XVIII века из Варатга с данными по современным народам сопредельных областей⁴⁵. Было выявлено промежуточное положение молдаван по отношению к восточноевропейским группам, с одной стороны, и народам Балкано-Дунайской области – с другой.

Уточнение хронологических, географических и многих других аспектов восточнороманского переселения – задача последующих исследований. Их дальнейшее развитие тесно связано как с расширением объема антропологических материалов II тысячелетия, так и с повышением информативности зарубежных данных.

Примечания

I Дебец Г.Ф., Левин М.Г., Трофимова Т.А. Антропологический материал как источник изучения вопросов этногенеза. – "Советская этнография", 1952, № I.

² Рикман Э.А. Этническая история населения Поднестровья и прилегающего Подунавья в первых веках нашей эры. М., 1975.

³ Рикман Э.А. Поздние сарматы Днестровоко-Дунайского междуречья. - "Советская этнография", 1966, № 1.

⁴ Великанова М.С. Палеоантропологический материал из могильников черняховской культуры Молдавии. - "Антропологический сборник", III, т.71. М., 1961. Она же. Палеоантропология Прутско-Днестровского междуречья. М., 1975.

⁵ Кондукторова Т.С. Антропология древнего населения Украины. М., 1972.

⁶ Виссу И., Şerbан М., Motioco N. Cimitirul de la Sîntana de Mureş (sec. 3-4 e.n.). Studiu antropologic. - "Studii şi cercetări de medicină", an. 12, № 2, Buc., 1961; Grîstescu M., Klînger R., Gramatorol-Rosca E.M. Contribuţii la cunoaşterea structurii antropologice a populaţiei din cultura Sîntana de Mureş-Cerneahov. - "Arheologia Moldovei", t.6. Buc., 1969.

⁷ Великанова М.С. Палеоантропология..., с.87-88.

⁸ Дебёц Г.Ф. Палеоантропология СССР ("Труды Ин-та этнографии"), т.4. М., 1948.

⁹ Федоров Г.Б. Население юго-запада СССР в I - начале II тысячелетия н.э. - "Советская этнография", 1961, № 5.

¹⁰ Великанова М.С. К антропологии средневековых славян Прутско-Днестровского междуречья. - "Советская этнография", 1964, № 6; Она же. К этнической антропологии Прутско-Днестровского междуречья в I тысячелетии н.э. - "Краткие сообщения. Ин-та археологии", вып.106, М., 1965.

¹¹ Алексеева Т.И. Этногенез восточных славян по данным антропологии. М., 1973.

¹² Там же, с.244, 272.

¹³ Кынку И.Г. Памятники балкано-дунайской культуры X-XIV вв. лесостепной полосы Молдавии. - В кн.: Археология, этнография и искусствоведение Молдавии. Кишинев, 1968.

¹⁴ Великанова М.С. Об одной группе средневекового населения Молдавии по антропологическим данным. - "Советская этнография", 1965, № 6.

¹⁵ Великанова М.С. Палеоантропология..., с.126, 136.

¹⁶ Там же, табл.77-79.

¹⁷ Кондукторова Т.С. Палеоантропологические материалы из средневекового Каменского могильника. - "Советская антропология", 1957, № 1.

¹⁸ Наджимов К.Н. О черепях Злыкинского могильника. - "Краткие сообщения. Ин-та этнографии", вып.24. М., 1955.

¹⁹ Гинзбург В.В. Антропологические материалы к проблеме происхождения населения Хаварского Каганата. - Об. Музея антропологии и этнографии, т.13. М., 1951.

- 20 Герасимова М.М. Скелеты древних болгар из раскопок у с.Кайбелы. - "Антропологический сборник". ("Труды Ин-та этнографии"), т.33. М., 1956.
- 21 Акимова М.С. Материалы в антропологии древних болгар. - В кн.: Геннинг В.Ф., Халиков А.Х. Ранние болгары на Волге. М., 1964.
- 22 Гинзбург В.В. Указ. соч., с.373-375.
- 23 Плетнева С.А. Печенеги, торки и половцы в восточных степях. ("Материалы исследования по археологии СССР", № 62), М., 1958.
- 24 Великанова М.С. Палеоантропология..., с.131-132.
- 25 Хныку И.Г., Окушко В.Р. Захоронения с "пальцевыми вдавлениями" на черепаках из могильников X - XIV вв. - Этнография и искусство Молдавии. Кишинев, 1972.
- 26 Боев П. Символические трепанации от СССР. - "Известия на Института по морфология при БАН", XI. София, 1965.
- 27 Боев П. Върху историческите трепанации. - "Известия на Института по морфология при БАН", III. София, 1959.
- 28 Боев П. Символические трепанации..., с.125.
- 29 Ляпушкин И.И. Памятники салтово-маяцкой культуры в бассейне р.Дона. М.-Л., 1958, ("Материалы и исследования по археологии СССР", № 62).
- 30 Плетнева С.А. Печенеги, торки и половцы..., с.83-94.
- 31 Балабан М., Боев П. Антропологические материалы от некрополя при Нови Пазар. - "Известия на Археологический институт БАН", кн.20. София, 1966.
- 32 Постникова Н.М. Антропологическая характеристика средневекового населения Болгарии (IV-XV и XIX-XX вв.). - "Советская этнография", 1966, № 6.
- 33 Великанова М.С. Палеоантропология..., табл.81, 82.
- 34 Хныку И.Г. Кэпрэрия - памятник культуры X - XII вв. Кишинев, 1973, с.61.
- 35 Бырня П.П., Рафалович И.А. Проблема местного населения в Днестровско-Грутском междуречье и Балкано-Дунайская культура X-XII вв. - "Известия АН МССР", 1978, № 1.
- 36 Нестасов О. Evolution de la structure anthropologique de la population de la Roumanie, depuis le paléolithique jusqu'à nos jours et les problèmes, qui y rattachent. - "Annuaire Roumain d'Anthropologie", 1973, t.10.
- 37 Великанова М.С. Палеоантропология..., табл.81, 82.
- 38 Хныку И.Г. Димбарь - средневековый могильник XII - XIV вв. в Молдавии. Кишинев, 1970.
- 39 Махилиан К. Considerații antropologice asupra populației prefeudale de la Dincgeția (secolele X-XII), - "Probleme de antropologie", t.4. Buc., 1959.

40 Ж е с т а в о в О. Ор. cit.

41 Д е б е ц Г.Ф. Палеоантропология СССР; О н ж е. О некоторых направлениях изменений в строении человека современного вида. - "Советская этнография", 1961, № 2.

42 В е л и к а н о в а М.С. Краниологические материалы к проблеме происхождения молдаван. - Расогенетические процессы в этнической истории. М., 1974.

43 В е л и к а н о в а М.С. Краниологические материалы..

44 Д я ч е н к о В.Д. Антропологичний склад українського народу. Київ, 1965, с.94.

45 В е л и к а н о в а М.С. Краниологические материалы...

Э.А.Рижман
(Москва)

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ РОМАНИЗАЦИИ НАСЕЛЕНИЯ ЛЕВОБЕРЕЖЬЯ НИЖНЕГО ДУНАЯ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ I ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ Н.Э.

В предлагаемой работе автор пытается очертить ареал романизации населения упомянутого региона и уточнить территорию, где зародилось восточнороманское население - предки румын и молдаван. Выполнение этой задачи осложняется многозначностью термина "романизация", под которым в научной литературе, с одной стороны, понимают восприятие местными племенами римской эпохи некоторых античных хозяйственных навыков и явлений культуры, общественной и духовной жизни, а с другой - ею именуют только усвоение варварами латинского языка.

Термин "романизация" в двух значениях применял М.В.Сергиевский¹. Ю.В.Колосовская также пишет о "социальной и культурной романизации", явно имея в виду романизацию в широком смысле слова и отдельно упоминая "распространение латинского языка"². В широком смысле слова употребляли термин "романизация" И.Т.Крутикова³ и И.И.Руссу⁴.

Необходимо отличать романизацию общественно-экономического строя и культуры от романизации языка как разные степени воздействия античного мира и отличать влияние центров античной культуры. Романизация культуры могла стать основой для после-

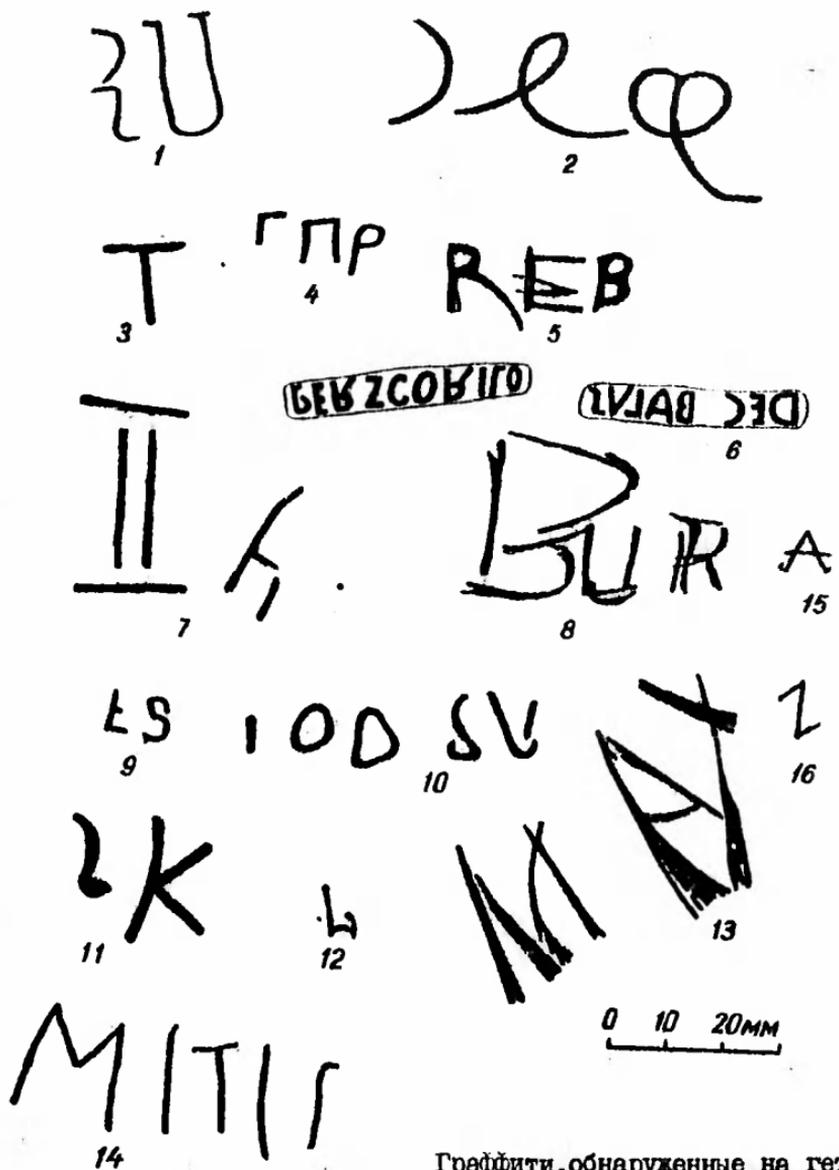
дущего восприятия варварами латинского языка, но это не всегда шло в ущерб местному. Кроме того, на местные племена влияла не только римская, но и позднеантичная культура в целом. Признание неодинаковых степеней романизации поможет разобраться во взаимодействии античной и автохтонных культур, которое автор намерен проследить главным образом в левобережье Нижнего Дуная, т.е. на территории ОРР и Молдавской ОСР, заселенной в первой половине I тысячелетия н.э. гето-даками, к которым впоследствии присоединились сарматы, готы и т.д.

Эллинизация, а позднее романизация культуры гето-даков началась на землях, расположенных к северу от Нижнего Дуная, задолго до установления в них римского господства и выразилась в том, что северофракийские (гето-даки, карпы), германские (готы, герулы и т.д.) и сарматские (еланы, рокооланы) племена пользовались импортными предметами с IV в. до н.э. до первых веков нашей эры.

Гето-даки уже в IV в. до н.э. повзаимодействовали с греческим письмом, распространенным среди жречества и знати до I в. до н.э. шире, чем латинское. Греческие граффити I в. до н.э. обнаружены на камнях построек в Градиштя Мунчелулуй (Трансильвания). Быть может, они начертаны греческими мастерами.

В I в. до н.э. латинское письмо преобладает. Так, на поселениях даков у г. Окнеле Марь (южное Прикарпатье) на обломках трех лепных и четырех гончарных сосудов обнаружены латинские граффити, относящиеся к I в. до н.э. — началу I в. н.э. Эти надписи, судя по несовершенному выполнению их букв, нанесены на сосуды или черепки рядовыми даками. Граффити № 6 было нанесено на круговой сосуд до его просушки, т.е. несомненно гончаром. Четырехжды была прочерчена надпись REB (фракийский антропоним), один раз MARK (также фракийский антропоним) и дважды BUB (наименование племени). Кроме того, на том же поселении обнаружены граффити, где антропоним MARK изображен греческими буквами. Д. Берчу закономерно полагает, что упомянутые выше надписи свидетельствуют о знании некоторыми даками латинского и греческого письма, и, главное, о том, что они подверглись романизации⁵.

О дальнейшем расширении романизации свидетельствует обнаружение в Трансильвании в Градиштя Мунчелулуй обломков культурного сосуда, предназначенного для повседневного употребления, с отпечатками штампов, которые могли воспроизводиться и на мно-

Греффити, обнаруженные на гето-
дакийских и прочих поселениях,
находившихся вне провинции Да-
кии или предшествовавших ее
созданию:

- 1 - Собарь; 2 - Бакота; 3, 9 - Будешты; 4, 6 - Градиштя Мунчолулуй;
5, 8, 13 - Окнеле Марь; 7 - Вороновица; 10 - Рипнев; 11 - Молдав-
ская ССР; 12 - Русяны; 14 - Куркань; 15 - Братей; 16 - Пояна
Дулчеть

гих других сосудах, с латиноской надписью конца 1 в. до н.э. "Decebalus per Scorilo" (Децебал сын Скорилона)⁶.

Романизация в широком и узком смысле наиболее интенсивно происходила в исследуемом регионе во II—III вв. н.э. с образованием там римской провинции Дакии и продвижением временами в него границ Нижней Мёзии.

К романизации в широком смысле приводила система римского господства в Дакии. На хозяйство и культуру неримского населения этой провинции влияли создание городов, военных лагерей, колоний ветеранов, прокладка дорог и распространение римских форм хозяйствования. Аналогичные явления наблюдались в Нижней Мёзии и Паннонии. В последней романизованные иллирийцы⁷ заимствовали римские виллы как форму ведения хозяйства.

Романизации провинций содействовало организованное переселение в них колонистов, римских граждан, преимущественно ветеранов, выходцев со всего римского мира. Особенно активно переселялось латиноязычное население в Дакию. В таких условиях латиноский язык являлся единственным средством общения многоязычного населения между собой и с покоренными гето-дакийцами. Интенсивное заселение колонистами Нижней Мёзии носило, как и в Дакии, организованный характер.

В Дакии, как и в Паннонии и Нижней Мёзии, увоению римских культуры и языка способствовала служба фракийцев в римских вспомогательных войсках, а со II в. н.э. (с правления Адриана) и в легионах, куда допускались лица местного происхождения, ставшие римскими гражданами.

Действенным фактором романизации населения в Дакии, как в Паннонии и Нижней Мёзии, стало предоставление римского гражданства наиболее богатым и знатным местным жителям, активно сотрудничавшим с римлянами.

Глубокой романизации фракийского населения городов Дакии способствовали со II в. н.э. браки гето-дакийцев с солдатами римских воинских частей и иноземными колонистами. Римская культура влияла прежде всего на горожан, в меньшей степени — на жителей сельских местностей, где колонисты получали земельные наделы и где гето-даки втягивались в римскую административную и фискальную системы. Минимально она влияла на население отдаленных от городов гористых районов⁸.

Об интенсивности романизации Дакии свидетельствует факт, что на ее территории обнаружено свыше 2500 латинских и только около 35 греческих надписей⁹. В них зафиксировано 2000 латиноских имен и 60 дако-фракийских¹⁰.

Вышеизложенное не позволяет согласиться с мнением, что население Дакии было полностью романизировано и что "к середине III в. все в Дакии говорили по-латински"¹¹. Кроме приведенных сведений этому противоречат данные письменности: она исчезла из провинции вместе с римлянами, ибо оказалась слабо усвоенной исконными жителями Дакии¹². Таким образом, культура и язык на территории Дакии не подвергались полной романизации. Но она была достаточно интенсивной, что заставило почти всех исследователей признать факт сохранения на севере от Дуная части романизированного населения после падения там власти Рима. Это привлекает внимание даже авторы¹³, полагающие, что романизация протекала главным образом к югу от Дуная.

Выше отмечено, что романизация Дакии была следствием тех же причин, которые проявились в Паннонии и Нижней Мёзии, основанных раньше, чем Дакия, расположенных к югу от Дуная и ближе к Италии. Романизация населения этих двух провинций оказалась сильнее, чем в Дакии. Показателем в этом отношении является большое количество обнаруженных в Паннонии латинских надписей¹⁴ (5000). Наиболее романизированными были южные области провинции, особенно тесно связанные с Италией. Однако даже в Паннонии не все иллирийцы стали латиноязычными. К такому заключению можно прийти исходя из того, что взаимоотношения римских легионов с даками, германцами и сарматами не только левобережья Дуная, но и, видимо, нероманизированным населением самой провинции обеспечивали¹⁵ переводчики, упомянутые в латинских надписях III в. из Паннонии (Бригидис и т.д.).

Как и Паннония, Нижняя Мёзия была романизирована больше, чем Дакия. Этому содействовало то, что в Нижней Мёзии, где со II в. н.э. при Антонинах ввели римское управление, римляне и фракийцы жили в деревнях совместно. Административной единицей провинции было село, которое управлялось советом: двумя магистратами (один фракиец, другой римлянин) и квестором. Поэтому латинский язык распространился среди значительной части населения: на небольшой территории Нижней Мёзии обнаружено 1500 латинских надписей. В городах Нижней Мёзии представители римской,

греческой и фракийской знати со II в. н.э. играли активную роль в городском самоуправлении. Именно поэтому фракийская знать Нижней Мёзии со II в. н.э., как правило, была основательно романизирована.

Однако романизация Нижней Мёзии не смогла устранить различий сельских жителей по этническому признаку. Ветеранов мёзийских легионов, фракийцев по происхождению, получивших римское гражданство, источники отличают от римлян по происхождению. Не завершилась романизация и в области религиозных представлений. Хотя греческая, а позднее римская религии оказали влияние на верования фракийцев, наибольшей популярностью среди них пользовались не римские, а фракийские божества. Ослабление романизации во II в. н.э. оказалось в нескольких надписях, где упоминаются легионеры, носящие фракийские имена¹⁶.

Романизация в какой-то мере коснулась и нефракийского германо- и ираноязычного населения Дакии, Нижней Мёзии и Паннонии, как справедливо полагал А. Филиппиде, изучавший этнографию романских народов (древних. - Э.Р.) востока Европы¹⁷.

Итак, по-видимому, романизация протекала более или менее одинаково в трех упомянутых выше провинциях, население романизовалось в большей степени в Паннонии и Нижней Мёзии, в меньшей - в Дакии. Эти различия вызваны тем, что романизация распространялась из римских центров с запада на восток и с юга на север. Романизация не была завершена не только в Дакии, но даже в Паннонии и Нижней Мёзии. Все это надо учитывать, переходя к рассмотрению степени романизации населения вне границ упомянутых провинций.

Позднеантичная культура воздействовала и на население, жившее за пределами названных провинций. Проникало туда и письмо. Так, на кувшине из карпского поселения II-III вв. н.э. Пояна Дулчешть Силиште начертана греческая или латинская буква Z¹⁸. Особенно отчетливо это влияние отразилось на племенах черняховской (Сынтана де Муреш)¹⁹ культуры II-IV вв. н.э., иногда именуемой исследователями провинциально-римской, распространенной между Нижним Дунаем и левыми притоками Днестра. Памятники ее оставлены в рассматриваемом районе германскими или сарматскими, или фракийскими племенами. Воздействие позднеантичной культуры на варварскую изучено только по памятникам черняховской культуры междуречья Днестра и Прута. К ним в качестве примера обратимся ниже.

Позднеантичное влияние для этого региона подтверждает обилие позднеантичных предметов на поселениях и в могильниках, оставленных племенами черняховской культуры²⁰, которые использовали эти предметы в хозяйстве, быту и даже при отправлении погребального обряда. Черняховцы, например, в торговле использовали римскую монету.

Еще ярче, чем в распространенности импортных изделий, позднеантичное влияние выразилось в воспроизводстве варварами различных предметов.

Так, техника выделки и некоторые формы гончарной керамики, а также печи для ее обжига заимствованы в позднеантичном мире. Местные мастера воспроизводили форму глиняной, металлической и стеклянной посуды, ее орнаментацию, в особенности выполненную штампами. Черняховцы заимствовали в позднеантичных центрах форму предметов производственного и бытового назначения: грузид ткацкого станка, прилози, гребней, светильников.

Позднеантичное влияние проявилось и в скотоводстве: в стадах домашних животных на поселениях Будешты, Костешты и Руояны были ослы. Появление здесь этих животных, распространенных почти исключительно в античных городах Северного Причерноморья, можно объяснить связями черняховцев с античными городами.

Римская военная система повлияла на организацию военного дела у готов — носителей черняховской культуры в Днестровско-Дунайском междуречье. Об этом свидетельствует то, что среди слов, заимствованных готами из латыни, особенно много терминов, связанных с военным делом и лагерной жизнью. Черняховцы заимствовали также у римских солдат, стоявших в городах Причерноморья, игру стеклянными метонами.

Античный мир влиял и на религию черняховцев; через посредство причерноморских городов у них, вероятно, распространился культ Кибелы, у вестготов — христианство (арианства). По сообщениям позднеантичных авторов, христианство проникло в среду сарматов и даков также в первой половине I тысячелетия н.э. Интересно предположение Б.А.Рибокова, что в III—IV вв. н.э. христианство через посредство готов было воспринято частью славян. Это подтверждают христианские термины в их готской форме в общеславянском языке²¹.

Однако если на территории бывшей Дакии сохранились остатки множества поселений, разных сооружений и тысячи римских над-

писей, то на территории к востоку от Карпат в зоне влияния римской культуры таких памятников немного.

Найденные на поселениях и в могильниках черняховской культуры привозные предметы, а также объекты, выполненные по позднеантичным образцам, придали этой культуре характерный облик, свидетельствующий о римском влиянии²².

Римское влияние на местные племена, жившие вне Дакии, и после ее падения способствовало расширению зоны распространения латиноязычного языка. Об этом свидетельствует в послании "О вере, жизни и смерти Ульфила", составленном в 383 г., Луксентий (арианский епископ из Дуростора в Нижней Мёзии, ученик Ульфила)²³. По сообщению Луксентия, Ульфила (вторая половина IV в.) проповедовал христианство среди варваров, обитавших к северу от Нижнего Дуная, не только на готском, но и на греческом и латиноязычном языках. "...græcam et latinam et gothicam linguam sine intermissione in una et sola ecclesia Christi prædicavit" — ("на греческом, латинском и готском языках непрерывно проповедовал одно единственное учение Христа"). Значит, некоторые готы могли понимать латинский.

Приведенные выше сведения отражают этнолингвистическую ситуацию в среде племен черняховской культуры. О владении отдельными черняховцами латиноязычным письмом свидетельствует и эпиграфический памятник; на обломке сосуда, обнаруженном в Нижнем Подунавье на поселении Куркань (IV в.), процарапано латинское слово MITIS (т.е. мягкий, опелый)²⁴. Но авторами надписи могли быть и пришельцы.

На черепке, обнаруженном в могильнике рубежа IV—V вв. н.э. Братей, процарапана буква I²⁵, аналогии которой имеются среди латинских эпиграфических памятников IV в.²⁶ Число латинских эпиграфических памятников в упомянутом районе, вероятно, возрастет, как это происходит в более отдаленном от римских провинций Поднепровье, где тоже отмечены случаи использования латинской и греческой письменности²⁷ представителями племен черняховской культуры.

В этой связи интересен цилиндрический игольник, сделанный из трубчатой кости птицы. Игольник обнаружен в погребении из могильника II—IV вв. н.э. Будешты. На нем процарапаны твердо, рукой, привыкшей писать, буквы F и S. Погребение, в котором найден футляр, по ритуалу и инвентарю обычное для варваров. За-

урядный малоценный футляр с находившейся в нем иглой принадлежал женщине, пометившей его, вероятно, начальными латинскими буквами своего имени. Написание букв аналогично, например, надписи, сделанной на алтаре из Капидавы, датированной 168 г. н.э.²⁸

В развалинах жилища на поселении, блив вышеупомянутого могильника, обнаружено пряслице, сделанное из ножки амфоры III в. н.э. На пряслице по обожженной глине процарапана буква T. Ведь оно, как и футляры для игл, было личным орудием труда женщины. Метить амфору, поставив букву на ее ножке, бессмысленно, так как на ножке целой амфоры буква не видна.

Латинская буква L начертана на пряслице, обнаруженном в жилище I селища черняховской культуры Русяны. Аналогичное начертание буквы L известно по ряду эпиграфических памятников, из которых самый ранний относится к 165 г. н.э., а последующие — к III—IV вв. н.э.²⁹

На древнерусских пряслицах также можно увидеть буквы, отдельные слова, имена владельцев³⁰. Видимо, жительницы поселков Будешты и Русяны пометили начальными буквами своего имени эти орудия труда.

Четвертый предмет с латинскими буквами обнаружен на селище черняховской культуры у с. Собарь. В развалинах каменного здания IV в. н.э. найден обломок известняковой чаши, на которой процарапаны латинские буквы R и V. Начертание первой буквы обычно для эпиграфических памятников II—III вв. н.э., например, для племелей и граффити на светильниках из римской Дакии. Не совсем обычна буква V, однако и в ее очертании имеется довольно близкая аналогия в клейме на светильнике, где отщипнуто имя TITVS³¹. Простая известняковая чаша не была привозной, и буквы были на нее нанесены жителем Среднего Поднепровья. Открытым остается вопрос: был ли он уроженцем римской провинции, переселившимся на поселение Собарь, или представителем местных племен?

Латинские эпиграфические памятники обнаружены также на селищах черняховской культуры Верхнего Поднепровья и Западного Побужья. Цифра II и буква A начарапаны на черепке из поселения Вороновица³². Надпись, состоящая из латинских букв (TODSY) обнаружена на фрагменте сосуда из поселения Рипнев II.³³ Видеть же латинскую букву N в крупном орнаментальном знаке, нанесенном на кубок из Касаново (Подолья)³⁴, нельзя.

Вероятно, с III—IV вв. н.э. латынь стала оказывать определенное влияние на язык тех разрозненных групп славян, которые,

судя по Певтингеровым таблицам³⁵, проникали в соседние с Дакцией и Нижней Мёзией районы и входили в контакт с германцами и римлянами. Последние называли славян венедами — этноним, распространенный преимущественно у германцев³⁶, от которых, очевидно, в III—IV вв. н.э. римляне впервые узнали о венедах, например от остготов, которые в IV в. н.э. при Германарихе подчинили некоторые славянокие племена. Именно в упомянутые столетия в этом районе в общеславянском языке могли появиться заимствования из латыни, распространенной у населения Подунавья, — производные от слов *calende*, *communicare*, *paganus* и т.д.³⁷

Распространение латиноких слов и письма у варваров, обитавших к северу от низовьев Дуная, объясняется их контактами с населением зоны интенсивной романизации. На население южной части Поднестровья воздействовало население римских форпостов Тиры и Орловки, кроме того, в глубину областей, заселенных варварами (Комаров³⁸, Собарь³⁹), перемещались жители из позднеантичных центров. Из этих пунктов позднеантичная культура влияла на варваров особенно интенсивно.

Однако вместе с латиноким в варварской среде левобережья Дуная, очевидно, бытовал в какой-то мере и греческий язык. Это можно утверждать, рассмотрев упомянутое выше сообщение Луксентия и трех эпиграфических памятников.

Прежде всего рассмотрим буквы на дне серого гладкого сосуда с кольцевым поддоном, типичного для керамики черняховской культуры⁴⁰. Такие сосуды в большом количестве изготовлялись в мастерских на землях, заселенных этими племенами. Греческие буквы κ (капша) и ω (омега) были нанесены гончаром до обжига. Начертание этих букв имеет аналогию в греческом лапидарном письме конца II в. н.э. из Ольвии⁴¹ и III в. из Боспора⁴². Это в первую очередь относится к ω , ибо начертание κ почти не изменяется во времени. Греческие буквы, по-видимому ϵ , ϕ , начертаны на черепке и черепице, обнаруженных на поселениях черняховской культуры Бакота и Комаров в Верхнем Поднестровье⁴³.

Показательно, что лица, владевшие грекоким языком и письмом, обитали значительно севернее Верхнего Поднестровья, на расстоянии приблизительно 500 км от различных городов побережья Черного моря. Так, на поселении Лепесовка (на Воляни), относящемся к черняховской культуре, обнаружены фрагменты сосудов местного производства, выполненных гончарами, начертавшими на сырой (до обжига) глине отдельные греческие слова и буквы⁴⁴.

Среди граффити, обнаруженных у черняховцев, латинских букв несколько больше, чем греческих. Кроме того, латинские и греческие буквы, вероятно, применялись преимущественно для написания слов местных языков.

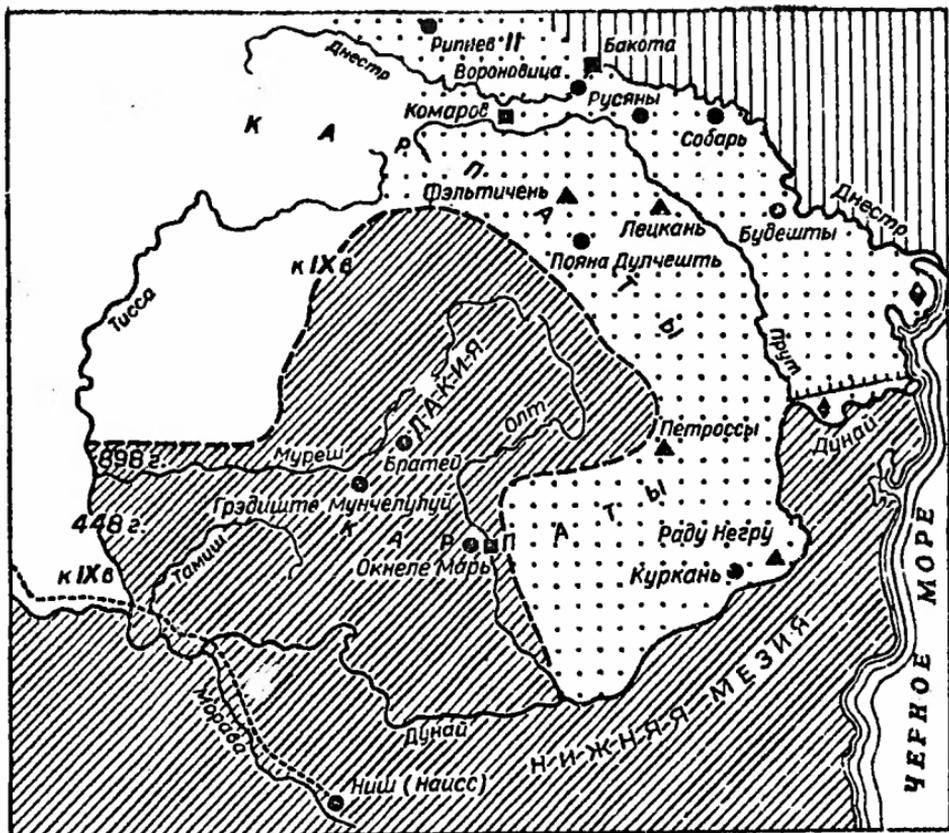
О распространении вместе с латиноским и греческим готского языка в районе, расположенном к северу от низовьев Дуная, известно не только из трудов древних авторов, но и из рунических надписей на предметах из Петросского клада⁴⁵, Фальтиченъ⁴⁶ и Лецкань⁴⁷.

На прялолице, обнаруженном в могиле из Лецкань, напараны германские имена Ando и Rangahilda. Германские не тиси на личном орудии труда свидетельствуют о том, что в могиле похоронена представительница племени готов, хотя погребальные обряды и инвентарь, антропологический тип (средиземноморокий) покойной не готские. В этом отразилась ассимиляция готской культуры в северо-причерноморской этнокультурной среде. Племенное имя готов выгравировано на гривне из Петрос: украшение входило в имущество готского вождя.

Руническую надпись на сосуде из могильника Радуга Негру⁴⁸, относящаяся к черняховской культуре, и этот могильник нельзя связывать исключительно с готами, а рунами могли пользоваться и негерманские племена, судя по тому, что готский язык, как мы попытаемся показать, был распространен и в негерманской среде.

Сопоставив данные письменного и эпиграфических источников, заключаем, что вне римских провинций в варварской среде левобережья Нижнего Дуная, кроме местных, в известной мере были распространены не только латиноский, но и греческий и готский языки или письмо.

Буквы есть на немногих предметах из многих десятков тысяч обнаруженных. Судя по тому, что эти предметы были принадлежностью варварского быта, правомерно предположить приобщение к письму некоторых гето-даков, сарматов и готов — носителей дакийской, а впоследствии черняховской культуры, населявших страну еще до образования римских провинций или обитавших рядом с ними. Поэтому нельзя согласиться с предположением П.Н.Третьякова, что провинциальный латиноский и греческий языки были "главными межплеменными языками" черняховской народности⁴⁹. Этому противоречит не только небольшое число обнаруженных эпиграфических памятников. В гуннское же время, когда племена черняховской

Легенда к карте:

1 - зона, где позднеантичная культура влияла на варварскую; 2 - область более сильного влияния позднеантичной культуры на варварскую; 3 - области интенсивной романизации - территории римских провинций; 4 - места обнаружения латинских граффити; 5 - места обнаружения рунических надписей; 6 - границы провинции Дакция; 7 - путь Приока; 8 - южный Траянов вал; 9 - места обнаружения греческих граффити; 10 - античные центры: Орловка (Нижний Дунай) и Тира

культуры были в значительной мере истреблены и рассеяны, зона влияния латинского и греческого языков у варварских племен еще более сузилась.

Ниже попытаемся показать, что и послечерняховское время латинский язык был распространен у варварских племен только в более узкой области. Например, в бывшей провинции Дакии, где во II-III вв. н.э. этот язык был освоен населением лучше, чем в соседних провинциях. По археологическим (поселения, жилища, керамика, орудия труда, костюм, украшения, погребальный обряд) и нумизматическим (обращение монет в 271-450 гг. н.э.) данным на территории римской Дакии прослежено развитие культуры романизованного гето-дакийского (дако-романского) населения до середины V в. н.э.⁵⁰ Данные Приска Панийского (448 г.) сходны с сохранившимися у Аукоентия, а также с полученными в результате анализа эпиграфических памятников, связанных с гетской и черняховской культурой, рассмотренных нами выше. Приск Панийский писал: "Представляя равноплеменную смесь, скифы, кроме своего варварского языка, легко изучают гуннский или готский, а также и авсонокий⁵¹, если у кого из них есть сношения с римлянами; но мало кто говорит по-аллиноки, кроме пленников, увезенных из Фракии и иллирийского побережья". Язык варваров зачастую представлял собой латинско-гуннско-готский жаргон⁵².

В этом сообщении Приска описывается население левобережья нижнего и среднего Дуная⁵³. Речь идет в первую очередь о фракийцах и аланах, говоривших на собственных и, кроме того, в какой-то мере, на латиноком, греческом, гуннском и готском языках.

Анализируя сообщение Приска, важно определить, где же обитали гунны - "окифы", владевшие не только своим, но и другими языками, а для этого надо узнать, где была ставка Атиллы.

Область обитания гунны вырисовывается именно из данных о маршруте путешествия Приска в ставку Атиллы. Посольство, в котором состоял Приск, следовало от города Наюса "к западу", затем преодолело Истр, не пересекая р. Моравы, что могло произойти где-то к востоку от ее устья, к которому посольство следовало, очевидно, долиной Моравы по "болотистой равнине"⁵⁴. Направляясь далее на запад, посольство пересекало реки Тамис и Тиссу⁵⁵ и где-то между Тиссой и Дунаем в Альфельде оказалось в ставке Атиллы. Описанные Приском скифы, владевшие в какой-то мере ла-

тинском языке, проживали на территории между нижним Олтом и средним Дунаем, т.е. в юго-западных районах бывшей провинции Дакии.

По Иордану, в значительной мере опирающемуся на свидетельства Приоска, левобережье нижнего и среднего Дуная являлось основным районом обитания западной ветви гуннов, ибо из Паннонии гунны ко времени Приоска и Иордана были изгнаны⁵⁶. Действительно, Иордан пишет, что гунны обитали на левобережье Дуная⁵⁷, занимая всю Дакию и прорываясь временами на побережье Дуная⁵⁸. Ставка Аттилы, по мнению Иордана и Приоска⁵⁹, локализуется примерно в одном районе. Таким образом, данные Приоска и Иордана о расселении "скифов", знавших наряду с латынью другие языки, совпадают, они обитали в бывшей юго-западной Дакии.

Изучение латинских надписей, в которых иногда упомянуты имена аборигенов среднего и нижнего Подунавья, позволило предположить существование у части населения Паннонии, Мёзии, Дакии латино-иллирийского, фракийского или мёзийского биллингвизма⁶⁰.

Сопоставим сведения Приоска о распространенности латинского языка у населения бывшей юго-западной Дакии с данными "Повести временных лет" (898 г.) о восточнороманских волохах (хотя оба упоминания разделяют 450 лет), которых победили угры: "Пришедшие от востока и устремившася через горы великая, яже прозвашася горы Угорьския, и почаша воевати на живущие ту волохи и словени"⁶¹. Летопись сообщает о приближении венгров к Дунаю, но еще не преодоления, иначе Дунай, очевидно, был бы упомянут, ибо служил летописцу географическим ориентиром. Таким образом, упоминаемые выше волохи обитали на левобережье Дуная, т.е. в юго-западной Дакии, а не в Паннонии, где предполагалось их расселение⁶². Сведения о дунайских волохах во вводной части летописи географически менее определены⁶³.

Существенно, что район обитания волохов, согласно данным "Повести временных лет", приблизительно совпадает с районами их обитания, по сведениям, содержащимся в венгерском источнике XII в. Из записок так называемого Анонима (короля Белья), повествующего о событиях конца IX в., в частности становится известно о вторжении венгров в области, "которые прежде были землей короля Аттилы" и по которым текут "Дунай и Тисса", т.е. в левобережье Дуная, на земли бывшей юго-западной Дакии. На этих землях, пишет Аноним, жили "славяне, болгары, волохи и римские пастиухи"⁶⁴.

Он также упоминает о княжестве волохов "Блаков" (блахов), населенном "блахами и олавянами", находившемся в северо-западной Трансильвании, в районе Клужа⁶⁵. Достоверность упоминаний Анонима о волохах и княжестве волохов⁶⁶ подтверждается сходством этого известия с содержанием сообщений "Повести временных лет": о совместном обитании в Подунавье волохов и славян, о господствующем положении первых и о существовании в этом районе волюшко-олавяноских политических образований.

В труде венгерского Анонима и в "Повести временных лет" находим аналогичные сообщения о событиях конца IX в. Это объясняется тем, что сведения об этнонимах обитателей Карпато-Дунайского района восходят к одному источнику - фольклору славян Венгрии, ставшему известным как Анониму⁶⁷, так и, очевидно, русскому летописцу. Аноним мог узнать об этих фактах и из устных венгерских источников⁶⁸. Попытку видеть в волохах восточных романизированных франков нельзя признать удачной уже потому, что Франкское государство не простиралось даже до правого берега Дуная (в собственно Паннонии)⁶⁹, а по известиям "Повести временных лет" и Анонима, как мы видели, волохи локализованы на левом берегу этой реки.

Таким образом, упомянутые выше сообщения "Повести временных лет" и венгерского Анонима касаются, вероятно, средневекового романизированного населения, обитавшего в ареале максимальной романизации, имевшей место в античную эпоху, в левобережье Дуная на территории провинции Дакии.

Это заключение заслуживает внимания потому, что, основываясь на языковых⁷⁰, археологических⁷¹ и этнографических⁷² данных, некоторые авторы предполагают, что на территории бывшей провинции Дакии население продолжало обитать в период от античности до средневековья. Среди этого населения, судя по проведенным выше географическим сопоставлениям, могли сохраняться и потомки романизированных обитателей провинции Дакии. Северная группа восточных романцев в период раннего средневековья населяла, видимо, земли, расположенные к северу от Дуная, на территории бывшей Дакии. Поэтому северную группу восточных романцев следует искать среди носителей археологических культур VI-X вв. (Чурел, Дриду) не в широкой области от "Бихарии до Тирасполя и от восточной Словакии и Черновиц до Балканских гор"⁷³ до Поднепровья⁷⁴, а только в упомянутом выше ареале, т.е. на терри-

тории бывшей римской Дакии, население которой подверглось более глубокой романизации; соседние же районы испытывали только определенное влияние античных центров.

Примечания

- 1 Сергеевский М.В. Введение в романское языкознание. М., 1952, с.37.
- 2 История Венгрии, т.1. М., 1971, с.41,43.
- 3 Кругликова И.Т. Дакия в эпоху римской оккупации. М., 1956, с.83.
- 4 Руссу I. Ilirii. Buc., 1969, p.134, 136.
- 5 Вегсиу D. Bariere ou litere latine in complexul dacic de la Onița (Onete Mari), jud. Vilcea. - "Studii și cercetări de istorie veche" (далее - SCIV), t.24, № 4, 1973, p.611-619; Istoria României, I. Buc., 1960, p.327-329.
- 6 Существует и другой перевод. См. Н о р е д т К. Cu privire la interpretarea unor stampile epigrafice. - SCIV, t.24, № 1, 1973, p.109-110.
- 7 Руссу I. Op.cit., p.130.
- 8 Даисовиоциу С. Originea poporului român după cele mai noi cercetări. - "Unitate și continuitate în istoria poporului român. Buc., 1968, p.87; Миһăеску Н. Limba latină în provinciile dunărene ale imperiului roman. Buc., 1960, p.281.
- 9 Миһăеску Н. Op.cit., p.29.
- 10 Кондураки Э., Стефан Л. Восточнороманский мир. М., 1970, с.6-7.
- 11 Джуреок у К.К. Образование единого румынского государства. Бухарест, 1971, с.28.
- 12 Кругликова И.Т. Указ. соч., с.102, 141-142, 158.
- 13 Филиппиде А. Originea românilor, vol. I. Iași, 1925, p.423, 425, 427; și alt.
- 14 Миһăеску Н. Op.cit., p.281.
- 15 История Венгрии, т.1, с.32, 38, 40-41, 43, 45-46, 52, 56, 63, 66; Вакосси Л. Ein dakischer Dolmetscher in Brigetio. - "Archaeologiai értesítő", vol V-VI, 1944-1945. Budapest, 1945, s.186.
- 16 Златковская Т.Д. Мэвия в I-II вв. н.э.М., 1951, с.84-85, 101, 106, 108, 120-121, 126, 130-131.
- 17 Филиппиде А. Op.cit., p.517-519.
- 18 Вичир Gh. Cultura carpică. Buc., 1973, p. 339, pl. XXXIII, 6.
- 19 Так именуют эту культуру румынские ученые.

- 20 К р о п о т к и н В.В. Экономические связи Восточной Европы в I тысячелетии н.э. М., 1967.
- 21 Р ы б а к о в Б.А. Языческое мировоззрение русского средневековья. - "Вопросы истории", 1974, № I, с.18.
- 22 Р и к м а н Э.А. О влиянии позднеантичной культуры на черняховскую в Днестровско-Прутском междуречье, - "Краткие сообщения Института археологии АН СССР", вып.124.М., 1970, с.25-30.
- 23 М и х а е с с у Н. Scrisoarea lui Auxentius din Durostor izvor pentru latinitatea balcanică. - "Omagiul lui Iorgu Iordan". Buc., 1958, p.607; М и х а е с с у Н. Limba Latină..., p.35, 281.
- 24 О с м а М. Zur romanisierung der Gebiete Nordlich der Donau (Muntenien, Südmoldau) in 4 Jahrhundert unserer Zeit. - "Dacia".Nouvelle serie, IX, 1965, S.297; М и т р е а В., П р е д а С. Necropole din secolul al IV-lea. e.n. in Muntenia. Buc., 1966, p.164, fig.269.
- 25 В а р з у L. Continuitatea populației autohtone în Transilvania în secolele IV-V (cimitirul I de la Bratei). Buc., 1973.
- 26 С а г н а т R. Cours d'épigraphie latine. Paris, 1924, p.12; pl.XI.
- 27 Р и к м а н Э.А. Инскрипции стрявекъ. - "Ниотрул", 1966, № 4, п.185.
- 28 Г о с т а р Н. Studii epigrafice II. - "Arheologia Moldovei", IV. Buc., 1966, p.185, fig.7.
- 29 С а г н а т R. Cours d'épigraphie latine, p.18.
- 30 Р ы б а к о в Б.А. Ремесло Древней Руси.М., 1948, с.198-202.
- 31 Г о с т а р Н. Inscriptiile de pe Lucernele din Dacia romana. - "Arheologia Moldovei", I Buc., 1961, p.194-195, fig. 10, 15.
- 32 В и н о к у р І.С. Історія та культура черняхівських племен Дністро-Дніпровського межріччя II-V ст. н.э. Київ, 1972, с.100, рис.32, 2.
- 33 Б а р а н В.Д. Памятники черняховской культуры бассейна Западного Буга. М., 1964, с.243, рис.14.
- 34 К р а в ч е н к о Н.М. Касановский могильник.М., 1967, с.115, табл.Ш, 4.
- 35 М и л л о р К. Weltkarte des Castorius genant die Peutingeringische Tafel. Ravensburg, 1888.
- 36 J i r e s e k C. Geschichte der Serben. Gotha, 1911, S.64.
- 37 П е т р о в і с і Е. Le latin oriental possédait-il des éléments slaves. - "Revue roumaine de linguistique". T. XI, N 4, Buc., 1966, p.313.
- 38 С м і ш к о М.Ю. Поселення III-IV ст. н.э. із слідами оскляного виробництва біля с.Комар І в Чернівецької області. - Матеріали дослідження з археології Прикарпаття і Волині. Вип.5. Київ, 1964, с.71-72, мал. 4 и 5.

- 39 Р и к м а н Э.А. Поселение первых столетий н.э. Соборь в Молдавии (о орязах черняховцев с античным миром). - "Советская археология", 1970, № 2, с.190-197.
- 40 Фрагмент найден на территории Молдавии.
- 41 К н и п о в и ч Т.Н. Греческое лапидарное письмо в памятниках Ольвии. - "Нумизматика и эпиграфика" (далее НЭ). М., 1966, табл.IV.
- 42 Б о л т у н о в а А.И. и К н и п о в и ч Т.Н. Очерк истории греческого лапидарного письма на Боспоре.-НЭ.М., 1962, табл.IV, 3.
- 43 В и н о к у р I.C. Указ, соч., с.100, рис.31,1.
- 44 Т и х а н о в а М.А. Раскопки на поселении III-IV вв. у с.Депесовка в 1957-1959 гг. - "Советская археология", 1963, № 2, с.189-190.
- 45 O d o b e s c u A. Le trésor de Pétroussa. Etude sur orfèvrerie antique.II. Paris, 1889-1900, p.365.
- 46 В и а н у I. Instrucții în limba gotică și în caractere runice descoperite lângă Folticeni. - "Memoriile secțiunii literare", seria III, t.V, memoriul 3,18.Buc., 1930-1931, p.1-10, pl.1-11.
- 47 В л о с и у С. O inscripție runică descoperită în necropola din secolul al IV-lea de la Lețcani-Iași. - "Memoria antichității" Piatra-Neamț, 1969, p.167-179.
- 48 Д и а с о н у Gh. și A n g h e l e s c u M. Despre necropola din secolul IV era noastră de la Radu-Negru (r.Calarași). - SCIV, t.XIV, N 1, Buc., 1963, p.172, 173, fig.3,4.
- 49 Т р е т ь я к о в П.Н. У истоков древнерусской народности. Л., 1970, с.50.
- 50 П р о т а с е D. Problema continuității în Dacia în lumina arheologiei și numismaticii. Buc., 1966; Н е с т о р I. Les données archéologiques et le problème de la formation du peuple roumain. - "Revue roumaine d'histoire", t.III, N 3.Buc., 1964, p.393.
- 51 Т.е. латинский.
- 52 Готская история. - "Вестник древней истории", 1948, № 4, (26), с.255, 260.
- 53 Там же, с.249,261; Д е с т у н и с Г.С.Сказания Приока Понийского. - "Учен. зап. второго отделения Императорской академии наук", кн.УП, вып.1. Спб., 1861, с.37,38.
- 54 Д е с т у н и о Г.С. Указ. соч., с.35,36.
- 55 Там же, с.45. Приок перечи ллет реки соответственно их величине, а не порядку их преодоления посольством: Тига, Тифиос (Тисса и Тамис).
- 56 И о р д а н. О происхождении и деяниях гетов. - "Getica", М., 1960, § 166, с.99, см. также 486 примечание Е.Ч.Скржинокой.
- 57 Там же, с.110, § 223.
- 58 Там же, с.119.
- 59 Там же; прим. 379 и 508 дают возможность уяснить путь Приока и расположение ставки Аттилы.

- 60 **В и а с а** I. Указ. соч., с.148,149.
- 61 Повесть временных лет, ч.I. М.-Л., 1960, с.21.
- 62 **К о р о л ь** К В.Д. Волохи и славяне русокой летописи. Кишинев, 1971, с.20,21.
- 63 Повесть временных лет, ч.I, с.II.
- 64 "Izvoarele istoriei românilor", ed. Gh. Popa-Lisseanu, vol. I, Partele unguirilor de secretarul anonim al regelui Bela. Buc., 1934, p.80, 81.
- 66 Там же, с.94-96.
- 66 **Д ж у р е о к у** К. Указ. соч., с.33; **К о р о л ь** К В.Д. Славяне, влахи, римляне и римские пастухи венгерского "Анонима" В сб.: Юго-Восточная Европа в средние века. Кишинев, 1972, с.139.
- 67 **С у о р ф ф у** Gy. Formation d'états au IX-e siècle suivant les "Gesta Hungarorum", du notaire anonyme. - "Nouvelles études historiques", I.Budapest, 1965, p.33-34. (далее: Formation...)
- 68 **С у о р ф ф у** Gy. Formation...
- 69 Паннония не входила во Франкское государство, а была от него зависима, см.: **М у р а в ь е в** А.В., **С а м а р к и н** В.В. Историческая география эпохи феодализма. М., 1973, с.13. См. карту "Франкское государство в конце V - первой половине IX в."
- 70 **Р а е в о к и** Н.Д. Проблема этногенеза волохов в свете периодизации славяно-романских языковых взаимосвязей. Доклад на сессии Научного совета по комплексному изучению проблемы славяно-волошских связей и происхождения молдавской народности при АН МССР. Кишинев, 1971.
- 71 **Р и к м а н** Э.А. Некоторые традиции черняховской культуры в памятниках VI-X вв. в низовьях Днестра и Дуная. - Исследования по истории славянских и балганских народов. М., 1972, с.29-45.
- 72 **Arta populară din Valea Jiului.** Buc., 1963, p.350, 426, 427, 495, fig. 269, 270.
- 73 **М е с т о р** I. Les données archéologiques et le problème de la formation du peuple roumain, p.420.
- 74 **К о р л е т я н у** Н.Г. Исследование народной латыни и ее отношений с романскими языками. М., 1974, с.69.

Д.М.Драгнев, П.В.Советов
(Кишинев)

ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ РАЗВИТИЯ И РАЗЛОЖЕНИЯ ОБЩИНЫ В МОЛДАВИИ
(ДО НАЧАЛА XIX в.)

I. Две концепции происхождения и развития
общинного землевладения в Молдавии

Основные институты общины в Молдавии сложились еще в древности и развились в период славяно-волошских контактов. Наряду

с чертами обычного права романизированного населения Карпато-Дунайских земель волошская община восприняла и много характерных признаков обычного права славян. Эти признаки, довольно рельефные в волошской общине, были впоследствии унаследованы молдавской общиной и видоизменялись в ходе ее развития и разложения. Цель статьи — установить характер эволюции общинных институтов в Молдавии с периода генезиса феодальных отношений в княжестве до формирования капиталистических отношений в крае.

Наша задача — дать наиболее общую картину развития и разложения общинных институтов в Молдавии на основе анализа источников и литературы. Мы стремимся представить основные этапы истории общины в Молдавии, обобщив наши предыдущие исследования по этой проблеме. Впервые в молдавской советской историографии попытаемся сопоставить особенности развития молдавской общины на всех этапах ее истории, что поможет правильно решить проблему в целом. Исходным моментом при таком построении является определение характерных черт общинных институтов в процессе их эволюции. Это требует в первую очередь установления стадийного уровня развития общины и общинной собственности в исследуемый период.

Современная марксистская наука различает три главные стадии в развитии общины и общинной собственности: кровно-родственную, сельскохозяйственную и территориальную. Последние два этапа связаны с так называемой семейной, домашней общиной, которая может существовать в недрах как сельскохозяйственной, так и территориальной общины¹.

Известно, что процессы развития и разложения общины и общинной собственности, утверждения частной индивидуальной собственности не всегда протекают в "чистом" виде последовательной смены этих этапов и соответствующих форм землевладения. Довольно часто мы сталкиваемся с тем, что привычная картина развития общины у тех или иных народов или в тех или иных районах земного шара смещена. Иногда стадии взаимно переплетаются, что приводит к появлению сложных и своеобразных форм общины и общинного землевладения. Некоторые из них носят характер новообразований и не связаны с предшествующими формами общинного землевладения. Результатом такой сложной эволюции является история общины и общинной собственности в Молдавии, которая вызвала в литературе большую дискуссию².

Известный оппор в буржуазной историографии между представителями общинной (М. Ковалевокий, Г. Маурер, Г. Мэн, Г. Гансен, О. Гирке и др.) и вотчинной (В. Виттих, Ф. Гутман, Фюстель де Куланж, Ф. Сибон, Ф. Мэтланд и др.) теорий об иноконности общинных или вотчинных отношений отразился и на изучении молдавской общины. Во второй половине XIX - начале XX в. румынские буржуазные исследователи истории Молдавского княжества разделились на защитников положения об иноконности вотчинной собственности на землю (К. Точилеску, А. Гыдай, Н. Йорга, К. Журеску, А. Ковеношл, Г. Пану, Т. Келинеску, Г. Фотино и др.) и сторонников мнения об иноконности общинных отношений собственности на территории Молдавии (Р. Росетти, И. Филитти, С. Радовичи, А. Филиппиде, И. Надежде и др.)³.

Марксистская историография установила несоостоятельность вотчинной теории и определила основные признаки общины и общинной собственности в Молдавии (советские историки Н. С. Гросул, Н. А. Мохов, Е. М. Руссев, И. М. Шлаен, Ф. А. Грекул и др., румынские историки К. Чиходару, П. П. Панайтеску, Г. Г. Шталь и др.)⁴.

Однако приверженцы общинной теории при конкретно-историческом изучении истории Молдавии разделились на два направления. Первое время большинство ученых защищало мнение, научное направление, согласно которому общинная собственность на территории Молдавии поглощалась частной собственностью, начиная с разложения первобытнообщинного строя и вплоть до XIX в. включительно. Получался непрерывный процесс от периода становления феодализма до формирования частной капиталистической собственности (отсюда и наименование этого направления - "концепция непрерывности"). Сторонники этой концепции считают, что община и общинная собственность сохранились со времен первобытнообщинного строя до начала XX в. в виде так называемого резешского землевладения, поглощение которого частной собственностью так и не завершилось к концу этого периода⁵.

Согласно этой точке зрения дофеодалная общинная собственность молдавских крестьян не была интегрирована феодальными отношениями собственности (ибо в конце XVIII в. резешское землевладение охватывало около 25% земельного фонда княжества) и в XIX в. стояла перед процессом интеграции в капиталистические отношения собственности. Получалось, что феодальная формация полностью так и не утвердилась в Молдавском княжестве, от-

чего некоторые сторонники этой концепции называли молдавский феодализм "крестьянским"⁶.

Затем стало преобладать другое научное направление в общинной теории, которое господствует в современной советской марксистской историографии и этнографии. Это новое направление выросло на основании дальнейших исследований, в результате которых выяснилось, что в период становления феодализма общинная собственность была в основном поглощена частнофеодальной. До конца XV в. феодалы захватили почти все земли в Молдавии. Установлено также, что резешское землевладение в основной части представляет собой "новообразование", возникшее на протяжении XVI-XVIII вв. в результате перестройки структуры землевладения и типологических сдвигов внутри феодальной формации⁷. Оно - результат борьбы тенденций концентрации и дробления в развитии землевладения в Молдавии XVI - начала XIX в.⁸

Вышедшее в середине 60-х гг. второе издание "Истории Молдавской ССР" исходило именно из этого нового подхода к решению проблемы⁹. К этим позициям подошел и Н.А.Мохов - автор обобщающей работы "Молдавия эпохи феодализма"¹⁰.

Однако если советские молдавские ученые решают проблемы истории общины и общинной собственности с новых позиций, то в современной румынской историографии продолжается дискуссия между защитниками двух направлений общинной теории ("непрерывности" и "концепции двух тенденций"). Если Е.Чиходару, А.Гонца, Д.Чуря (в известной мере Г.Шталь и Л.Марку) склоняется к второй концепции, то П.Панаитеску, А.Оцетя, Шт.Паску, К.Жеоржеску и др. полностью разделяют "концепцию непрерывности"¹¹.

В связи с тем, что не только конкретно-исторические, основанные на молдавских источниках, но и сравнительные данные анализа истории общины в других странах Европы опровергают положения "концепции непрерывности", некоторые современные зарубежные ученые - сторонники этой точки зрения - выдвинули тезис об исключительном пути развития общинного и феодального землевладения в Молдавии, пути, не сходном с тем, который встречается в других странах Европы¹². Несостоятельность этого утверждения была уже раскрыта в современной молдавской литературе. В этих работах также показано, что в основе "концепции непрерывности" в современной зарубежной исторической и этнографической науке находится одно теоретическое и историографическое смещение.

Всякое сомнение в правильности "концепции непрерывности" ее сторонники рассматривают как отход от общинной теории и переход на позиции исконности вотчинных отношений¹³. Однако общеизвестный спор между общинной и вотчинной теориями не имеет никакого отношения к тому пересмотру, которому в настоящее время подвергается "концепция непрерывности". Представители общинной теории в современной исторической и этнографической науке ("концепции непрерывности" и "двух тенденций") единодушно сходятся на том, что первоосновой была общинная собственность на землю. Расхождения у них по вопросу о том, когда на территории Молдавии феодальная собственность полностью поглотила общинную.

В соответствии с этими новыми исследованиями в области истории общины и общинного землевладения проследим эволюцию свободной крестьянской общины и дальнейшую ее историю под господской опекой вплоть до полного ее разложения. В конце очерка будут рассмотрены "новообразования" долевого землевладения, известные под названием ретешокого.

2. Волошская община

Наиболее ранний этап крестьянской общины в Молдавии, который прослеживается в источниках, — это волошская община. Данный этап соответствует тому периоду социально-экономической истории края, который характеризуется разложением общинного строя и становлением феодальных отношений. Основные черты волошской общины закрепились в нормах волошского права.

В источниках нет конкретных данных о нормах волошского права на территории Карпато-Днестровских земель для периода до образования самостоятельного Молдавского феодального государства. Распространение власти Киевского, а затем Галицко-Волынского государства на отдельные части территории будущего Молдавского княжества, несомненно, повлияло на складывание здесь феодальных отношений. Среди славян края получили распространение нормы русского права, хотя их роль, учитывая отдаленное от центра Древнерусского государства положение территории, не была особенно большой.

Уровень развития феодальных отношений здесь был ниже, чем в центре Древней Руси. Известно, что наместники кочевников (по-

ловцев, печенегов, татаро-монголов) привели к разгрому поселений и уменьшению славянского населения в крае, относительному увеличению численности волохов, которые осуществляли колонизацию этих территорий в XII-XIV вв., переселяясь из районов Карпатских гор¹⁴. Признавая, что часть славян сохранилась, нельзя исключить определенное влияние так называемого русского права, о котором встретились переселяющиеся сюда волохи. Произошла "встреча" общин, живших по русскому и волошскому праву, как и в соседнем Галицком Прикарпатье¹⁵.

Так как нет источников, освещающих эти вопросы на территории Молдавии того времени, для изучения волошской и русской общин можно привлечь галицкие материалы, которые нужно сопоставить с результатами ретроспективного анализа позднее появившихся молдавских документов. Это сравнение целесообразно потому, что в социальных отношениях Молдавии XIII-XIV вв. сохранялось определенное древнерусское наследие. Кроме того, волошская колонизация шла примерно теми же путями на восток и северо-восток от Карпатских гор в земли Молдавии и западной Украины¹⁶. Первое время положение общин, живших по волошскому праву, в этих районах в смысле стадийного развития было, по-видимому, во многом сходным.

По подсчетам исследователей, в Галицком Прикарпатье возникло свыше 500 сел, живших по волошскому праву¹⁷. Источники сообщают о поселении на волошском праве в Галиции также и крестьян, ушедших из Молдавии. В некоторых документах поселения на волошском праве определены как села, жившие "in jure Moldavico"¹⁸ (по молдавскому праву). Сходство для того времени положений волошского и молдавского права позволяет считать, что они отражали одну и ту же степень развития феодальных отношений. Конечно, нельзя упускать при этом из вида, что распространение волошского права в Галицком Прикарпатье было не только результатом колонизации волохов. Многие крестьяне славянского происхождения, особенно занимавшиеся преимущественно скотоводством, стремились перейти на волошское право.

Сравнивая положение крестьян в Галицком Прикарпатье в общинах по волошскому и по русскому праву, Б.Д. Греков отличал занятие первых преимущественно скотоводством. Об этом свидетельствует, по его мнению, "факт уплаты податей скотом, продуктами животноводства и дичи: баранами, свиньями, сырами, сернами, зай-

цами¹⁹. Правда, это не исключает и занятие земледелием. Источники, хотя и несколько более позднего времени, подчеркивают, что налогообложение в волошских общинах шло по двум принципам: "с пашеной земли или с дворища по 20 грошей, а кто не имеет пашеной земли со ста овец по 10 грошей"²⁰. Итак, из документов видно, что существовали хозяйства, которые имели пашню.

Другая особенность сел волошского права состоит в меньшей по сравнению с русским правом норме натуральной и особенно отработочной ренты. Жители общин были обязаны работать в хозяйстве старейшин ("кнезов") 3-6 дней в году и преподносить им подарки к рождеству и пасхе. Старейшины имели исключительное право содержания мельницы. Если девушка выходила замуж в другое село, за нее необходимо было платить старейшинам небольшой выкуп ("куницу")²¹. Крестьянский выход по волошскому праву мог происходить в любое время года²². Таким образом, особенностью социального строя волошских общин была животноводческо-земледельческая система при ведущей роли скотоводства в их хозяйстве и слабом развитии отработочной ренты.

Особый интерес представляет выявление характерных черт внутреннего устройства волошских общин. Сравнивая русские общины в Галицком Прикарпатье с волошскими, Б.Д. Греков констатировал, что самоуправление в последних сохранилось очень долго²³. Важные сведения приводит польский историк первой половины XIX в. Т. Чапкий, располагавший не дошедшими до нас ценными актами XIV-начала XV в. Он обнаружил, что в волошских общинах (именуемых в польских источниках громада) во главе общинного самоуправления стояли старейшины - кнезы. На начальном этапе колонизации все денежные штрафы шли в пользу общины и оставались в селе; суд осуществлялся советом старейшин по волошскому праву; для решения важнейших вопросов, касающихся общины, собиралось вече²⁴. Лишь в более поздних источниках указывалось, что одна треть штрафов шла в пользу старейшин общин - кнезов²⁵. Жители волошских сел собирались два раза в год на собрание, где обсуждались вопросы податей и повинностей, а также осуществлялся суд²⁶. Громада собиралась, как правило, возле дома кнеза.

В общинах с волошским правом было много обычаев, сближавших их с общинами русского права. В качестве примера можно привести "слидогонение" - обязанность общинников совместно преследовать воров, убийц и т.д. Этот обычай был зарегистрирован

не только в волошских селах, но и в некоторых славянских источниках²⁷. Перед нами, несомненно, остаток более древних обычаев. Он сохранился в селах Молдавии вплоть до конца XVI в.

В селах с волошским правом насчитывалось примерно от 10 до 30 ховяйств — дворищ²⁸. Имеются сведения, позволяющие предположить в дворище большую семью и черты семейной нераздельности имущества. Источники свидетельствуют, что в селах с волошским правом "fratribus indivisa" (нераздельные братья) совместно владели даже скотом. Не всегда делилась и земля между членами дворища. Этот раздел произошел позднее, когда появились "дмы", бывшие первоначально только в идеальных долях²⁹. Само налогообложение строилось по принципу "дворища" и "дмы", а русское право³⁰ принимало во внимание пахоту. Жители общины волошского права могли продавать только земли, очищенные от леса (пожни, подоеки)³¹.

Источники сообщают об еще одном интересном институте волошской общины. Несколько сел (иногда свыше двадцати) объединялись в так называемые "крайны" во главе с "крайниками". Согласно обычаям во всей крайне устанавливался, как правило, одинаковый размер повинностей. Существовали и собрания крайны, где из состава кнезов отдельных сел громада избирала крайника, имевшего определенные судебные и административные функции³². Перед нами характерные черты территориальной соседской общины, наподобие русской волостной общины. Воишское право таким, каким оно запечатлено в галицких источниках, далеко не отражает первоначального положения вещей при заселении в XII-XIV вв., когда оно охватило и Молдавию.

Для понимания норм сельской жизни по волошскому праву на территории Молдавии важно восстановить черты того периода развития волошских общин, когда они сидели не на феодальных (как в Галицком Прикарпатье), а на общинных землях. Только сняв те наложения, которые возникли в XIV-XV вв., мы можем восстановить процессы, протекавшие именно в Карпато-Днестровских землях до XV в. В таком случае можно предположить, что для общественного строя характерно: натуральное, преимущественно скотоводческое, оседлое хозяйство (в рамках животноводческо-земледельческой системы); эксплуатация крестьян местной феодализирующейся знатью; примитивная довольно незначительная отработочная рента (3-6 дней в году) и натуральный оброк в основном в продуктах скотоводства.

Следовательно, волошская община ко времени образования Молдавского феодального государства находилась на той стадии эволюции, когда, как указывал К.Маркс, "военная и духовная знать вместе с общинной собственностью узурпировала и связанные с ней повинности"³³. Этот процесс протекал несколько веков. О нем находим глухие отзвуки и в источниках, относящихся к Карпато-Днестровским землям XIII - XIV вв. Так, в венгерском документе 1332 г. утверждается, что владения Куманской епископии на юго-западе Молдавии еще в XIII в. захватили "сильные люди тех мест"³⁴. Речь идет о поднимающейся местной феодализирующейся знати волошской общины: кнезах, жуде, ватаманах, которые эксплуатировали крестьян-общинников, живущих на основе так называемого волошского права. Эта знать стала требовать от имени общины, чтобы каждый из ее членов 3-6 дней в году работал на кнеза. Эта форма отработок переросла в примитивную отработочную ренту. Кроме того, они получали дважды в год подарки натурой, превратившиеся в натуральный оброк - ренту (отсюда и объяснение того факта, что натуральная рента идет еще не от всех доходов крестьянского хозяйства). Выступая в качестве судей, представители знати - кнезы начинают получать одну треть от всех судебных пошлин и штрафов, шедших ранее, как мы установили, в пользу общины.

Разложение общинной и формирование частной феодальной собственности на землю завершается в основном в течение XIV-XV вв. Лишь в некоторых районах Молдавии этот процесс протекал с опозданием, что приводило к консервации общинных институтов, до того времени, как их более детально зафиксировали в документах. Благодаря этому мы можем представить эволюцию волошской общины в Молдавии до окончательной победы частной феодальной собственности на землю в масштабах всей страны.

3. Консервация общинных отношений в горно-лесных районах Молдавии

Более древние характерные черты волошской общины можно восстановить, изучив также общественные отношения, которые в силу специфических естественногеографических условий законсервировались в некоторых горно-лесных районах Молдавского государства. Отделив позднейшие наслоения, можно предположить, что эти отношения были характерны в более ранний период и для осталь-

ной территории страны. С другой стороны, можно сопоставить характерные черты волошских общин Галиция и горно-лесных районов Молдавии.

Еще в начале ХУШ в. Дмитрий Кантемир писал о трех областях в Молдавии: Вранча, Кымпулунг и Тигеч, — где крестьяне "не подчиняются боярам", составляя "как бы отдельные государства"³⁵. Очевидно, он имел в виду консервацию некоторых черт общинного самоуправления. К сожалению, не о всех этих трех районах сохранилось достаточно документов, чтобы раскрыть их внутренний строй. Об общине в Тигече того времени вообще нет источников, незначительно их число о Кымпулунге³⁶, чуть больше документов о Вранче. Очевидно, многие общественные явления, протекавшие во Вранче, были характерны и для Кымпулунга и Тигеча.

Ф.Энгельс указывал, что в горных районах часто происходит консервация более ранних общественных порядков³⁷. Хозяйственная организация сел Вранчи не позволяла перейти к разделу всей патримонии района между отдельными общинами. Горные пастбища удовлетворяли потребности господствующего скотоводческого хозяйства жителей сел Вранчи, и поэтому горы составляли их общую собственность³⁸. С другой стороны, горы были закрыты для проникновения "чужаков". Они могли поселиться там, только уплатив десятину, которая шла в общий доход всей большой общины Вранчи.

Община во Вранче не была, однако, застывшей, она медленно развивалась, постепенно устанавливалась частная собственность на общинную патримонию. Во Вранче эта эволюция несколько отличалась от классической эволюции общины — марки. Если горы не были поделены между общинами — селами вплоть до середины ХУШ в. (первый раздел произошел в 1755 г.)³⁹, то земли, расположенные в непосредственной близости от сел, общины давно отмежевали, и каждый житель села знал свою идеальную долю. Так, в с. Пулушты в 1689 г. некая Марийка, дочь Ионицы, продала своему двоюродному брату Лепедату свою долю, которая не была еще отмежеванной и представляла собой идеальную часть "из пашни, из поля, из леса, из сенокоса, из мест для мельниц и со всем доходом"⁴⁰.

Кроме собственности на идеальную долю жители Вранчи могли расчистить любую территорию патримонии и обрабатывать ее. Этот участок, называемый "куретуре", и был полной собственностью его владельца, который имел право распорядиться им по своему усмотрению, точно так, как жители сел волошского права в Галицийском Прикарпатье.

В целом во Вранче в земельных правоотношениях сохранялись остатки кровнородственных связей и общинная ответственность на горы. Горные пастбища использовали все села сообща (как в домарковский период). Наблюдается реально выделенный алод в пашне только в более позднее время (примерно с XIII в.) при общем владении и пользовании жителями сел отдельными угодьями вне гор (как в марке). Наконец, прослеживается право частной собственности малой семьи на идеальную наследственную долю во всех угодьях села (что соответствует смешанным формам развития общины)⁴¹.

В целом вся Вранча напоминала большую сельскую общину, подобно крупным маркам (гау), упомянутым Ф.Энгельсом⁴². Исследователями было установлено, что в XIII в. Вранча состояла из 14 хотаров (малых общин), которые в свою очередь включали 24 поселения⁴³. Общинный хотар составлял группу родственных — патриархальных, сегментизирующуюся со временем на более мелкие родственные группы — "батырны". Во главе каждой родственной группы находился "батыр", олицетворяющий эту группу. Так, в 1700 г. в с. Спинешть числилось семь "батырнов". Интересно, что в документе упомянут "старший батыр" — реальное лицо. Иван, сын ватава из Спинешть, один из семи батырнов, женился на дочери ватава из Бьрсенешть и назначил последнего старшим батыром вместо себя⁴⁴.

Жители сел патронимии во главе с батырными считали себя родственниками. Это единство диктовалось, конечно, производственными потребностями. О хозяйственном использовании угодий в горах, о взаимоотношениях с господарем и соседними землевладельцами, боярами и монастырями заботился "Большой совет Вранчи" — собрание всего взрослого населения (от некоторых сел присутствовали и женщины). На совете избирались уполномоченные (представители сел), управлявшие большой общиной. Многие спорные вопросы они решали совместно с ворником Вранчи, назначенным господарем. Но, когда возникали споры, созывался "Большой совет"⁴⁵. Лишь к середине XIX в., когда горы оказались окончательно поделенными, "Большой совет" Вранчи был распущен. Следовательно, общинное управление всей Вранчи существовало пока это диктовалось производственными нуждами населения области. В целом "Большой совет" Вранчи имел много сходного с собраниями "крайн" сел волошского права Галицкого Прикарпатья, также решавших производственные вопросы больших групп сел (до 20).

Кроме "Большого совета" каждый общинный хотар имел свое внутреннее управление, напоминавшее управление галицких сел волошского права. В задачу этого управления входило: 1) решение производственных вопросов, касающихся общего хозяйства села: использование пастбищ, сенокосов, леса, вод; 2) распределение пахотных земель для личного пользования каждой семьи; 3) взаимоотношения с государственными органами: раскладка податей согласно имущественному положению каждого жителя и др.; 4) выполнение судебных функций: свидетельские показания при разделе имущества, разбор морально-бытовых проступков, организация свода, гонение следа преступника и др. Таким образом, если "Большой совет" обсуждал общие проблемы, касающиеся жителей всей большой общины, то малые общины-патронимии решали более конкретные вопросы, касающиеся производственных и морально-бытовых отношений крестьян.

Собрание малых общин-патронимий выбирало из своей среды крестьян, выполнявших определенные поручения: охрану посевов от потрав (житарь), измерение пахотных участков, сбор пшвинноотей и др. Во главе села, подобно кнезам сел волошского права Галицкого Прикарпатья, стояли ватавы, выбранные крестьянами и утвержденные государственными органами власти⁴⁶.

Итак, нормы общинных отношений во Бранче во многом напоминают нормы волошского права в Галицком Прикарпатья. Определенные же отличия между ними вызывались позднейшими наслоениями, появляющимися в процессе различных путей развития феодализма в этих землях.

Сельская община во Бранче сохранилась вплоть до XIX в. Несомненно, что этапы эволюции общины во Бранче наблюдались в более ранний период и на остальной территории Молдавии.

4. Основные функции феодально-зависимой общины

В XII-XIV вв. на территории Карпато-Днестровских земель происходят существенные социально-экономические, этнические и политические изменения: заселение и хозяйственное освоение этих земель восточнороманским населением, которое вступает в тесный контакт с остатками восточнославянского населения, обособ-

ление этой ветви волоков в новую этническую общность — молдавскую народность, дальнейшее развитие в крае процесса феодализации повсемельных отношений, формирование классов землевладельцев и феодально-зависимого крестьянства и, наконец, образование в середине XIV в. Молдавского феодального государства⁴⁷.

Все это привело к усилению процесса имущественного и социального распада сельской общины. В период складывания Молдавского феодального государства многие функции общины переходят к государственным органам власти или отдельным феодалам. Общинные земли стали захватывать не только представители феодализировавшейся общинной верхушки (кневы, жуде, ватаманы), но и приближенные господаря: военно-служилые люди, господарские слуги. Захваченные ими общинные земли становятся наследственными владениями, что подтверждалось господарями в соответствующих грамотах. Все свободные земли страны были объявлены собственностью господаря. Чтобы обеспечить себе поддержку в среде светских и духовных феодалов, господарь раздавал им вотчины из своего домена. В результате на протяжении XV в. феодальная собственность охватила абсолютное большинство населенных земель Молдавского государства, принадлежавших ранее волошской общине. Ко второй половине XV в. крупное и среднее землевладение занимало 81%, а мелкое — лишь 19% всех сел. Только 0,79% сел светского землевладения могли включать остатки дофеодальной крестьянской общинной собственности⁴⁸.

Развитие процесса феодализации в Молдавии конца XIV—XV вв. вело к исчезновению больших общин типа Вранчи или "крайн" галицких сел волошского права. О существовании подобных общин свидетельствуют лишь группы сел с единой общинной межей — котаром. Так, например, в грамоте от 30 марта 1392 г. господарь Роман Мухат жаловал Ионашу Витязю три села, имеющих общий котар, который именуется "котаром окола"⁴⁹. Здесь идет речь о более крупной общинной организации, имеющей значительный котар. Возникшие затем три малые сельские общины еще не успели выделить свой обособленный котар. пожалования господарями светским и духовным феодалам сел из состава больших общин приводили к их окончательному распаду.

Более жизнеспособной оказалась малая сельская территориальная община, которая и после завершения феодализации вширь "продолжала свое существование, хотя и под господской опекой"⁵⁰. В связи

о этом встает вопрос о взаимоотношениях вотчины (основной формы феодального землевладения) и села (главной ячейки общины, основной единицы землеустройства и землепользования в Молдавии).

Все земли средневековой Молдавии были распределены между хотарами сельских общин, ведущих свое начало от дофеодальных времен (т.е. волсковской общины). Территория села (хотар) отделялась межевыми знаками от хотаров соседних сел⁵¹. В грамотах XV-XVII вв. при описаниях хотаров сел часто указывается их периметр⁵². Село (со своим хотаром) выступает в поземельных актах XV-XVII вв. как объект пожалования, подтверждения, дарения, купли-продажи, обмена, залога и т.д.

Во всех случаях хотар села (поскольку сельская община в нем не дробилась) сохранял хозяйственное единство. Над этой организацией, которая являлась более древней, по мере развития феодальных отношений наслаивалась контуры новой социально-экономической единицы - вотчины, поглотившей общинную собственность на землю.

Контуры феодальной вотчины и села со своим хотаром далеко не всегда совпадали. Ведь хотар села (т.е. хотар отдельной сельской общины) сложился раньше, нежели установилась вотчинная межа, так как общинная собственность на землю предшествовала вотчинной. Источники конца XIV - XV в., когда проходило межевание вновь образованной вотчины, указывают, что хотар села проходит там, "куда из вѣка шживали"⁵³. В результате, структура земельного комплекса вотчины была самой разнообразной. Вотчина иногда охватывала целое село, в таком случае село и вотчина совпадали. Крупная вотчина насчитывала несколько сел и даже десятки поселений. Но одно село могло состоять из нескольких мелких вотчин. Нередко хотар одного села не только дробился на мелкие вотчины, но одновременно мог входить отдельными своими частями в состав средней или крупной вотчины. Это соотношение, называемое вотчинной тканью феодального землевладения⁵⁴, со временем все более усложнялось, ибо хотар села в основном выступал как постоянная единица, а контуры вотчины были весьма подвижны. Если же вотчинная ткань рвалась хотар села, то она тем самым нарушала издавна в нем сложившееся производственное единство сельской общины, что могло привести к серьезным изменениям в организации хозяйства.

Чтобы определить последствия раздробления территориального комплекса села вотчинной транзю, необходимо вынести в первую очередь основные функции феодально-зависимой общины в условиях сохранения единства сельского хотара как самостоятельной единицы землепользования и производства. Производственная функция общины исходила из сложившейся в феодальной Молдавии структуры сельского хозяйства и была призвана обеспечить действие соответствующей этой структуре системы землепользования.

В молдавском селе XV—XVII вв. преобладала животноводческо-земледельческая циклическая система землепользования и аграрного производства. Для этой системы было характерно применение подсечной и переложной системы земледелия при сохранении значительной роли животноводства. Оно было самой товарной отраслью сельского хозяйства⁵⁵. Поэтому переход к паровому и особенно трехпольному земледелию (господствовавшему в то время во многих странах Европы) был несовместим с той ролью, которую играло животноводство в структуре сельского хозяйства молдавской деревни. Таким образом, несостоятельно мнение ряда историков, которые, опираясь на историко-сравнительные данные, но не располагая конкретными сведениями о паровой и тем более трехпольной системах земледелия, пытаются говорить о ее распространении в Молдавии XV—XVII вв.⁵⁶

Ведущая роль скотоводства в дачной структуре нашла свое отражение и в характере землепользования в вотчине: ненадежное циклическое использование (индивидуально или коллективно) перелогов под пашню, сенокос и пастбище, животноводческих угодий, не охваченных циклом, свободный выпас скота в поле и др. Цикл состоял из стадий: парины (пашни), сенокоса и пастбища, которые менялись между собой. Стадии цикла не были равными по времени использования: животноводческие стадии (сенокос — пастбище) значительно преобладали. На определенное время цикла отдельный сельский двор периодически имел свой участок в каждой из стадий. Эти участки не всегда были между собой равны, но господствовало стремление к уравнительному наделению. В стадии пастбища такое выделение и закрепление участка обычно не имело места. Отсутствовало индивидуальное место для землепользования каждого двора на пастбищах и сенокосах, в лесах и естественных водоемах.

В отдельных стадиях цикла движение могло происходить расплывчато, мелкими участками по всему хотару села. Ни один участок

наследственно за крестьянским двором не закреплялся. Эту систему землепользования можно охарактеризовать как "непостоянную". Она требовала единства структурных единиц хотара в селе, т.е. коллективного общинного землепользования⁵⁷.

Вне циклической системы в селе находилась "постоянная" система, допускавшая индивидуальное землепользование. В нее в первую очередь входил крестьянский двор с пристройками в самом поселении - "ватра". В ватре в XV - начале XVI в. было расположено до 10 - 20 домов⁵⁸, а во II половине XVI-XVII в. - до 20-30 домов⁵⁹. Она иногда делилась на четное число "кутов" (в основном их было два), состоящих из групп родственных - патриимий. Исследователи считают, что четность кутков в составе села-общины является пережитком родоплеменного строя "дуальной организации" семейных общин⁶⁰. От основного поселения зависели выселки и прикуты, располагавшиеся вне ватры села, но в пределах его хотара. Установлено, что куты - это селения, характерные для Молдавии периода, предшествующего появлению феодального землевладения. Два или несколько кутков составляли сельскую общину единым хотаром.

Постоянная система землепользования распространялась также на виноградники, пасеки, сады и искусственные пруды. Все эти виды угодий располагались часто компактно, на постоянном месте, которое закреплялось наследственно за крестьянским двором. Крестьяне-общинники приобретали наследственные права на возвышенные строения, посаженные деревья, виноградники и т.д. Например, в начале XVIII в. зависимые крестьяне-общинники сел Босанча и Лемашены свидетельствовали, что "из дедов и прадедов наших принято в отношении садов следующее: кто их сажит в селе, будет владеть садами сколько живет, а после смерти стариков сады остаются онновьям, внукам и правнукам. Они владеют, сколько будет длиться род тех, кто посадил деревья в саду. Но владеть могут только те, что сидят в селе и платят бир и работают боевек, а у тех, кто уходят из села в другие места, сады ушедших забирает землевладелец, так как место ему и принадлежит"⁶¹.

Община контролировала угодья, находившиеся в постоянном индивидуальном пользовании, особенно такие, как виноградники и пасеки, которые подлежали огораживанию.

В исторической литературе менее всего изучена роль общины в организации господствующей "непостоянной", циклической систе-

мы землепользования. Исследователи пытались обнаружить в Молдавии XV-XVII вв. обычные производственные функции сельской общины, характерные для тогдашней феодальной Европы. Эти функции были связаны в первую очередь с паровой системой земледелия, господствовавшей в Европе XV-XVII вв. В Молдавии же ни принудительного севооборота, ни системы открытых полей, свойственной для трехполья, мы не обнаружили.

Правда, в Молдавии и городы парины иногда снимали (или открывались калитка) и туда пускали скот (особенно, когда наступала стадия толоки в цикле). Но, во-первых, парина далеко не всегда была пашней всего села. Превращение парины в толоку не было связано с окончанием всех полевых работ в определенном сроку на всем поле, что вызывало бы необходимость в принудительном севообороте. Стадия парины в цикле была годовой. Она не прерывалась в середине года после уборки урожая, что случалось обычно при трехполье⁶². Каждая стадия цикла длилась несколько лет. Поэтому отпадала необходимость для сельской общины осуществлять такой строгий контроль за принудительным севооборотом и открытыми полями, как при трехполье. Наконец, при огромном превосходстве пастбищных и сенокосных угодий над пашенными контроль со стороны общины также не имел того значения, что при трехполье⁶³.

Такое положение наблюдалось не только в Молдавии, но и в некоторых других районах Европы, где распространены были сходные системы земледелия и животноводства. М.Блок отмечал то же явление и в западноевропейском средневековье. "При этой системе, - писал он, касаясь роли общины, - отсутствовали главные причины, которые в других местах привели к строгому контролю над индивидуальным хозяйством. Ограничение и контроль был, но, как правило, не так строго"⁶⁴.

Так можно охарактеризовать аграрный строй, если сопоставить его со строем, при котором сельская община использовала паровую систему с двух- или трехпольным севооборотом. Следует подчеркнуть, что речь может идти лишь о сопоставлении, а не о выделении производственных функций молдавской общины из модели землепользования, основанной на паровой системе земледелия. Именно попытка вывести эти функции из модели, которая не встречается в Молдавии, и завела исследование данной проблемы в тупик.

При господстве циклической системы "непостоянного" землепользования существовали своеобразные производственные функции

сельской общины в целом, на всей территории хотара села, правда, пролеживаются они в наших молдавских источниках гораздо труднее.

Сельская община следила за тем, чтобы ее члены могли заниматься расчисткой леса и созданием подоек в хотаре данного села⁶⁵. В связи с землепользованием возникали споры между селами, причем в судебных тяжбах в инстанциях, вплоть до господаря, нередко участвовали наряду с землевладельцами (а иногда даже самостоятельно) сельские общины владельцев сел⁶⁶. Общинное регулирование производственной деятельности в хотаре села при развитии животноводстве было связано с общими мероприятиями на естественных пастбищах и сенокосах. Они заключались, в частности, в огораживании коллективных сенокосов и мерах по уходу за скотом на пастбищах⁶⁷. Несомненно, что община участвовала в распределении естественных угодий (сенокосов, пастбищ и водоемов и т.д.), особенно, если в хотаре вотчины ощущался их недостаток. Да и циклическая система "зерно-трава" требовала определенного регулирования в масштабах всей территории селения. Здесь необходимо было участвовать совместно с землевладельцем (его представителем) или даже самостоятельно в распределении участков для каждого двора в стадии царины и сенокоса. Кроме того, в связи с большим количеством скота по вотчине следовало контролировать огораживание коллективной царины. Осуществлялся цикл коллективно или индивидуально, труд был преимущественно индивидуальным для каждого крестьянского двора в том смысле, что крестьянин сам обрабатывал свой участок земли в царине и собирал с него урожай. Коллективно выполнялись лишь некоторые общие работы (например, возведение изгороди царины или перенесение ее на новое место), которые организовывала сельская община.

Если же участки царины не были в коллективном цикле, то сельская община участвовала в распределении сфер землепользования отдельных крестьянских дворов. Такое выделение сфер влияния очень хорошо можно проследить по документам XV-XVII вв. в долевых селах⁶⁸.

Наконец, соседние сельские общины следили за тем, чтобы царина и сенокосы одного села и толока (пастбище) другого не располагались рядом, дабы скот не наносил вреда соседям, за что община несла ответственность⁶⁹.

Господство "непостоянного" землепользования, особенно во владельческом селе Молдавии, предопределяет необходимость со-

хранения структурного единства всего хотара села. Контроль за этим осуществляла в известной мере сельская община. Это было, пожалуй, одной из главных производственных функций общины. И если такое единство нарушалось, то это происходило по причинам, не зависящим от ее воли. Сельская община делала все от нее возможное, чтобы сохранить такое единство, но сталкивалась с двумя факторами, нередко противодействовавшими. Первым было развитие товарно-денежных отношений. Рост вотчинного хозяйства в этих условиях привел к наступлению феодала-землевладельца на крестьянское землепользование в хотаре села. Вторым фактором являлась глубокая перестройка структуры землевладения, которая имела место в Молдавии XVI-XVII вв. Влияние этих факторов на эволюцию сельской общины рассмотрим несколько ниже.

Определение эволюции основных функций феодально-зависимой общины будет, однако, неполным без учета тех изменений, которые произошли в общинном самоуправлении и суде. Захват свободных общин светскими и духовными феодалами непосредственно коснулся общинного самоуправления. Уже документы XV в. все чаще упоминают "село, где был кнез" и очень редко - "где ест кнез"⁷⁰. Землевладельцы стали назначать в селах своих представителей - ватаманов. Если в документах XV в. этот термин встречался для обозначения "старейшины села"⁷¹, то с XVI в. он уже называет управляющего феодальной вотчины. Так, в документе от 17 сентября 1612 г. указывалось, что вечины монастырского села Ккал должны олушаться ватамана и урядника этого села⁷². Наряду с ватаманом в приведенном документе фигурирует и урядник, позже - ворничел. Ватаманы и урядники осуществляли раскладку податей в селе, заставляли крестьян выполнять владельческие повинности, разбирали мелкие дела. Они были освобождены от подушного налога, и за них платило все село. В первой половине XVIII в. функции ватаманов стали сливаться с функциями ворничелов. Это привело к ликвидации института ватаманов в середине века⁷³. Конечно, самой ответственной функцией сельского самоуправления была организация раскладки и сбора государственных повинностей.

Община отвечала круговой порукой не только перед вистерией (казной), но и перед судебной инстанцией. Если преступление (убийство, предубодеяние) совершалось на территории общины, последняя была обязана найти виновного. Если община отказывалась или не могла его найти, то платила штраф (определенное

количество голов скота - 12, 24, 50)⁷⁴. Подобные архаические пережитки сопоставимы с уплатой в древней Руси "дикой виры" - общинного платежа, который не получил в Молдавии специального названия и покрывался общим наименованием "душегубина". Сохранились вплоть до XIII в. и такие сходные со славянскими общинами черты, как свод (публичный поиск пропавшей вещи) и гонение следа, т.е. действовал принцип: где кончается след, находится преступник. Так, 10 октября 1610 г. в с.Бухнезь Нямецкого монастыря было совершено убийство. Великий ворник Верхней страны Орешда дал монахам трехнедельный срок найти преступника, потом добавили еще три недели. Люди монастыря в конце концов нашли его в с.Преуцешты. В поисках преступника люди монастыря потратили 10 талеров и два вола. Эти затраты по решению господаря должна была возместить община с.Преуцешты, откуда родом преступник⁷⁵.

Все эти архаические черты общинного судопроизводства носили в XV-XVII вв. характер пережитка. Они находились под непосредственным контролем органов государственной власти и феодала-землевладельца. Судебные пошлины и штрафы, которые первоначально, в период волошского права, шли в пользу всей общины, а потом одну их треть стала присваивать себе общинная верхушка, с переходом свободных общин под власть светских и духовных феодалов или в господарский домен полностью стали присваиваться феодалами-иммунистами или господарем (если владелец села не имел иммунитета)⁷⁶.

Под непосредственным контролем государственной власти и феодалов-землевладельцев находился и общинный суд, в ведении которого было оставлено лишь разбирательство мелких гражданских дел и морально-бытовых проступков⁷⁷. Эти дела разбирались под руководством сельского старосты "старыми и добрыми людьми". Более серьезные нарушения правопорядка разбирали органы государственной власти или феодал-иммунист. Но и здесь в виде пережитка времени свободной волошской общины сохранился институт соприсяжников. Подобно "псслухам" "Русской правды", в молдавском суде стороны могли представить их определенное количество. В молдавских источниках на славянском языке они именовались "божничницы" или "присѣжници"⁷⁸. Каждая сторона могла опровергнуть показания соприсяжников другой стороны при условии представления удвоенного числа присяжников (6, 12, 24, 48 человек). В конечном итоге их общее число могло превзойти сто человек. Сопри-

связники, таким образом, представляли собой пережиток общинного правопорядка: за кем пойдет большинство, тот и выигрывал процесс. Но в XVI-XVII вв., по мере развития процесса закрепощения крестьян, они были отстранены от участия в суде в качестве соприосвятников. В результате узурпации общинного суда этот институт обычного права был поставлен на службу феодального правосудия.

Итак, по мере закрепощения община на феодальной земле под господским подчинением все больше теряла элементы самоуправления и другие свойственные ей черты.

Процесс закабаления землевладельцами феодально-зависимой общины непосредственно коснулся и характера землепользования в пределах сельского хотара.

5. Наступление на феодально-зависимую крестьянскую общину

В XV в. хозяйство молдавской вотчины было потребительско-го характера, редко выступало как товаропроизводитель, особенно продуктов земледелия⁷⁹. Поэтому землепользование вотчинника-феодала и крестьян в хотаре села-общины мало отличались. И одно и другое хозяйства по масштабам чаще всего являлись мелким производством, вполне вмещались в общие рамки обычной модели землепользования⁸⁰. Владелец мог участвовать в циклах, не выделяя сколько-нибудь заметно в источниках, отражающих землепользование в хотаре села. Разумеется, речь идет о тех отраслях сельского хозяйства, которые основывались на так называемой "непостоянной" системе землепользования. Неслучайно скудные данные источников о господском хозяйстве XV в. относятся преимущественно к очагам "постоянного" землепользования: в основном виноградникам и пасекам. Таким образом, во всем хотаре села действовала только одна обычная традиционная система землепользования. Пашня, сенокосы; пастьбища сменялись в цикле в разных землях хотара у крестьян, как и у землевладельцев. Участки вотчинного землепользования в цикле также были непостоянны в силу действовавших агротехнических принципов. Они могли быть разбросаны по всему хотару, нередко вперемежку с крестьянскими участками царины и сенокосов. Для господского хозяйства пока еще

не выделялся единый компактный земельный массив, в котором за-
прещалось бы крестьянское землепользование.

В XVI-XVII вв. с развитием товарного вотчинного производ-
ства и расширением связей феодального хозяйства с рынком вла-
дельцы вотчин переходят в наступление на крестьянское земле-
пользование в хотаре сельской общины. Не нарушая системы в це-
лом, вотчинники территориально оужают сферу действия хотара
села, выывая из общинных угодий определенную часть. Это чаще
всего леса и пастбища, необходимые для барского окотоводства -
наиболее товарной отрасли вотчинного производства. Подобные зем-
ли огораживались или даже выделялись в самостоятельный "бра-
нищный" хотар⁸¹. С обособлением из сельского общинного хотара
бранищного хотара мелкое крестьянское производство должно было
приоиспобляваться при землепользовании к более крупному произ-
водству вотчинника. Крестьяне-общинники могли использовать здесь
лишь ивлишки бранищных угодий⁸².

Бранищное хозяйство и землепользование могут характеризо-
ваться как форма "крупного производства" только в сравнении с
мелким хозяйством, основанным на обычной модели землепользова-
ния. По своим масштабам оно значительно уступает крупным про-
изводствам стран Центральной и Восточной Европы XVI-XVII вв.

Но даже эта модель производства и землепользования, круп-
ная лишь в местных условиях, не господствовала в молдавской
вотчине XVI-XVII вв. Ареал распространения этого крупного произ-
водства был довольно скромным, ограничиваясь обычно духовной вот-
чиной и господарским доменом⁸³. В светском землевладении, кото-
рое охватывало большинство сел страны, бранищное хозяйство и
землепользование было редкостью.

Развитие товарно-рыночных отношений в Молдавии XVI-XVII вв.
способствовало созданию "бранищ", а также определенной интен-
сификации системы сельскохозяйственного производства. В этих
условиях феодал не мог обойтись без постоянной рабочей силы,
поэтому он стремился закрепить за собой крестьян более креп-
кими узами личной зависимости. В свою очередь, феодальное госу-
дарство, заинтересованное в прикреплении к тяглу села крестьян,
несущих централизованную ренту, которая в период турецкого ига
составляла львиную долю прибавочного продукта, решительно вме-
шивается в процесс закрепощения крестьян⁸⁴. В 90-х гг. XVI в.
зависимые крестьяне Молдавии в общегосударственном масштабе те-

ряют право перехода, становятся крепостными-вечинами, "крепкими своим господам" по государственным переписям (очевидно, по переписи 1691 г.)⁸⁵.

В процессе разложения феодально-зависимых общин закрепощение крестьян явилось важным этапом. Отдельные землевладельцы переводили их из одних вотчин в другие. Так, из более позднего документа 1741 г. узнаем, что в конце ХУП в. Иордаки Ворник "переселил... всех вечин из села Мерчешты⁸⁶, сколько их было, в село Трибешты". Отделенный таким образом от своего участка в цикле землепользования общины, на новом месте вечин был вынужден принять условия, которые диктовал ему землевладелец. В конце ХУП - первой половине ХУШ в., в период экономического упадка⁸⁷ крепостных чаще привлекали к дворовым, чем к полевым работам. Подобное использование труда вечинов приближало их к холопам-цыганам, что подробно отмечено в господарском уложении 1749 г.⁸⁸

Экономический упадок в Молдавии конца ХУП - первой половине ХУШ в. сопровождался значительными миграционными процессами⁸⁹. Новоприходцы располагались в сельской общине по договору (соглашению) с землевладельцем⁹⁰.

Низведение крепостных-вечинов до положения холопов-цыган, их продажа отдельно от земли, а иногда и от семьи⁹¹, их вывод и превращение в дворовую челядь не отвечало интересам казны, ибо она лишалась полностью налоговых плательщиков. Поэтому господа стремились сохранить общину. Государство по-иному наступало на сельскую общину в целях дальнейшего ее превращения в инструмент взъяска централизованной ренты. Община по-прежнему раскладывала подати между своими членами, отвечала за бежавших односельчан круговой порукой. Этот порядок был желателен для государства, и оно старалось его сохранить. В 1742 г. господарь К. Маврокордат издал указ, запрещающий крестьянам уходить из села, где они были записаны в податную перепись⁹².

Важным законодательным актом, повлиявшим на положение общины, было уложение К. Маврокордата 1749 г., отменившее институт крепостных (вечинов). Упразднилось прикрепление крестьян к личности землевладельца, но они не имели права покидать без разрешения государственных властей то село, где были записаны как налогоплательщики. Одновременно фиксировалась и сеньориальная отработочная повинность в объеме 24 дней в году⁹³.

Более благоприятные экономические факторы, особенно после Кючук-Кайнарджийского мира 1774 г., создали определенные усло-

вия для преодоления экономического упадка, для подъема крестьянского и вотчинного производства. Развитие господского хозяйства привело к изменениям в структуре землевладения. Здесь наблюдается процесс округления вотчинных владений, сведение земельных владений крупных вотчинников в отдельные комплексы. Это достигалось путем обмена оел соседними землевладельцами, покупки и объединения сельских хотаров. Естественно, что все эти процессы сопровождали дальнейшее наступление феодалов-землевладельцев на общинные угодья (альменду), ограничение крестьянского землепользования в пределах сельского хотара.

Землевладельцы стремились ограничить крестьянские пастбища и сенокосы, запретить свободное пользование лесом. В соглашении крестьян с Могошешть Романского цинута с Нямецким монастырем упоминалось, что пашня должна размещаться только в определенной части села, которая огораживалась. Это делалось для того, чтобы в связи с ростом площадей под пашни оставить под пастбищем компактные массивы. Сенокосы предоставлялись на соседней вотчине: богатым - 4 фальчи (1 фальча - около 1,4 га), средним - 3, бедным - 2 и самым бедным - одна фальча⁹⁴. Иногда крестьяне прощали у властей разрешения уйти в другие вотчины, ибо из-за господского стада у них не было возможности содержать свой скот...⁹⁵ Ограничиваются и права общины свободно пользоваться лесными угодьями в пределах сельского хотара. Так, 28 ноября 1792 г. господарь Ал. Мурузи издал хрисов, запретивший крестьянам свободный выпас скота в лесу. За используемый лес в товарных целях крестьяне должны были платить десятину в пользу феодалов-собственников⁹⁶.

В конце XVIII - начале XIX в. делаются попытки ограничить в целом по стране крестьянские пастбища и сенокосы в пределах сельских хотаров. В проекте уложения 1805 г. устанавливалась норма пастбищных и сенокосных угодий для крестьян в междуречье Днестра и Прута, Прута и Серета, а также на территории между Серетом и Карпатскими горами⁹⁷. В первом районе для крестьян, имеющих 16 голов крупного скота, выделялось 16 фальч, для владельцев 12 голов скота - соответственно 12 фальч и 6 голов - 6 фальч. В следующем районе - соответственно 12, 8, 4 и в последнем - 6, 4, 2 фальчи⁹⁸. Земля под пастбища и сенокосы предоставлялась не каждой семье, а общине в целом.

Ограничения крестьянского землепользования коснулись и пахотных участков. Уложением господаря М. Суцу от 29 декабря 1794 г.

впредь запрещалась организация индивидуальных циклов землепользования в пределах сельского котара и разрешалось только коллективные: пахотные участки должны располагаться один возле другого, пашню необходимо было огораживать⁹⁹. Если крестьянам не хватало земли для пашен и сенокосов на одной вотчине, власти обязаны были предоставить ее на соседних¹⁰⁰.

Следует отметить, что разложение общины происходило не только в связи с наступлением на нее феодала-землевладельца и государственной власти. Важную роль в этом сыграли и внутриобщинные социальные процессы: при раскладке налогов богатые крестьяне, управлявшие общиной, стремились переложить больше повинностей на плечи средних и бедных крестьян. С другой стороны, внося больше налогов, чем другие, они требовали больше прав в использовании угодий котара сельской общины (особенно при организации коллективного цикла землепользования).

В первой половине XIX в. наряду с генезисом капитализма в недрах еще господствующих феодальных отношений происходят значительные типологические сдвиги. Одновременно с падением роли феодально-государственной эксплуатации крестьян усиливаются частновладельческие ее формы, которые значительно ослабили в период турецкого ига¹⁰¹. Это, несомненно, оказалось на дальнейшей эволюции общины.

Снижение налогового гнета стало возможным вследствие прогрессивного акта освобождения Бессарабии от турецкого ига и ее присоединения к России. В дальнейшем молдавская сельская община под господской опекой пошла по пути, уже известному в Восточной Европе, где барское производство было более развитым, нежели в Юго-Восточной Европе¹⁰².

Картина эволюции общины в Молдавии будет, однако, неполной без описания долевого резешского землевладения, являвшегося в подавляющем большинстве случаев "новообразованием" периода развитого и позднего феодализма. Поэтому необходимо вернуться к его истокам, чтобы понять дальнейшую эволюцию этих форм землевладения, которые долгое время в историографии считались только остатками дофеодальной общинной собственности.

6. Эволюция долевого резешского землевладения

В течение XV в. процесс поглощения земель некогда свободной общины в Молдавии был полностью завершён¹⁰³.

Общинная собственность была в основном ликвидирована, и развитие феодализма вширь в целом завершилось. Однако в конце XV в. крупновотчинная структура феодального землевладения стала приходить в противоречие с дальнейшим развитием феодализма вглубь.

Военно-служилое сословие феодалов-землевладельцев (как результат высокой концентрации землевладения) не достигло даже 2 тыс. чел. Господарский домен был невелик, а количество горожан незначительно. Поэтому из-за постоянной военной опасности в армию призывались частновладельческие крестьяне, которые не были еще отделены от военного дела и постоянно имели при себе оружие. Но все это ограничивало в типологических рамках сеньориально-вотчинных форм дальнейшее развитие феодализма вглубь (основная закономерность после завершения экстенсивного развития)¹⁰⁴.

Молдавские советские историки в последние годы выявили, что указанное противоречие, одерживающее дальнейшее движение феодализма вглубь (в плане стадияльного развития) постепенно (в течение XVI в.) преодолевается за счет перестройки указанной крупновотчинной структуры, преимущественно с сохранением наследственных связей владельцев. Появляется в огромном масштабе мелко-вотчинное землевладение как новообразование (рост с 19 до 55% структуры), формирующее земельную базу военно-служилого сословия. Этот процесс при всем своеобразии соответствует субинфеодации в Англии XI-XIII вв., складыванию в массовом масштабе рыцарского землевладения в континентальной части Западной Европы XII-XIV вв., формированию помещичьего дворянского землевладения в России XV-XVI вв. и т.д.¹⁰⁵

В результате перестройки старовотчинной структуры число землевладельцев выросло с 2 тыс. примерно до 10 тыс. человек¹⁰⁶. Господствующий класс, пополненный большой военно-служилой прослойкой, настолько укрепился, что зависимый крестьянин, игравший в молдавской истории XV-XVI вв. во многом ту роль, которую сторонники "концепции непрерывности" приписывали только освободному крестьянству, был отстранен от военного дела¹⁰⁷.

Мелкие образования, возникшие в ходе перестройки, сохраняли первое время в основном вотчинный характер и при сочетании нескольких владений в пределах хотара одного села приобретали черты так называемого долевого землевладения. "Концепция непрерывности" принимала эти новообразования за массивный пласт,

сохранившийся от дофеодальной общинной собственности. Другими словами, процесс развития феодальной собственности на землю в конце XV—XVI вв. подменялся идеей социальной борьбы за сохранение этой мелкой долевой собственности с дофеодальных времен как одного из главных лейтмотивов молдавской истории. Масса крестьян-общинников, оумевших сохранить свободу и землю в борьбе с наступлением феодализма, выдвигалась на первый план описания исторических событий XV—XVI вв. Свободного крестьянина представляли как основную антибоярскую силу, главного союзника господарской власти периода политики централизации (особенно в эпоху от Стефана III до Иоанна Лытого), активного участника большой господарской армии, которая противостояла экспансии соседних государств. Зависимым же крестьянам отводилась во всех этих событиях преимущественно пассивная роль¹⁰⁸. На утверждении ведущей роли крестьянства свободных общин, сохранивших свои земли, строилась и вся теория "крестьянского феодализма"¹⁰⁹.

Такое представление возникло потому, что военно-служилое сословие землевладельцев, состоявшее из мелких вотчинников, наделенных землей в ходе перестройки старовотчинной структуры, некоторые историки выдавали за свободных крестьян, якобы сохранивших землю с дофеодальных времен. Поэтому считали, что это сословие — сила, сопротивлявшаяся процессу феодализации. Отсюда внутриклассовые противоречия молдавского общества конца XV—XVI вв. подменялись классовыми.

Однако на эволюцию феодального землевладения и развитие молдавского феодализма с XVI в. стал влиять и внешний фактор — установление османского ига в Молдавском княжестве. Это выразилось в ограничении сеньориальной ренты и огромном росте централизованной ренты. В дальнейшем в XVII—XVIII вв. наблюдается тенденция — переход от господства частнофеодальных экономических отношений собственности к преимущественному развитию феодально-государственных. В результате собственность на землю, как категория юридическая, стала исключительно частновладельческой, в то время как категория экономических отношений собственности на землю — преимущественно феодально-государственной¹¹⁰.

Все это сказалось на развитии частновладельческого землевладения, вызвав с конца XVI в. новый этап перестройки ее структуры. Земельная собственность стала переходить к тем сословиям,

которые приспособились к типологическим сдвигам в развитии молдавского феодализма (служилое боярство), и уплывать из рук тех, кто остался в стороне. Последними являлись военно-служилые сословия олуг — куртян-немешей. Сформировавшиеся в ходе развития феодализма вглубь, они оказались более многочисленными, чем это было необходимо в условиях османского ига. Поэтому многие мелкие землевладельцы постепенно теряли статус служилого человека. Облагаемые катастрофически тяжелыми государственными налогами, они вынуждены были переходить грань, отделявшую мелкую вотчину от владения крестьянского типа. Мелковотчинное владение из организации по присвоению частнофеодальной, сеньориальной ренты превращалось в организацию по производству централизованной ренты^{III}. Это была модификация, идущая от господства одного определенного типа феодализма к другому. Тенденция окрестьянивания мелковотчинного частного землевладения приближала отношения собственности на этих землях к государственному феодализму в "чистом" виде. Но этот процесс был еще далек от своего завершения в конце XVIII — начале XIX в., так как в составе мелкого дробного резешского землевладения находим немало мелковотчинных организаций^{III}.

Таким образом, мелкое землевладение, с одной стороны, окрестьянивалось, а с другой — за счет раздробления постоянно воспроизводилось на уровне мелкой вотчины в результате разорения очень многих вотчинных организаций. Одновременно часть мелкого землевладения вновь поглощалась крупной и средней вотчиной. Вот почему есть все основания считать, что через мелкое, дробное землевладение в течение XVII—XVIII вв. прошло подавляющее большинство сельских хотаров Молдавии. Естественно, что при иллюстративном методе исследования, все это дало почву для теории "крестьянского феодализма" и "концепции непрерывности". Мелкое долевое землевладение, появившееся преимущественно в результате перестройки структуры землевладения и находящееся в XVII—XVIII вв. под сильным воздействием тенденции окрестьянивания, "концепция непрерывности" генетически связывает только с дофеодальной собственностью крестьян.

В действительности здесь имел место процесс появления мелкого дробного землевладения в качестве новообразования.

Какие общественные отношения складывались в дробном селе мелкого землевладения при этом процессе? Такой вопрос вотает

перед нами в первую очередь, если вспомнить, что сохранение структурного единства хотара — одно из главных условий успешного осуществления традиционной модели землепользования в молдавском селе. Господствующая в ней "непостоянная система" земледельческо-животноводческих циклов, требующая единства в хотаре села, при разделе земель вотчины оказалась бы не в состоянии нормально функционировать. Чтобы преодолеть это противоречие, следовало перейти к более интенсивным системам производства и землепользования. Но если учитывать соотношение между земледелием и животноводством, а также то, что феодальная система сельского хозяйства ограничивала возможность перехода к более интенсивным и искусным системам, основанным на особой роли животноводства (например, выгонной, многопольно-травяной), преодолеть традиционную систему землепользования оказалось невозможно. Противоречие, возникшее между конструкцией вотчинной ткани и системой производства и землепользования в селе, могло быть разрешено, только если перестройка структуры владельческих прав на землю была бы реально осуществлена в пределах хотара сельской общины. В таком случае должна была возникнуть лишь идеальная раздробленность владельческих прав на землю в хотаре села без реального их осуществления. Хотар села в большинстве случаев оказывался сохраненным от реального дробления на малкие осколки. Происходило объединение владельческих прав в виде создания определенной группы земледельцев, которые не осуществляли реально дробного раздела хотара сельской общины между собой. Все владельческие права перечислялись в грамотах лишь в идеальной форме. Чаще всего эти группы землевладельцев были между собой в определенной степени родства.

Семейная неразделенная собственность землевладельцев — явление довольно распространенное во многих странах Европы (особенно там, где не наблюдается право майората): с ним мы встречаемся в определенные периоды истории феодальной Италии, Франции, Испании, Чехии, Польши, Югославии и др.^{II3} Об этой общности на Руси XIV—XVI вв. писали и русские историки^{II4}.

Анализ повземельных документов XV—XVII вв. подтверждает, что этот процесс проходил и в Молдавии. Подсчитав данные повземельных грамот, румынский ученый Г. Шталь установил, что к середине XVI в. эта общность превалирует в структуре землевладения, охватывая 51,4% сел^{II5}. Во второй половине XVI в. источники упо-

минают об общности владения гораздо чаще. Можно предположить, что их удельный вес еще больше возрос. В поземельных грамотах XVI в. сообщается о многочисленных конкретных фактах отчуждения или раздела земли, в которых потомки крупных и средних вотчинников XV в. выступают в качестве землевладельцев, перешедших к семейной общности владения¹¹⁶. В таких случаях в документах прямо указывается, что "отчина их не была разделена"¹¹⁷.

Однако структура объединенных владельческих прав родственных групп землевладельцев не была постоянной. Отдельные родственные группы со временем разрастаясь, включали в себя несколько десятков владельцев¹¹⁸. Более крупные родственные объединения землевладельцев дробились, сегментировались, возникали новые группы поменьше, которые при определении своих владельческих прав в котаре села в дальнейшем могли вновь сегментироваться. Обычно подобные изменения структуры владельческих прав родственных групп оформлялись в господарской канцелярии, где выдавали особую подтверждающую грамоту. Так, в 1573 г. большая родственная группа (в составе 77 человек) потомков Балаша чашника, среднего землевладельца-вотчинника XV в., дробится на 15 мелких групп. Они делят село Холохорены на 8 долей. Следует отметить, что этот пример осколка средней вотчины XV в. отдельные историки приводили, характеризуя село свободных крестьян, сохранившихся с дофеодалных времен до XVI в., а затем закабаленных феодалами¹¹⁹.

Конечно, в силу хозяйственных потребностей котар села был главным объектом семейной общности. Внутри каждого села такое объединение владельческих прав принимало характер так называемого "долевого землевладения", т.е. в ходе перестройки структуры вместо владения селом одним феодалом над сельской общиной крестьян землепользователей в селе оказалось несколько собственников-долящиков. Внешне последнее принимало характерные черты долевого землевладения в свободных селах, которых в XVI в. было уже немного. Таким образом, масса мелких долевого владений, возникших в котаре села в ходе перестройки структуры землевладения, постепенно принимала внешние черты долевого землевладения свободных крестьян, общины которых в единичных случаях еще сохранились с раннефеодалных времен. Их долевого землевладению были присущи черты, характерные для домаркового периода землепользования, где ни один вид угодий не был реально вы-

делен, в сочетании с правом собственности малой индивидуальной семьи (в отличие даже от марки). Но это право могло существовать во всех видах земель лишь в идеальной доле, которой малая семья могла свободно распоряжаться — продавать, менять, дарить, завещать. Село при этом не дробилось и новый владелец идеальной доли занимал место продавца в общей генеалогии села¹²⁰.

Долевое землевладение, как омеценную картину разложения общины и общинной собственности, с теми или иными отличиями можно встретить у многих народов. На территории нашей страны исследователями было подробно описано долевое землевладение черносошных крестьян севера Руси, сябринной деревни на Украине и Белоруссии¹²¹. Долевое землевладение было также известно в Бургундии, Византии, Южной Италии и других странах, оно встречается и на азиатском континенте¹²².

К этой форме землевладения в результате отмеченной выше перестройки и переходит постепенно в ходе разорения часть дробных сел мелких вотчинников Молдавии. Их землепользование постепенно становится похожим на крестьянскую долевую общину. Со временем трудно отличить во всех конкретных случаях, в силу законности источников, разницу между мелкими землевладельцами — крестьянами и мелкими вотчинниками. Подобные процессы были характерны и для других стран Европы¹²³. Ф.Энгельс писал, что "Старое родовое дворянство, которое во время переселения народов или вскоре после него пришло в упадок, легко включилось в марку, как и все, что естественно возникало вместе с этим строем; так еще в ХУП столетии кельтское дворянство клана вошло в ирландскую земельную общину"¹²⁴.

Как и в других странах, в Молдавии на ранних этапах развития долевого землевладения права собственности малой семьи проявлялись чаще всего при отчуждении земли, которое совершалось исключительно в долевой форме. При смене владельцев новый собственник получал право не на определенный участок, а на соответствующую долю во всех угодьях села. Заняв место продавца в родословной села, чужак заявлял, что он приобрел "братство через покупку"¹²⁵.

Вопрос о долевого землевладения как одном из этапов общественных институтов, сохранившихся с раннефеодальных времен, неоднократно затрагивался в наших предыдущих исследованиях¹²⁶. Изучая эволюцию резешского долевого землевладения, мы меньше вни-

мания обращали на ту часть долевого землевладения, которая является не остатком с дофеодалных времен, а новообразованием XVI-XVII вв. Мы показали, что это новообразование охватило большую часть ревешских земель, но не изучили, как в результате перестройки структуры землевладения эти формы стали приближаться к долевым. Поэтому в данной статье нет смысла воспроизводить все этапы эволюции долевого землевладения. Остановимся на одном аспекте: каким образом эти новообразования прошли путь от мелкой вотчины в составе долевого землевладения к крестьянскому владению в составе долевого ревешской общины.

Родственные группы землевладельцев (как результат объединения владельческих прав после раздробления старовотчинной структуры) в составе долевого землевладения приобретали патронимические черты, весьма сходные с патронимией свободных сел¹²⁷. Совпадало и само их наименование — "батры" — понятие, которым обозначалась в начале родственная группа, а затем просто земля, ей некогда принадлежавшая¹²⁸.

Совпадение было настолько полным, что распространялось и на соответствующие термины, обозначавшие членов родственной группы — "дружины". В последней четверти XVI в., когда чужаки чаще проникали в состав этих групп, на смену понятия "дружины" приходит термин "ревеш"¹²⁹. Еще в предыдущих исследованиях мы обратили внимание на то, что термин "ревеш" во многом аналогичен термину "оябр" долевого деревни Северной Руси, Украины и Белоруссии и применялся для обозначения как дольщиков-крестьян, так и соучастников, совладельцев — дольщиков вообще¹³⁰.

Появление термина "ревеш" необходимо связать с распадом родственных патронимических групп, о чем свидетельствуют и правительственные реформы конца XVI — начала XVII в. В многочисленных грамотах того времени указывалось, что отныне будет участвовать в уплате штрафов не вся родственная группа, а только индивидуальная семья¹³¹.

Особое место среди тождественных черт долевого землевладения (в крестьянских селах, сохранившихся с дофеодалных времен и новообразованиях, возникших как результат объединения владельческих прав в ходе перестройки структуры) занимает право предпочтительного приобретения (так называемый протимиссо). Согласно этой норме обычного права, отчуждать долю земли в хотаре села чужакам можно было только тогда, если никто из остальных

владельцев не согласится ее приобрести. В условиях перестройки структуры землевладения протимиссис приобретает особое значение для сохранения единства хотара села от реального раздробления.

Родотвенные группы землевладельцев, объединившие свои владельческие права, активно защищали единство с помощью протимиссиса. Не одуременно, согласно источникам XVI—XVII вв., к праву протимиссиса допускались в последовательном порядке: а) родотвенники в неразде; б) затем родственники вообще; и, наконец в) все остальные владельцы земли в неразде, т.е. участники долевого землевладения в селе¹³². Членов одного батрына (родотвенной группы), находящихся в неразде, предпочитали тем, кто был в разделе¹³³. Если протимиссис нарушался, возникало право выкупа.

В современной литературе об этой системе прав упоминали только при характеристике пережитков, свойственных общине, сохранившейся с дофеодалных времен, т.е. как средстве защиты общинной собственности от наступления феодального землевладения. Такую интерпретацию давали сторонники концепции о происхождении всего ревешского долевого землевладения с дофеодалных времен¹³⁴.

В действительности право протимиссиса и выкупа было воспринято затем всей системой долевого землевладения, независимо от его происхождения, в том числе и родотвенными группами мелких вотчинников, разоряющимися родами в разделе.

Во второй половине XVI—XVII в. в товарно-денежные отношения все больше включались как крестьянское, так и мелковотчинное-господское производство в долевых селах. Эти изменения отразились в эволюции долевого землевладения: начался реальный раздел земли между батрынами. В едином долевым селе выделяются "оферы влияния", а во второй половине XVI в. этот процесс перерастает в частичный раздел между батрынами огределенных наиболее ценных земель. К концу рассматриваемого периода в некоторых случаях происходит полное обособление батрынов в хотаре села¹³⁵.

Разумеется, что этот этап занял длительный период времени, его окончательные итоги выходят за хронологические рамки данного исследования. Следует заметить, что развитие мелковотчинных образований в составе долевого землевладения не сразу при-

ведо к обособлению земельного комплекса каждой мелкой вотчины или даже каждой родственной группы батрына¹³⁶. Структурное единство многих земельных компонентов сельского хотара сохранялось еще очень долго во многих долевых селах не только в XVII в., но и в XVII—XVIII вв., а частично даже в XIX в. Вместе с тем рост количества мелковотчинных образований в результате сегментации родственных групп и увеличения самих мелковотчинных хозяйств в связи с их приспособлением к более развитым товарно-денежным отношениям вызывал необходимость обособления каждой мелкой вотчины в составе долевого землевладения. Это обособление начинает проявляться не только в выделении определенной доли в совокупном доходе с неразделенных крестьянских дворов, как это было раньше. Каждая мелкая вотчина стремилась (если это было возможно) выделить в неразделенном еще сельском хотаре те крестьянские дворы, которые (согласно размерам идеальной доли в селе) входили исключительно только в данное вотчинное образование и только ему приносили всю сеньориальную ренту. Наметился процесс обособления мелковотчинных ячеек долевого села в самостоятельные организации по приовоению ренты.

Если же господское хозяйство мелких вотчин в составе долевого села осуществлялось в виде индивидуального цикла, то раздел крестьянского оброка по долям сопровождался разделом на сферы влияния. В сферу влияния могла войти и соответствующая доля в баршине¹³⁷.

Таким образом, на этом этапе развития мелких вотчин в составе долевого землевладения еще не произошел индивидуальный раздел всех крестьянских дворов в хотаре села. Объединение владельческих прав мелких вотчинников при сохранении структурного единства хотара в селе (т.е. доленое владение землей) дополнялось объединением владельческих прав в отношении расположенных в едином хотаре села дворов зависимых крестьян (т.е. также своего рода долевым владением прав на ренту)¹³⁸.

Этот процесс начался с переходом к реальному разделу всей ватры села между мелкими вотчинами при сохранении структурного единства остального хотара¹³⁹. Каждый дольщик — мелкий вотчинник — получал определенную реальную часть вотчины (согласно своей идеальной доле, например $1/3$, $1/4$, $1/8$ и т.д.) с тем количеством крестьян, которые там находились. Иногда доля в ватре села обозначалась в источниках географически. Так, согласно

документу от 7 мая 1580 г. раздел ватры в одном из долевых сел привел к тому, что мелкая вотчина получила участок в ватре села от колодца до черешни¹⁴⁰. Разумеется, что сюда включались и крестьянские дворы, расположенные на данном участке ватры. Эти зависимые крестьяне полностью переходили в сферу сеньориальной эксплуатации только данного мелкого землевладельца. Ему полагались весь натуральный оброк и все отработочные повинности. (Раньше, как мы видели, они распределялись по долям из всей совокупной массы рентных платежей всего села)¹⁴¹.

Со временем центр тяжести в разделе переносится в некоторых долевых селах с географически выделенной части в ватре на крестьянские дома-дворы. В таком случае каждая мелкая вотчина владела определенным количеством крестьянских хозяйств. Иногда проходил раздел на основе системы землепользования этих крестьянских дворов¹⁴², и в грамоте указывалось, сколько жребиев в сельской общине зависимых крестьян приходится на ту или иную мелкую вотчину¹⁴³. Владельцы других долей в селе не имели права вмешиваться в систему присвоения ренты с этого двора¹⁴⁴.

Несомненно, что все виды разделов по крестьянским дворам в ватре сохранили структурное единство хотара села для крестьянского землепользования по обычной модели. По этой модели продолжали пользоваться землей и сами мелкие землевладельцы¹⁴⁵.

Но эта стадия в развитии долевого села (состоящего из мелко-вотчинных новообразований) была последней, когда еще сохранялась обычная модель землепользования и соответствующая ей система соотношения господского и крестьянского производства (как двух противоположных по социальной природе и по своим экономическим масштабам мелких хозяйств). Эта стадия была последней в долевым селе, когда сохранялось единство основных структурных единиц хотара.

Уже в конце XVI в., и тем более в XVII-XVIII вв., встречаем (причем, чем дальше, тем чаще) поземельные грамоты, свидетельствующие о той или иной степени раздробленности хотара в долевых селах на отмежеванные части. В таком случае идеальные доли превращались полностью или частично в отмежеванные участки земли разного назначения в одном хотаре. Появляются упоминания о столбах, боурах и других земельных пограничных знаках внутри хотара сельской общины и нередко о спорах в связи с этим¹⁴⁶.

Начинался, таким образом, постепенный раздел хотара села между землевладельцами, т.е. мелкими вотчинниками. Это нарушало общее структурное единство, на котором базировалась обычная модель землепользования. Вызывался раздел разными причинами. Село дробилось на неравные доли. Со временем эта разница возрастала. Владельцы крупных долей стремились выделить свои части, чтобы получать более значительный доход и даже облагать рентой своих соседей, если они пользовались землей больше своей доли¹⁴⁷.

Но главная причина кроется в том, что типичные мелковотчинные новообразования в составе долевого землевладения не могли долго существовать на основании довольно ограниченной сферы присвоения натуральной ренты с весьма небольшого числа крестьянских дворов. Количество таких мелких и мельчайших новообразований в некоторых долевым селах становилось столь велико, что иногда приближалось к числу имеющихся в таком селе крестьянских дворов¹⁴⁸.

Существовать только на основе натуральной ренты в виде десятины от нескольких крестьянских дворов такой мелкий вотчинник не мог, иначе сам медленно шел бы в сторону "окрестьянивания"¹⁴⁹. К тому же с конца XVI в. подати, которые несли мелковотчинные образования, начали настолько возрастать, что это нередко кончалось катастрофически для их существования. Поскольку значительно интенсифицировать в условиях турецкого ига сенсориальную натуральную ренту было невозможно, то каждая мелкая вотчина старалась максимально развить собственное сельскохозяйственное производство, во-первых, в чисто потребительских целях, а во-вторых, для того, чтобы выдержать постоянно растущее налоговое обложение.

Резеши переходили к личной обработке своих земель, тем более, что зависимое население часто уходило с вотчин мелких землевладельцев. Они не могли противостоять бесконечным государственным поборам, приводящим к разорению крестьянских хозяйств. Так, в преамбуле уложения М.Барновского 1628 г. указывалось, что государю "пожаловались епископы и игумены со всех монастырей, мазилы и дети боярские из сел, и бедные вдовы панские и слуги господарские, войники предные, так говоря, что их села опустели и вечины разбежались по слобозиям и селам боярским и остались они только со селештjami" (т.е. пустыми селами)¹⁵⁰.

Этот процесс длился и на протяжении ХУШ в. В 1788 г. группа землевладельцев, не имевших государственных должностей, жаловалась русскому командованию, что "по причине великих налогов" крестьяне уходят из сел, "где нет бояр, чтобы их защищать". Поэтому "принуждены обыватели переходить в их села (т.е. бояр. - Д.Д., П.С.), в которых меньше налоги"¹⁵¹.

Даже в тех резешских селах, где оставалась определенная часть феодально-зависимых крестьян, часто на одного крестьянина приходилось несколько владельцев-полукрестьян. Так как незначительная рента не удовлетворяла резешей¹⁵², необходимо было наряду с крестьянами самим обрабатывать землю. С переходом резешей к непосредственной обработке земли в их взаимоотношениях появляется в пределах хотара долевого села все больше черт, характерных для общинного самоуправления, связанных главным образом с организацией производства в условиях переломной системы земледелия и развитого животноводства.

Переход отдельных резешей из состава привилегированных условий в разряд бирников (крестьян-налогоплательщиков) способствовал включению их в общую "числу" со всеми остальными крестьянами-тяглецами села. В переписях населения 1772-1774 гг. бирники-резешы не выделяются из состава бирников феодально-зависимых крестьян резешских сел. Выделялись лишь резешы, выполняющие какую-либо государственную службу¹⁵³. Таким образом, бирники-резешы входили в круговую поруку со всеми тяглецами села при мирской раскладке государственных податей.

Сохранение традиционной системы землепользования и включение в нее части резешей, как непосредственных производителей, несомненно, требовало координации действий всех жителей села, т.е. производственно-экономические функции оельского самоуправления как у резешей, так и у зависимых крестьян имели в этом отношении одинаковые цели.

Таким образом, как резешы, так и немногочисленные уже в селе феодально-зависимые крестьяне все чаще включались в оельском хотаре в единую систему землепользования. На этом этапе эволюции долевого землевладения реальная картина землепользования резешского села напоминала то положение, которое существовало в общине-марке в связи с необходимостью регулирования использования пастбищ, лесных, водных и других угодий, имевших первостепенное значение для весьма развитого в стране животно-

водства. Отчуждение же резешоких долей — явление, не свойственное территориальной общине, — разрушило марковые порядки в землепользовании резешского села.

В XVIII в. часто происходил полный раздел хотара села между отдельными семьями, что приводило к разрушению общинных порядков в землепользовании резешокого села. Это явление зародилось как результат завершения процесса раздела внутри батринов пашен и бенокосов между резешами. В первую очередь раздел угодий хотара происходил в тех селах, куда проникал извне крупный или средний землевладелец. Так, подобные разделы произошли в 1710 г. в с. Романешты, где весь хотар был измерен в саженях и разделен между проникшим феодалом (Василе Урикар) и другими резешами; в 1719 г. в с. Рохотешты, где весь хотар измерен и делится при помощи веревки, и т.д.¹⁵⁴

Ко второй половине XVIII в. в большинстве резешских сел при непосредственной обработке резешокой земли наблюдается переход от землепользования по принципу "каждый сколько сможет" к землепользованию в более строгом соответствии с идеальной долей. В результате редкие переделы (т.е. вторичные или последующие разделы) хотара села, наблюдавшиеся еще в конце XVI—XVII вв.¹⁵⁵, начинают превращаться в следующем столетии в массовое явление. Цель переделов в документах лаконично определяется следующим выражением: "чтобы каждый знал, чем владеет"¹⁵⁶. Если устанавливалось, что кто-либо продал больше, чем ему полагается по генеалогии села, то его заставляли платить десятину с обрабатываемых им земель¹⁵⁷.

Конечно, распад резешокого землевладения и уход резешей из сел, где они были записаны в податные переписи, в связи с их разорением не отвечали интересам казны. Стремясь приостановить процесс распада долевого землевладения, господарь А. Маврокордат издал 28 декабря 1785 г. специальный закон о резешах, так называемую "Соборную грамоту"¹⁵⁸. В новом законе запрещалось проводить впредь сделки по продаже земли под видом дарения. Указывалось, что эти "дарения" являлись скрытыми продажами, совершенными с целью проникновения посторонних лиц в резешские села. Был установлен шестимесячный срок для выкупа родственниками и сорезешами участка, подлежащего продаже. Если последние в течение этого срока не изъявили желание его приобрести, то только тогда постороннее лицо могло купить землю. Грамота предус-

матривала обязательное отмежевание отчуждаемого участка земли¹⁵⁹.

В XIX – начале XX в. наступает завершающий этап в распаде резвешского землевладения. На протяжении этого периода процесс полного раздела котара села между индивидуальными семьями охватывает постепенно одно село за другим¹⁶⁰, что приводит к окончательному исчезновению в них остатков существовавшего на протяжении веков разрыва между правом владения идеальной долей и фактическим землепользованием. Селения, которые вступили в завершающий этап распада долевого землевладения (были и такие села, которые достигли его лишь в XX в.), переходят к реальному подворному владению отдельной семьи во всех без исключения землях. Тем самым здесь ликвидируется основная часть остатков марковских порядков в землепользовании.

Ж Ж
Ж

В итоге рассмотрения эволюции общинных институтов в Молдавии выявляется возможность определения основных этапов развития и разложения общины в период феодализма. Распространение древневолошских общинных институтов на территории Карпато-Днестровских земель в ходе волошского заселения в течение XII-XIV вв. привело к сложным процессам их синтеза с общинными институтами восточных славян (общинной на древнерусском праве), в результате чего формируется молдавская средневековая крестьянская община. В ходе процесса ее социального разложения в период генезиса феодализма в Молдавии формируется молдавское феодальное классовое общество и феодальное государство.

Процесс экспроприации общинной собственности феодализирующей знатью волошской, а затем молдавской общины, начавшийся еще до образования Молдавского самостоятельного государства в середине XIV в., усиливается с созданием феодальной государственности. В результате ко второй половине XV в. завершается захват земель свободной общины и она превращается, как правило, в феодально-зависимую общину "под господской опекой".

В исторической литературе функции феодально-зависимой крестьянской общины обычно выводились по аналогии с другими странами Восточной Европы. Учет характера землепользования и аграрного производства в средневековой Молдавии, основанного

на животноводческо-земледельческой циклической системе, позволил в настоящей статье выявить своеобразные функции общины в Молдавии.

Картина истории крестьянской общины в Молдавии, естественно, была бы иной, если бы подтвердилось мнение сторонников "концепции непрерывности", исходящее из предпосылки о незавершенности процесса феодализации и сохранении в массовом масштабе свободных крестьянских общин с раннефеодалных времен до XIX в. (в виде резешского землевладения). В связи с этим в статье особо рассматриваются характер и происхождение этого землевладения. Показывая неостоятельность "концепции непрерывности", авторы вместе с тем отвергают и старую буржуазную теорию (А. Защук, С. Надеждин, Р. Росетти, С. Радовичи, И. Филитти и др.) о разорении старых родов землевладельцев в XVI в. и их непосредственном превращении в крестьян. В статье дается марксистская интерпретация процесса перестройки структуры землевладения, обусловленного развитием феодализма вглубь, а затем и типологических одвигов внутри формации, вызванных установлением в княжестве тяжелого османского ига.

В связи с этим четко выделяются два периода процесса формирования резешского землевладения. Первый (с конца XV и в течение XVI в.) — раздробление старовотчинной структуры и огромный рост мелкозотчинного землевладения, расширившего земельную базу для мелкого военно-служилого сословия, и второй (конец XVI — XVIII в.) — разорение мелкозотчинных образований. Последний процесс был результатом турецкого владычества, приведшего к массовому разорению мелких военно-служилых сословий. Происходило постепенное "окрестьянивание" разорившихся мелких землевладельцев, их переход на владение долевого характера и, наконец, распространение резешской общины, как "новообразования", являвшегося сколком с остатков (в основном в некоторых горных и холмистых лесных районах Молдавии) свободной крестьянской общины с раннефеодалных времен. Уже для периода второй половины XIX в. В. И. Ленин называет резешей среди разрядов крестьян России, "исторически сложившихся в течение долгих веков"¹⁶¹.

П р и м е ч а н и я

¹ Подробнее об этих стадиях см.: Н е у с и х и н А. Возникновение зависимости крестьянина в Западной Европе VI—VII вв. М., 1956, с. 7—44.

² Советов П.В. Проблема долевого землевладения в Европе (УП Международный конгресс антропологических и этнографических наук). М., 1964, с.1-12.

³ Анализ этой литературы см. подробнее: Советов П.В. Исследования по истории феодализма в Молдавии, т.1. Кишинев, 1972, с.61-53 (далее: Исследования...).

⁴ Феодальные отношения в Молдавии в период XIV-XV вв. Кишинев, 1950; Грекул Ф.А. Аграрные отношения в Молдавии в XVI - первой половине XVII вв. Кишинев, 1961, с.130-141; История Молдавии, т.1. Кишинев, 1951, с.101; 177-180; Шлаен И.М. Феодальное землевладение в Молдавии в первой половине XVII в. - "Учен. зап. Кишинев. пед. ин-та", т. VI, 1957, с.37-38.

⁵ Попытки Ф.А. Грекула в советской и П.П. Панаитеску в румынской историографиях документально обосновать эту точку зрения в специальных монографиях не увенчались успехом. Они так и не смогли привести убедительные данные о массовом захвате феодалами на протяжении XVI-XVII вв. крестьянских общинных земель, сохранивших собственность с дофеодальных времен (Грекул Ф.А. Указ. соч. с.141-184; Panaiteacu P.P. Obştea ţărănească în Ţara Românească şi Moldova. Вис., 1964, p.235-266). Чтобы доказать свою точку зрения, Ф.А. Грекул стал выдавать за освободных крестьян господаревых слуг и прочих мелких вотчинников, представителей господствующего класса, часто внуков и правнуков крупных и средних феодалов, умалчивая об этом при цитировании документов (Грекул Ф.А. Аграрные отношения..., с.141-184), искажая переводы на русский язык молдавских актов (там же, с.135, 136, 137), а иногда даже выдавая валашские социальные категории населения за молдавские (Грекул Ф.А. Социально-экономический и политический строй Молдавии второй половины XV века. Кишинев, 1950, с.82). Последний аспект был подвергнут обстоятельной критике в специальной рецензии Н.А. Мохова. ("Учен. зап. Кишинев. гос. ун-та, т. VI, 1953, с.143-149).

⁶ Constantinescu R. Recenzie la: StăhăliuŃ. Controverse de istorie socială românească. - "Revue roumaine d'histoire", 1970, N 3, p.549.

⁷ Драгнев Д.М., Советов П.В. О резешском землевладении в Молдавии XVI - середины XVII вв. - "Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1962 год". Минск, 1964; Гросул Я.С., Драгнев Д.М., Советов П.В. Основные этапы развития и разложения резешского землевладения в Молдавии. - "Учен. зап. Кишинев. гос. ун-та", т. 79, 1965, с.162-183; Драгнев Д.М., Советов П.В. Перестройка структуры землевладения в Молдавии XV-XVII вв. - "История СССР". М., 1968.

⁸ Более подробно историографию этих концепций см. Советов П.В. Исследования..., т.1, с.20-73.

⁹ История Молдавской ССР, т.1, изд.2. Кишинев, 1965, с.98-100, 185-186, 190-193, 295-296, 326-327, 406-407.

¹⁰ Мохов Н.А. Молдавия эпохи феодализма. Кишинев, 1964, с.257.

¹¹ Обзор современной зарубежной исторической и этнографической литературы по этому вопросу см. Советов П.В. Исследования..., с.33-48.

¹² Donat I. Geografia sa mijloc de cunoaştere în istorie. - "Studii", 1967, N 6, p.1158.

- 13 Советов П.В. Исследования..., с.43-48.
- 14 Мохов Н.А. Указ. соч., с.103-104.
- 15 См. об этом для Галицкого Прикарпатья Греков Б.Д. Крестьяне на Руси, кн. I. М., 1952.
- 16 Молдаване. Очерки истории, этнографии, искусствоведения. Кишинев, 1977, с.22.
- 17 Kadlec K. Valaši a valašské právo v zemiach slovenských a uherských. Praha, 1916, s.302-314.
- 18 Mototolevsi D. Jus Valachicum in Polonia. Buc., 1916, p.11.
- 19 Греков Б.Д. Крестьяне на Руси, кн. I. М., 1952, с.293.
- 20 Stadnicki A. O wsiach tak zwanych wołoskich. Lwow, 1848. - "Archiva historica", vol. IV, p.3-4.
- 21 Мохов Н.А. Указ. соч., с.108.
- 22 Линниченко З.И. Черты из истории сословий Юго-Западной (Галицкой) Руси XIV-XV вв. М., 1894, с.131; Дракостхруст Е. Галицкое Прикарпатья XVI века и движение опришков. - "Вопросы истории", 1948, № I, с.48-50.
- 23 Греков Б.Д. Указ. соч., с.293.
- 24 Szaski T. O litewskich i polskich prawach, 1840, t. I, v. 29, 213, 277.
- 25 Bogdan I. Despre snejii români. - "Analele Academiei Române", seria II, vol. XXVI. Buc., 1903, p.20-21; Arión D. Snejii români, Buc., 1938, p.63-64.
- 26 Mototolevsi D. Op.cit., p.83.
- 27 Греков Б.Д. Указ. соч., с.290-294.
- 28 Stadnicki A. Op.cit., p.21.
- 29 Там же, с.33.
- 30 Там же, с.35.
- 31 Там же, с.37.
- 32 Там же, с.85-86; Инкин В.Ф. Надобшинные институты сельского населения Прикарпатья XVI-XVII вв. - "Тезисы докладов и сообщений XII сессии Межреспубликанского симпозиума по аграрной истории Восточной Европы". М., 1970, с.20-23.
- 33 Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т.23, с.249.
- 34 Zimmerman - Werner - Müller. Urkundenbuch zur Geschichte der Deutschen in Siebenbürgen, v.1, p.455-456.
- 35 Кантемир Д. Описание Молдавии. Кишинев, 1973, с.151-153.
- 36 Iorga N. Documente românești din Arhiva Bistriței. Buc., 1889; Stefanelli T.V. Documente din vechiul ocol al Cîmpulungului moldovenesc. Buc., 1915.
- 37 Энгельс Ф. Марка. М., 1935, с.8.
- 38 Stahl H.H. Contribuții la studiul satelor devălmașe românești, vol. I. Buc., 1968, p.143-177.
- 39 Sava A.V. Documente putnene, vol. II. Chișinău, 1931, p.16-17.

- 40 Там же, с.7.
- 41 Советов П.В. Проблема долевого землевладения в Европе, с.6-8.
- 42 Энгельс Ф. Марка, с.4.
- 43 Стаhl Н.Н. Op. cit., vol.1, p.156.
- 44 Бавва А.В. Op. cit., vol.I, p.9.
- 45 Стаhl Н.Н. Op. cit., vol.I, p.170-171.
- 46 Бавва А.В. Op. cit., vol.I, p.VII-XIX.
- 47 Мохов Н.А. Указ. соч., с.88-II9; Молдаване, с.23-29.
- 48 Советов П.В. Исследования..., с.84-87.
- 49 Documenta Romaniaae Historica. A. Moldova, vol.I. Buc., 1975, p.3.
- 50 Марко К. и Энгельс Ф. Соч., т.19, с.338.
- 51 Бырня П.П. Сельские поселения Молдавии XV-XVII вв. Кишинев, 1969, с.59.
- 52 Для межевания господарская канцелярия еще с XV в. выделяла специальных "хотарников" из представителей служилого боярства или других феодалов, которые совместно с соседними землевладельцами ("межишами"), "людьми добрыми и старыми" обходили по периметру весь хотар. Они отмечали в грамотах и устанавливали межевые знаки, естественные (деревья, берега рек, поляны, колодези, дороги, опушки леса, долины, вершины холмов и т.д.) или искусственные (каменные или деревянные рвы, камни со знаком "боур" и т.д.). При межевании был распространен обычай "ку бразда ня кап" (дословно "с борозды на голову"), т.е. межевщики в знак присяги посылали голову пашней и затем обходили хотар. Обычай был известен и окружающим славянским народам (Mottolevescu D. Jurământul cu brazda în cap. - "Revista pentru istorie, arheologie și filologie", XVI, 1922, p.207).
- 53 Documenta Romaniaae Historica. A. Moldova, p.76.
- 54 В литературе это понятие часто называют "вотчинной структурой". Однако оно более широкое и поэтому мы предпочитаем пользоваться термином "вотчинная ткань", охватывающим соотношение структуры вотчины и села (сельской общины). См.: Косминский И. Е.А. Исследования по аграрной истории Англии XIII в. М.-Л., 1947, с.23, 31, 94, 121-124; Барг М. А. Исследования по истории английского феодализма XI-XIII вв. М., 1962, с.38-39, 46-54.
- 55 История народного хозяйства Молдавской ССР (с древнейших времен до 1812 г.). Кишинев, 1976, с.222-250.
- 56 Грекул Ф.А. Аграрные отношения..., с.84; Olteanu St. Incercari experimentale de acclimatament cerialier în Moldova în a doua jumătate a secolului al XVII-lea. - Terra nostra, vol.II. Buc., 1971, p.72-75.
- 57 Подробнее о циклической системе землепользования в феодальной Молдавии см: История народного хозяйства Молдавской ССР (с древнейших времен до 1812 г.), с.147-160.
- 58 Бырня П.П. Указ. соч., с.106-108.

69 Documente..., veac.XIV-IV, vol.I, p.138; veac.XVI, vol.1, p.5, 10, 14, 68, 394.

60 К о с о в е н М.О. Этнография и история Кавказа. М., 1961, с.26.

61 С о д р ж е с и Т. Uricarul, vol.X, p.179-180.

62 При трехполье сразу же после уборки урожая скота на царину, пускался скот на несколько месяцев. Если убирались озимые хлеба, это происходило очень рано, в июле. Затем, эта земля в следующем году (или даже осенью при озими) переходила в следующую стадию (ярь - озимь - пар). При циклической системе в Молдавии царина превращалась в толоку лишь в конце года и не на несколько месяцев, как при трехполье (в крайнем случае не больше года при зеленом паре), а на несколько лет. Поэтому в Молдавии сложился обычай, по которому в царину скот не мог заходить до конца октября. Отрекая такой обычай землепользования, господарь А.Кантемир в своей грамоте от 4 июля 1706 г. указывает, что нужно "запрещать пастись скот от Святого Георгия до Святого Дмитрия, так как это место для царины и для сена" (Documente privind relatiile agrare în veacul al XVIII-lea, vol.II, Moldova, Buc., 1966, p.II6. В дальнейшем - DPRAM.) Запрещенке заходить скоту до дня Святого Дмитрия (26 октября) в царину встречается и в других документах эпохи (Ibidem, p.507). Толока могла превращаться в царину после Святого Георгия (23 апреля), когда скот сюда больше не должен был заходить. Значит сеялись, как правило, яровые хлеба вплоть до начала XV в., стадия царины могла прекращаться лишь в конце октября, когда скот уже шел в ноябре - марте на зимовку.

63 При трехпольной системе земледелия открытые поля нередко служили единственной возможностью содержать скот, если не было в достатке естественных пастбищ и сенокосов. А луга и пастбища при трехпольной системе земледелия имели (как мы видели выше) постоянную тенденцию к сокращению.

64 Б л о к М. Характерные черты французской аграрной истории. М., 1957, с.69.

65 Documente, veac. XVII, vol.III, p.16, 18, 36, 81, 89, 113, 209; vol.IV, p.16, 60, 127, 424, 433; vol.V, p.49, p.92, 319.

66 Поэтому сельские общины владельческих сел выступают в молдавских грамотах XVI-XVII вв. преимущественно тогда, когда их интересы по сохранению единства хотара нарушаются соседними селами или соседними землевладельцами. Так, например, из судной грамоты от 8 августа 1614 г. явствует, что все крепостные крестьяне (вотчины) села Шендричаны (т.е. всей сельской общиной) возбуждают иск о нарушении межи хотара соседним землевладельцем (Documente, veac. XVII, vol.III, p.174). См. также более поздний случай в XVII в. (DPRAM, v.II, p.417).

67 В этом смысле П.Панаитеску отмечал то, что в селе был один общий пастух для стада, если скот не пасся самостоятельно. Последнее также прослеживается в источниках. (P a n a i t e s c u P. R. Obstea țărăneasă, p.87).

68 См.: подробнее: Драгнев Д.М. и С о в е - т о в П.В. О резешском землевладении в Молдавии, с.260. В источниках XVI-XVII вв. при таком выделении обычно указывается,

в какой части села находятся земли (верхняя, нижняя, средняя, восточная и т.д.). - Documente, veac. XVII, vol. III, p. 16, 18, 36, 81, 89, 113, 209; vol. IV, p. 16, 60, 127, 424, 433; vol. V, p. 49, 92, 319.

69 Позднее этот обычай был воспроизведен в изданном господарем М. Сулу предписании о пашенных землях. В нем предусматривалось расположить парину и сенокос с одной стороны села, а пастбище - с другой, о том чтобы в соседних селах пастбище граничило с пастбищем, а парина и сенокос соответственно с париной и сенокосом. (DPRAM, vol. II, p. 603-604).

70 Молдавия в эпоху феодализма, т. I, с. I; Bogdan I. Documentele lui Ștefan cel Mare, vol. II. Buc., 1913, p. 354-357.

71 Б р н я П. П. Указ. соч., с. 63.

72 Documente..., veac. XVII, vol. III, p. 94.

73 M i h o r d e a V. Relațiile agrare din secolul al XVIII-lea în Moldova. Buc., 1968, p. 72-79.

74 М о х о в Н. А. Указ. соч., с. III.

75 Documente..., veac. XVII, vol. II, p. 326-327.

76 См.: подробнее: С о в е т о в П. В. К вопросу о правильном освещении понятия "третья" в имунитетных грамотах Молдавии XV. - "Известия МФ АН СССР", № 5 (83). Кишинев, 1961, с. 3-17.

77 P a n a i t e s c u P. P. Obștea țărănească..., p. 215-224.

78 Documenta Romaniae Historica. A. Moldova, veac. XV, vol. II. Buc., 1976, p. 296-297.

79 М о х о в Н. А. Указ. соч., с. 228. P a n a i t e s c u P. P. Dreptul de strămutare al țăranilor, SMIM, vol. I. Buc., 1956, p. 70-80.

80 R o s e t t i R. Cronica Bohotinului, p. 158; Documente, XV, vol. II, p. 136-137.

81 С о в е т о в П. В. Бранищное хозяйство и землепользование молдавской вотчины в средние века. - В кн.: Вопросы экономической истории Молдавии эпохи феодализма и капитализма. Кишинев, 1972, с. 39-89.

82 Там же, с. 65-66.

83 Вот почему нельзя применять мнение П. Панайтеску о генезисе бранич как земель, резервированных вначале для знатной верхушки волошской общины (P a n a i t e s c u P. P. Obștea țărănească..., p. 137-139).

84 История народного хозяйства Молдавской ССР (с древнейших времен до 1812 г.), с. 158-159.

85 Documente, veac. XVI, vol. IV, p. 180; veac. XVII, vol. I, p. 16. 248.

86 Uricarul, v. XX, p. 89-91.

87 О характерных особенностях экономического упадка см. подробнее: История народного хозяйства Молдавской ССР (с древнейших времен до 1812 г.) с. 268-273.

88 Aste și legiuiri, vol. I. Buc., 1907, p. 22.

89 Д р а г н е в Д. М. Динамика численности народонаселения и некоторые миграционные процессы в Карпато-Дунайских землях XIII вв. - Юго-Восточная Европа в средние века. Кишинев, 1972.

- 90 I o r g a N. Studii și documente, vol.VI, p.426.
- 91 DPRAM, vol.II, p.122, 156, 202.
- 92 I o r g a N. Op. cit, p.217.
- 93 Acte și legiuiri, vol.I, p.22.
- 94 DPRAM, vol.II, p.555, 556, 557.
- 95 Ibidem, p.595.
- 96 Uricarul, vol.II, p.126.
- 97 Acte și legiuiri, vol.I, p.50-58.
- 98 Ibidem.
- 99 DPRAM, vol.II, p.602-604.
- 100 Там же.
- 101 Об этих сдвигах см. подробнее: Г р о с у л Я.С., С о в е т о в П.В. Типологические пути позднего феодализма и переходного к капитализму периода в Дунайских княжествах. — Юго-Восточная Европа в эпоху феодализма. Кишинев, 1973, с.126-140.
- 102 См.: подробнее: Молдавене, с.33-35.
- 103 Драгнев Д.М. и Советов П.В. Перестройка структуры землевладения в Молдавии XV-XVIII вв. — "История СССР", № 1, 1968, с.75-76.
- 104 Советов П.В. Исследования.... с.252-255.
- 105 Там же, с.490-493.
- 106 Там же, с.252-256.
- 107 Там же, с.490-493.
- 108 Fooseneanu I., Diaconu G. Bazele puterii militare a lui Ștefan cel Mare. — Studii cu privire la Ștefan cel Mare. Buc., 1956, p.115; Oțșrina B.T. Cercetări cu privire la baza socială a lui Ștefan cel Mare. Ibidem, p.108.
- 109 См. выше о двух концепциях развития общины в Молдавии.
- 110 Гросул Я.С., Мохов Н.А., Советов П.В. Особенности перехода от феодализма к капитализму на Юго-Востоке Европы. — "Вопросы истории", № 11, 1965; Советов П.В. Типологические аспекты молдавского феодализма. — Карпато-Дунайские земли в средние века. Кишинев, 1975, с.125-136.
- 111 Советов П.В. Исследования.... с.456-486.
- 112 Об этом свидетельствуют материалы переписей 1772-1774 гг. (Молдова ны эпоха феудализмулуй, вол.УП, парт.1,2.Кишинев,1975) и переписи 1803 г. (Uricarul, vol. VII, XIII).
- 113 Абрамсон М.Л. Вотчина в Южной Италии IX-X вв. — Византийские очерки. М., 1961, с.155-156, 171; Карасо М.Б. С хозяйстве толедской деревни. — "Средние века", вып. XII. М., 1955, с.48-49, 51; История Югославии, т.1. М., 1963, с.147.
- 114 О сярбиничестве и складничестве на Русском Севере см.: Данилов Л.В. Очерки по истории землевладения и хозяйства в Новгородской земле в XIV-XV вв. М., 1955, с.266-267; Перельман И. Новгородская деревня в XIV-XV вв. — Исторические записки, 1948, № 2, с.147-149.

- I15 S t a h l H. Op. cit., vol.III. Buc., 1965, p.162.
- I16 Documente, veac.XVI, vol.II, p.76, 84, 86-87, 118, 119; vol. III, p. 13, 22-23, 25, 26, 31, 51, 157, 218, 288, 352; vol. IV, p.15, 116.
- I17 Documente, veac. XVI, vol.III, p.193, 228.
- I18 Молдавия в эпоху феодализма, т.1. Кишинев, 1961, с.84-86, 100-101, 128-134, 258, 179-280, 359-362; Documente..., veac. XVI, vol. III, p.25, 28, 63.
- I19 Г р е к у л Ф.А. Аграрные отношения в Молдавии, с.311-312.
- I20 С о в е т о в П.В. Проблема долевого землевладения в Европе (Уч Международный конгресс антропологических и этнографических наук). М., 1964, с.3.
- I21 См. подробнее: Д р а г н е в Д.М., С о в е т о в П.В. О резешском землевладении в Молдавии XV - середины XVIII вв. - "Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1962." Минск, 1964, с.254-264. О сложном пути общины в классовом обществе, ее распространении на группы населения, ее ранее не охваченных, а также о характере долевого землевладения см.: А л а е в Д.Б. Проблема сельской общины в классовых обществах. - "Вопросы истории", 1977, № 2, с.98-110.
- I22 Г р о с у л Я.С., Д р а г н е в Д.М., С о в е т о в П.В. Указ. ооч., с.170.
- I23 Там же.
- I24 Э н г е л ь с Ф. Марка, с.II.
- I25 Молдавия в эпоху феодализма, т.1, с.18.
- I26 С о в е т о в П.В. Проблема долевого землевладения в Европе; Д р а г н е в Д.М., С о в е т о в П.В. О резешском землевладении в Молдавии XV - сер. XVIII вв., с.254-264; Г р о с у л Я.С., Д р а г н е в Д.М., С о в е т о в П.В. Основные этапы развития и разложения резешского землевладения в Молдавии, с.164-183.
- I27 О патронимиях в Молдавии см.: Д р а г н е в Д.М. и С о в е т о в П.В. О резешском землевладении в Молдавии XV - сер. XVIII вв., с.255-266; Б н р н я П.П. Сельские поселения в Молдавии XV-XVII вв. Кишинев, 1968.
- I28 Г р о с у л Я.С., Д р а г н е в Д.М., С о в е т о в П.В. Указ. ооч., с.168-172.
- I29 Если при первом упоминании термина "резеш" в грамотах (1584 г.) трудно установить основную принадлежность, то в следующих двух документах (1585 г.), где речь идет о резешах, прямо говорится, что резеша - это члены родственной группы феодальных землевладельцев. Причем, в этих двух грамотах (обе от 19 сентября 1585 г.) родственная группа пана Каское в одном месте названа сыновья Каское и "дружина их", то же самое "Андрейка и дружина" и "Андрейка и резеша его" (Documente..., veac. XVI, vol. VI, p.291-292). В литературе (Ф.А. Грекул) распространено мнение о том, что термин "резеш" в конце пришел на смену равноценному термину "содыш". В действительности термин "содыш" всегда означал совершенно другое понятие - участник свода. См. подробнее: С о в е т о в П.В. О наименовании

крестьян мелких землевладельцев в Молдавии ХУ - сер. ХУІ вв. (кто такие содыши?) - "Известия Академии наук МССР," 1964, № 8, с.3-10.

I30 Драгнев Д.М., Советов П.В. О резешоком землевладении в Молдавии ХУІ - сер. ХУІІІ вв., с.256.

I31 Documente..., veac.XVI, vol.III, p.386, 612.

I32 Georgescu. Preemțiunea în istoria dreptului. Buc., 1965, p.73.

I33 Ibidem, p.74.

I34 Rapaitea cu P. Obstea țărăneasă..., / p.I42-

I44; Грекул Ф.А. Аграрные отношения в Молдавии, с.139-140, 333.

I35 Гросул Я.С., Драгнев Д.М., Советов П.В. Основные этапы развития и разложения резешокого землевладения в Молдавии, с.171-172. Такой раздел, например, имел место в с.Орзешты. Из грамоты 10 июня 1652 г. видно, что весь хотар был разделен между батрынами с установкой внутри хотара межевых знаков. (Arhivele Statului București - в дальнейшем ASB, Episcopia Roman. IV/18).

I36 Здесь нужно заметить, что не всегда каждая из индивидуальных семей, входящих в родственную группу, сразу заводила свое самостоятельное хозяйство. По-видимому, иногда оно могло быть общим для всей доли родственной группы. Источники ХУІ - начала ХУІІ в. об этом, к сожалению, не дают никаких подробностей.

I37 DPRAM, vol.II, p.104-105.

I38 Такое объединение имело, например, место в с.Бодкешты. Как явствует из грамоты от 12 июля 1646 г., селом владели две родственные группы, без раздела между собой не только хотара, но и вотины. Каждая мелкая вотица получала овою долю rents со всех крестьян. (Academia RSR, DXLIX/3). В селах Ионянешь и Сербонешть до 40-х гг. ХУІІ в. раздел не был произведен ни в хотаре, ни среди вечин-крестьян. Впервые, как видно из грамоты от 20 июня 1647 г., в этом году три родственные группы делят крестьян, которыми раньше владели совместно (Acad. RSR, II/12). Господарская грамота В.Лулу от 17 января 1650 г. отмечает, что в с.Албешть мелкие вотчинники Зубви и Балше совместно владели вечиными, но между их детьми в 1650 г. возникли споры. (Acad. RSR, CXXXVII/226).

I39 Таким образом был произведен раздел в одном из долевых сел в 1588 г. Но как указано в грамоте, "только в оеле (т.е. в ватре. - Д.Д., П.С.), а в поле, чтобы пахали как им придется, а в лесу, где, кто сделает куратуру (подсеку) овою". (Documente, veac. XVI, vol. II, p.104; Ibidem, veac. XVI, vol. II, p.287; veac. XVI, vol. II, p.258; veac. XVII, vol. V, p.352). Сл. такой же раздел ватры с распределением вечин, согласно доли каждого владельца, который произошел в ХУІІ в. в с.Зорилень. (I o r - g a N. Studii și documente, vol. VI, p.24). Упоминание такого рода содержится также в грамоте от 24 апреля 1625 г., "В Хрицке мы разделили на три части ватру села и поставили столбы между их частями. И вечин пусть держат по столбу, который пришелся" (Documente, veac. XVII, vol. V, p.337-338). В остальной части хотара с.Хрицка столбов не было.

140 Documente, veac. XVI, vol. III, p. 143. Но уже в ХУП в. доля в ватре могла измеряться в определенной мере — отыжженах (см. грамоту от 31 июля 1635 г. Acad. RSR, Fil. Iași, Fond. Spiridonie, XXX/10).

141 В документе от 26 мая 1580 г., например, идет речь о том, что один из землевладельцев имел в долевом селе при разделе 12 домов крестьян (Documente, veac. XVI, vol. III, p. 139). В одном документе 1604 г. упоминается "3 дома со всем доходом в селе и в поле" (Ibidem, veac. XVII, vol. I, p. 139). В другом более позднем документе прямо подчеркивается, что "из 24 мест для дома, на которые делится все село Лешканы, полсела — 12 мест были проданы" (I o r g a N. Studii și documente, vol. VI, p. 69). В 1590 г. в долевом селе продается "половина из третьей части села Буду-решь, но без одного дома". (Documente, veac. XVI, vol. III, p. 460;) См. также: Ibidem, veac. XVII, vol. III, p. 135). Конечно, распределение владельческих прав в долевом селе между мелкими вотчинами по домам или жребиям следует отличать от "домов" самих владельцев, которые нередко упоминаются в документах (Documente, veac. XVI, vol. II, p. 223; vol. III, p. 138; vol. IV, p. 195; veac. XVII, vol. IV, p. 392).

142 Повторю уточнялось, каково участие данного дома — крестьянского хозяйства в коллективно-цикле землепользования: царине и сенокосе. Так, например, в одной грамоте 1608 г. упоминается дом с "12 нивами и цариной и всем доходом от того места... и с сенокосом". (Documente, veac. XVII, vol. II, p. 151.

143 Такой раздел имел место в с. Хыцешты. Как явствует из грамоты 1617 г., выделяется "две жребии или два дома с двумя вечинами". (Documente, veac. XVII, vol. IV, p. 187. (29 марта 1644 г. мелкий вотчинник Иеремия продает всю свою отнину в долевом селе Сэнэуц "четыре жребии с четырьмя людьми-крестьянами". (Acad. RSR, Fil. Iași, Fond. Spiridonie, XV/II). В грамоте от 6 марта 1648 г. в том же с. Сэнэуц мелкий вотчинник резеш Сула имел 4 жребии с 3 вечинами (Ibidem XV/II). Как видно из грамоты В. Лупу от 12 июня 1650 г., мелкая вотчина в с. Плешешть имела 3 жребии с 3 вечинами (Arhivele Statului Iași. — В дальнейшем ASI. Condiца K. N 372, p. 175). См. также: Documente, ..., veac. XVII, vol. IV, p. 167—187. При таком разделе определение прав мелких вотчинников на до"ю в хотаре села строилось в соответствии с землепользованием зависимых крестьян. В грамоте от 1 сентября 1660 г. указывается, что мелкие вотчины получают в долевом селе "места в той части, где поляны и нивы (памынтурь) их вотчин" (ASB, M-re-a Bistrița, X/3).

144 Такой раздел, например, имел место 1620 г. в с. Дароанешты, где к дьяку Петру пришел один вечин. В грамоте указывалось, что никто из других совладельцев в неразделенном хотаре не должен с ним иметь дело.

145 Правда, такой раздел создавал иногда очень сложную ситуацию в неразделенном хотаре долевого села. Особенно много конфликтов возникало на этой почве там, где господствовала подсечная система земледелия. Судная грамота 1647 г. рисует такой судебный спор в Кымпулунге. Резешы — мелкие вотчинники и монастырь, совладельцы в селе, разделили между собой 40 крестьянских дворов с учетом разниц их подсек. Но крестьяне стали мнить, продавать или просто забрасывать одни подсеки и переходить на другие. Некоторые подсеки забрали землевладельцы для

своего хозяйства. Господарь решил вернуться к исходному положению дел в разделе (В а л а н Т. Documente bucovinene, vol. II, p. 124).

146 Согласно господарской грамоте от 9 февраля 1635 г. в с. Онут произошел раздел, "и в ватре, и в поле, с установкой межевых столбов", а "вечин, кто кого посадил, пусть там и будет". Очевидно, в селе были только крестьяне-новоприходцы. Характерное указание, при разделе села между мелкими вотчинами, содержится в одной грамоте 1625 г.: "а вечин пусть держат по столбу, который ему положен" (Documente, veac. XVII, vol. I, p. 337-338). В 1632 г. было разделено с. Разбены между мелкими вотчинниками "и в ватре, и в поле, и в лесу и столбы поставили, как принято по обычаям". Раздел касался и вечин. Пришлось по 9 вечин (Грамота от 24 июля 1632 г. - Acad. RSR. Fil. Iagi. Fond Spiridonie, XIV/7). См. также господарскую грамоту А. Илиаша от 10 августа 1632 г. - ASI, OREXVII/56). Мелкий вотчинник Мога в с. Чиккултень выделяет столбам свою долю "и в поле и в царине, и в сенокосах и в ватре села". (Грамота от 7 мая 1637 г. - Acad. RSR. O SXVIII/2). В с. Орзешть в 1652 г. произошел раздел хотара между батрынами с установкой межевых знаков внутри хотара. (ASB. Ep. Roman. IV/18). В долевом селе Моморница в сер. XVII в. также произошел раздел хотара по батрынам с установкой столбов для каждой родственной группы - батрына. Вечины мелких вотчин могли пользоваться здесь землей только в пределах столбов. (R o s e t t i R. Pașântul, sătenii și stăpânii în Moldova. Buc., 1907, p. 261). В связи с этим, в селах появляются понятия "столо" - определленного мелкого вотчинника или батрына. Например, "столо Трифана Количи" в с. Пашканы. Т. Количи имел в этом "столо" вечина.

147 Господарь Г. Дука, например, в грамоте от 5 июля 1672 г. указывал, что в долевом селе Юриченъ резешни не могут брать друг у друга десятину, пока не выделят свои части во всем хотаре (Mizeul "Lupta revoluționară a poporului român" - в дальнейшем MLRPB, I/123).

148 В конце XVI - начале XVII в. в мелковотчинной структуре (взятой до 1/10) было в среднем, по стране, примерно 6 мелких вотчин на одно долевое село. Из расчета от 20 до 30 крестьянских дворов в селе на каждую мелкую вотчину приходилось в среднем по 4-5 крестьянских дворов. Но ведь о значительной части мелковотчинных образований источники молчат. Это означает, что среднее число на одну мелкую вотчину было по всей стране фактически намного ниже, чем 5 дворов. (См. также Documente..., veac. XVII, vol. V, p. 26; R o s e t t i R. Op. cit., p. 261). К сожалению, более подробных данных источники не дают.

149 Возьмем к примеру мелкую вотчину в составе долевого землевладения, которой принадлежит 1/6 часть села, насчитывающего 30 дворов зависимых крестьян (т.е. 5 дворов на мелкую вотчину, что собой представляет, как показано выше, среднее число дворов на одну мелкую вотчину по всей стране). Перед нами типичное явление в составе долевого землевладения конца XVI - начала XVII в. Натуральный оброк в Молдавии состоял из десятины с урожая всех культур и пастбищного дохода бывшего намного меньше десятины. Но даже если мы допустим, что такой типичный мелкий вотчинник взял 1/10 всей продукции крестьянского двора, то в его доле собирается всего 50% производства одного среднего крестьянского двора за год. Для того чтобы в его доме собиралась продук-

ция хотя бы 3-4 крестьянских дворов, он должен был собрать десятину о 30-40 дворов, т.е. иметь по крайней мере целое село, если не больше. Но это уже доход не мелкого, а среднего вотчинника. Типичный мелкий вотчинник (о 5 дворами) превосходил бы жизненный уровень своих крестьян (даже если считать, что весь прибавочный продукт, включая тяжелые налоги, забирал 60-70% валового дохода) лишь в 1-1/2 раза. Т.е. экономически мало чем отличался от крестьян, если бы жил только за счет натуральной ренты.

150 Gh i b a n e s u Gh. Surete si izvoade, vol.XV, 1926, p.66.

151 ЦГИА, ф.44, оп.193, -д.93, ч.1, л.141.

152 Согласно уложению 1742 г. феодально-зависимые крестьяне вносили землевладельцам-дольщикам только натуральный оброк-диму (Acte si legiuiri, vol.1, p.17-18).

153 ЦГАДА, ф. 293, оп. I, д.187, 187а, 200. Молдова ии екова феодализмулуй, вол.УП, парт.1-2. Кишиневу, 1965

154 Gh i b a n e s u Gh. Surete si izvoade, vol. XVI, p.35. I o r g a N. Studii si documente, vol.VI, p.152-155.
G h i b a n e s u Gh. Op. cit., vol.XXII, p.83-85.

155 Gh i b a n e s u Gh. Op:cit., vol.IV, p.232.

156 ЦГАДА, ф.1299, д.3206, л.205; д.7229, л.1-6; л.3929, л.144; д.3882, л.41-46 и др.

157 Documente tesucene, vol.III, p.48.

158 S o b o r n i c e s u Н. Вус., 1958, p.18-38.

159 Ibidem, p.33-34.

160 S a v a A.V. Documente... Orhei, p.302-304; ЦГАДА, ф.1299, д.7230, л.42; д.7228, л.6874; д.3982, л.81-87; д.3206, л.209; д.3126, л.122; д.4495, л.1-2, 13; д.4323, л.14-15, 124-129 и др.

161 Д е н и н В.И. Полн. собр. соч., т.17, с.64.

В.Ф.Инкин
(Львов)

К ВОПРОСУ О ПРОИСХОЖДЕНИИ И ЭВОЛЮЦИИ ВОЛОШКОГО
ИНСТИТУТА "КНЯЗЯ" (КНЕЗА)
В ГАЛИЦКОЙ ДЕРЕВНЕ ХУ-ХУШ В.

Со времен А.Стадницкого в исторической литературе прочно утвердилось мнение о тождественности институтов князя (в селах волошского права) и солтыса в галицкой феодальной деревне^I. Причину этого следует искать в ошибочном представлении о поздне-м (XVI в.) формировании галицкого варианта волошского права

и самого института князя, в игнорировании ранних этапов его эволюции и неосостоятельности формально-юридического метода, сводившего всю проблему к сравнительному изучению учредительных привилегий на немецком и волошском праве, материальной дотации и характера отношений "осадного" с доминией². Между тем стереотипные юридические формулы грамот отражали лишь государственно-правовую сущность обоих институтов и магистральные отношения феодальной собственности, оставляя в тени несущественные с этой точки зрения частности, остававшиеся, однако, историческую их сущность. Концепция Стадницкого в утрированной форме повторена К.Добровольским, видевшим в институте князя результат механического распространения термина "князь" на готовый немецкий институт солтыса³.

В историографии вопроса не занял надлежащего ему места И.Т.Любомирский, привлечший богатый материал источников, позволивших ему увидеть близость волошского князя и украинского тиуна в противоположность солтысу⁴. Мысли этого ученого получили известное развитие у И.А.Линниченко⁵, отчасти были поддержаны чешским ученым К.Кадлецом⁶. Румынский историк Д.Мототолеску также считал, что институт князя мог сложиться у восточных романцев на их собственной территории под славянским влиянием и затем колонисты перенесли его из Трансильвании на галицкую почву. При этом он допускал возможность формирования этого института непосредственно на галицких землях под влиянием окружающих украинских сел⁷. И.Богдан искал происхождение института князя в характере волошко-славянских исторических связей⁸. Однако нельзя разделять взгляды Т.Холбана, именно в князском праве на галицких землях искавшего адекватный отпечаток института князя в "древнерумынской форме"⁹. Поскольку речь идет в XVI в. о привилегированном "колониационном" праве и о публичном институте, следует учесть уже в период формирования сильное воздействие на него польского государственного права.

Крайним упрощением представляется сведение всей проблемы к этническому происхождению галицких сельских князей (из мелкой коренной шляхты и разбогатевших крестьян)¹⁰.

Проблема долгое время изучалась односторонне. Мы гораздо лучше знаем материальное обеспечение князя, его обязанности перед доминией, чем то, в чем состояла князская служба в сельской общине. Формально-юридический метод не позволил, однако, доста-

точно полно уяснить и частнопрововую сторону вопроса, особенно "семейное" право, находившееся в основе потомственного владения князствами, раскрывающее механизм обычной традиции волошского правового режима.

Только источники, отразившие обычную повседневную практику, дают возможность выявить ту совокупность норм, которыми регулировались не только отношения между князем и поселенцами, но и внутри князского клана, отношения, пронизывавшие весь общественный уклад и быт деревни на волошском праве и составлявшие собственно волошко-украинское "князское право".

Положение Стадницкого о том, что "только села, основанные на магдебургском и волошском праве, имели князства и войтовства"¹¹, следует, видимо, понимать в том смысле, что в селах украинского права исследователь не находил аналогичного института. Между тем в галицких селах русского права существовали тиунаты, в том числе привилегированные, значительно более близкие к князствам, чем к солтыствам-войтовствам.

И если не сформировалось особое так называемое "русское" или тиунское право, то только в силу того, что, во-первых, внутренняя колонизация противоречила тенденции закрепощения и ограничения выхода крестьян; во-вторых, в силу того, что единственно признанным туземным правом в польских коронных землях являлось польское, тогда как русское (украинское) право дискриминировалось. Последнее нередко легализировалось лишь в рамках "волошской" экстерриториальности.

Близость обоих типов права способствовала контаминации определения принадлежности к тому или иному правовому статусу сел инвентарями ХУІ в. Нередко в селах, определяемых как села русского права, глава общины именовался князем, а в селах волошского права главное должностное лицо выступало то под названием тиуна, то князя, либо наряду с этими терминами - солтыса. Еще Любомирский отметил смешение в галицких источниках ХУ-ХУІ вв. термина князь с терминами тиун и ватаман, причем в результате "скупа" князь низводился до положения тиуна или заменялся им¹². По наблюдениям Т.Холбана, альтернативное употребление терминов князь или солтыс, князь или войт утвердилось в Галичине лишь в ХУІ в., идя с запада на восток и остановившись на границах Львовской земли. В ХУ в. было характерно смешение князя с тиуном да-

же для Перемышльской земли, где князя стали смешивать с сол-
тысом ранее всего¹³.

Уяснить истоки этого общественного института без сравни-
тельно-исторического рассмотрения нельзя. Рассмотрим, в какой
форме он мог быть занесен на западноукраинские земли первыми
волохами, проникшими сюда, как полагают, в XIII в.¹⁴ Несомненно,
что права и обязанности их князей, включая право суда, базиро-
вались на исконных обычаях, которые существовали у них на роди-
не. Современная наука не подтверждает повднее возникновение "кня-
ского права" на подвластных Венгрии землях под определяющим
влиянием колонизационных форм немецкого права, откуда оно якобы
в готовом виде было перенесено в Галичину. Теория о карпато-
украинском происхождении института не доказана. Развитие этого
института в феодальную эпоху в различных странах отличалось сво-
ими особенностями, но шло сходным путем. В Сербии и Хорватии
в процессе оседания волохов и перехода их от пастушества к зем-
леделию в долинах — жупах прослеживается формирование террито-
риальных "кнежин" и "племенных" автономных организаций, в ко-
торых консервировались патриархальные институты южных славян¹⁵.
Кнезами здесь выступали начальники волоховских групп разных ран-
гов от примичура или катунара ("чёлника", "пастыря" и т.д.),
т.е. в условиях оседлости — сельского старосты, до главы изве-
стного числа катунов или позже — сел, которые могли составлять
одно "судовство", т.е. область судебной компетенции. Дальнейшая
эволюция этих институтов определялась углублением социальной
дифференциации волоховского общества, выдвижением в нем военно-
служилого элемента, укреплением феодальных начал.

Те же факторы определяли эволюцию князств в Молдавии и
Валахии. Расплывчатость термина князь в молдавских и ва-
лашских источниках XIV—XV вв. отразила, видимо, переходное сос-
тояние института, незавершенность его социальной эволюции и по-
этому допускает самые различные интерпретации. Иногда князя про-
тивопоставляют судьям и ватаманам как представителя феодаль-
ного землевладения, являвшегося судьей лишь в силу иммунитета,
владельца вотчины, отличавшейся от боярской лишь тем, что она
нуждалась в подтверждении представителя догосударственной об-
щинной знати, из которой выводится происхождение всего боярст-
ва. Иногда, наоборот, его отождествляют с судьей (жудэ) и вата-
маном, то есть представителями общинной старшины, встречавши-

мися под названием князя только в землях господари и заменявшимися после перехода этих земель в частные руки обычными "жуде", "ватаманами" и др.

В Галицкие земли до конца XV в. могли проникать различные социальные группы волохов — общинные коллективы, в которых кнезовский клан едва выделялся на общем социальном фоне, либо которые составляли исключительно такие кланы; князья, утратившие у себя на родине родовые вотчины, эмигранты из числа феодалов. Самый малый такой коллектив состоял из нераздельной отцовской или братской семьи, получавшей во владение дворце. Более многочисленными были кочевые группы, которым предоставлялись пастбища.

Права и обязанности князей в отношении общин на галицких землях до конца XV в. не регламентировались никакими письменными актами и основывались исключительно на обычае. Не касались этой сферы деятельности осадного и даровенные грамоты. Широко использовалась форма частного двустороннего соглашения между поселенцами и собственниками земли. Близость волошского права русскому и терпимость на первых порах польской администрации к последнему не требовали специальной санкции короля на изъятие сел волошского права из-под господствующего правового режима, как это было с селами немецкого права, а субъектом волошского права могли быть не только территориальные общины, но и отдельные личности и семьи, проживавшие в селах и местечках. В силу этого судебная компетенция князя или других волошских начальников могла выходить за пределы одного села, а в волошскую автономию могла выделиться не только компактно заселенная волохами обширная территория тогдашних пустошей, но и некомпактно осевшее волошское население. В последнем случае она сводилась к судебной экстерриториальности, в остальном сливаясь с коренной волостной автономией.

Мы не имеем вплоть до конца XV в. королевских локационных грамот, адресованных непосредственно рядовым, тем более простым осадникам — князьям, аналогичным солтысам. До нас дошли, правда, более ранние грамоты церковных земельных доминий и старост (без королевских подтверждений) о дарении и продажей князьям частным лицам, но и они редко датируются раньше второй половины XV в.

Практика продажи старостами княжеств с выдачей на руки покупателю гарантийного листа с указанием покупной цены (без подтверждения короля) продолжалась в Самборском старостве до первой половины XVI в.

Что касается князей, то, по словам ревизора, их расходы сразу же окупались. Раздалив поля на небольшие участки, князья отводили их крестьянам за плату, которая называлась "осадчивной". Установился обычай, согласно которому каждый крестьянин платил по 2 злотых, не торгуясь¹⁶.

В XV в. практиковались также пожалования волошского права неопределенным группам волохов, "родовым пастушеским коллективам", по выражению К. Добровольского¹⁷. По грамоте князя Зимовита, например, в районе с. Руда в сфере действия волошского права находилась часть лугов и леса. Внутреннее устройство таких коллективов было делом самих поселенцев.

Держателями королевских привилеев на волошском праве вплоть до конца XV в. выступали не рядовые князья, а волохи - эмигранты более высокого ранга - воеводы или крайники, которым и поручалось заселение обширных пустошей. Объектом пожалований таким волохам на ленном праве выступали не отдельные княжества, а целые села, группы сел или обширные, подлежащие заселению пустоши и горные пастбища, иногда с княжествами или группой княжеств.

Большое количество таких пожалований приводит Л. Выростек. Особый интерес представляет история западноукраинского шляхетского рода герба Сас, ведшего свое происхождение от правившего в Молдавии воеводы Саса, изгнанного оттуда основателем Молдавского государства Богданом. Один из основателей Саса, перешедший около 1348-1349 гг. на польскую службу в Саноцкую землю, - Степан (Стефан) стал родоначальником галицких Сасов. Руководящая роль в отношении волошских военных пограничных поселений обеспечила Степану (1367) и затем Даниилу, его родичу (1371), шляхетские дипломы и земельные пожалования. Сынtimer, внуки и боевые товарищи Степана вместе с польским шляхетством присвоили себе при Владиславе Опольском и Владиславе Ягелло и герб Сасов. Позже ряды Сасов пополнялись за счет рядовых князей и других нобилизируемых за военные заслуги волохов, и даже "русских служек" путем адаптации.

С передвижением польской границы на восток и утратой волошской колонизацией чисто военного характера Сасы распространились в Самборской, Стрыйской и Дрогобычской волостях. Их разветвленное потомство оседает в Берестянах, на Бложевке, в Бисковичах, Максимовичах, Волоще, Воитичах, Мокрянах, Надьбах, Тершакове — бесчисленные Тарнавокие, Попели, Готовские, Созаяские, Радиловокие, Урусские и т.д. Все они — поместные шляхтичи, но в подчиненных им селах, несомненно, имелись князства. Из 60 галицких родовых гнезд, пользовавшихся этим гербом, 40 обнаруживают явно волошское происхождение, хотя не все вели свой род от первых Сасов¹⁸.

Самое раннее королевское пожалование в Самборской волости с упоминанием князств относится к 1430 г. Король Владислав Ягелло записывал Иванке и Клипашке Дзирец из Ступницы 200 гривен на селе и князстве в Высоцком (Вышнем) и обязал их в качестве "стапий" и дани доставлять 100 ягнят в год¹⁹. И Высоцкое (Вышнее) и Ступница, пожалованная ранее, в 1377 г., отцу донатариев, воеводе самборских волохов Дзурдзю или Джурджу (Swircz), стали шляхетской "дедичной" собственностью потомков воеводы. Привилей 1430 г. не носит учредительного "локационного" характера — Высоцкое уже было заселено на волошском праве (*villa postea Valachorum*) и имело свое князство *knyaschweni*. Донатарии выступают не простыми князьями, а поместьями владельцами. Здесь мы имеем дело с частновладельческим князством. Потомки самборского воеводы владели князствами и в других своих родовых имениях: Высочанские и Комарницкие, восстанавливая в середине XVI в. права собственности в отношении сел Высоцкое, Турье, Комарники и Жупане, одновременно получали подтверждение на основе права давности и на "войтовства и солтыства", т.е. князства в этих селах²⁰.

Волох Ванчо с тремя сыновьями получил в 1431 г. от Владислава Ягелло за заслуги и при уловии служб на "пристойных" конях с четырьмя лучниками с Турку с прилегающей пустошью в Самборской волости на границе с Венгрией. К 1538 г. здесь уже имелся целый ряд сел с князствами, на которые заявляли права собственности потомки Ванчо, но часть этих сел была отнята у них королевой Боной.

В горных районах Стрыйской волости обосновался другой волошский род. В 1397 г. волохи братья Мик и Иванко получили пра-

во основывать села в лесу, "в пустых полях, которые там есть, как то: Сколе и Тухля, и в других лесах и полях по обе стороны реки Опор", и право выпаса овец в "поле Раад", которое представляло собой высокогорное пастбище - полонину. Этот обширный район в XVI в. перешел во владение князей Острожских, продолжавших заселять его с помощью простых князей, в результате чего здесь образовались две крайны, объединявшие около 30 сел²¹.

Приведенный материал дает основание уточнить классификацию галицких князств Т. Холбана для XIV-XV вв. Речь должна идти, по существу, о социальном типе владельцев князств. Это поместная волошская шляхта, владевшая на королевских землях помимо поместья обширными комплексами князств, состоявшими целые крайны, порой выходявшие из-под эгиды старост в обособленные частные владения. Отдельными князствами в этих комплексах владели либо представители шляхетского клана, либо "неутвержденные князья" и урядники наподобие тиунов из числа подчиненных волохов. Достоянием этих кланов была также воеводская или крайничья власть над населением волошских сел. Часть простых "неутвержденных" князей состояла под непосредственной властью старост. Такого рода простые князья обосновывались и в частных имениях. Правильнее поэтому говорить не о "старом праве" князей владеть селами, а о том, что князства являлись атрибутом земельной собственности на волошском праве шляхты.

Если в XV в. князства и выступали в качестве самостоятельных объектов королевского дарения, то, как правило, - поместной шляхте. Так, поместный шляхтич Николай из Тернавы, сын Юзефа Волоха, в 1449 г. ссылался на королевские грамоты в подтверждение прав на князства в Лужке Дольном и Броннице Малой в Самборской волости и в Броннице Великой - в Дрогобычской²². Первыми "утвержденными" князьями являлись, таким образом, нобилитарованные волохи. Среди них во второй половине XV в. появляются целые роды, которые вместо поместных владений (иногда в сочетании с одним или даже частью села) довольствовались комплексами князств в пределах целых королевских крайн, деля в них между собой крайничью власть.

Еще в 1422 г. волохи Якоб и Мичко получили привилей, которым они утверждались на князстве в Любичах Белзкого воеводства, но лишались права собственности в отношении этого села, которое ими, видимо, и было основано. Из поместных владельцев они

превращались в "утвержденных" князей, продолжая основывать новые села с князотвами. Позже (1472) здесь выступает волох из Чанижа, руководитель волохов в Любиче, Чаниже, Невнамово, Мостах и других селах, где волохи жили попеременно с украинцами и где, видимо, князьими являлись потомки Якоба и Мичко.

Князотва и солтышотва как источники доходов уже в начале XV в. привлекали к себе внимание и коренной шляхты, стремившейся согнать простых князей в своих имениях и проявлявшей интерес к князотвам в королевщинах. Князотва становятся объектом равного рода сделок между шляхтой — купли и продажи, залога, аренды, мени и т.д. Известны грамоты русского старосты Оты Пилецкого (60-70-е гг. XIV в.), утверждавшие акты купли-продажи войотов и князотв²³. В XV в. князотва обменивались на села и наоборот. При этом, возможно, сгонялись простые князья. В XVI в. институт князотв в частных владениях постепенно растворяется в поместьях, окончательно теряет в XVII в. характер самостоятельного объекта владения и продолжает эволюцию только в королевщинах.

ж ж

ж

С Вартоким статутом 1423 г. выявляется крутой поворот в судьбе солтышотв в Польше. Его постановление о "окупе" солтышотв, если пан или староста находили их "бесполезными и отроптивыми", трактует по-равному. Одни видят в нем узаконение сгона солтышотв собственником земли и начало ограничения наследственности солтышотв, другие не придают ему такого значения и связывают с ним лишь запрещение отчуждения солтышотв без согласия феодала во избежание превращения их в самостоятельный объект земельной собственности. Большинство исследователей видело экономический стимул к "окупу солтышотв" в чисто количественной эволюции барщинно-фольварковой системы чуть ли не с XII-XIII вв. (теория континуитета фольварков)²⁴. Расходились лишь в определении конкретных целей, двигавших владельцами фольварков, (потребности расширения ареала фольварка, устранение конкуренции солтышотв в потреблении рабочей силы²⁵, необходимость усиления внеэкономического принуждения путем ликвидации общинного самоуправления²⁶, устранения дуализма в сфере земельной собственности и власти над населением)²⁷.

Теорию континуитета подвергли серьезной критике во время дискуссии польских историков 1950-1952 гг. о генезисе фольварка²⁸. Выказывалось мнение, что объектом экспансии феодалов против солтысов была не земельная дача, а другие элементы материальной базы солтыса: мельницы, корчмы, штрафы. Противник теории континуитета А. Ветуляни полагает, что по букве статута землевладелец получал право устранить бесполезного, т.е. бездейственного, выполнившего свою задачу, либо строптивного солтыса, каковым он становился, поднимаясь до положения шляхтича, и тем самым сконцентрировать в своих руках как доходы, так и власть над населением²⁹.

Нередки были также случаи перевода села на волошское право не только с украинского или польского, но и с немецкого, тогда как с волошского на немецкое - очень редки. Примером может служить Лукавица, солтыс которой получил привилеий на немецкое право в 1430 г. Уже в 1507 г. это село фигурирует как волошское, причем солтыство инкорпорировано³⁰. Нечто подобное можно наблюдать в Якубовой Воле. В 1507 г. здесь уже не было войта или солтыса, а повинности общины имели выраженный немецкий характер, но в дальнейшем они приобретают волошские черты и село привлекают к участию в оборонных судах.

Институт солтыса не имел прочного основания в западноукраинской коренной среде и стал в деревне очень скоро "бесполезным", особенно в горных районах, а институт князя получил дальнейшее развитие во взаимодействии с обычным правом местного населения на новой мощной волне колонизации XVI в., главным образом горных районов на волошском праве. До конца XV в. он продолжал основываться на обычном праве. Организация князств оставалась внутренним делом колонистов. Формированию института способствовали главным образом простые "неутвержденные" князья, мало отличавшиеся от тиунов и ватаманов. На королевских землях посредником между королем и поселенцами был не князь, а должностное лицо более высокого ранга (воевода - крайник). В королевских грамотах XV в., не затрагивавших вопросов взаимоотношения "утвержденных" князей с поселенцами, лишь констатировались обязанности князя перед королем. Только в XVI в. с государственно-правовым определением статуса князя могло выработаться так называемое "князское право", внешне во многом совпадавшее с солтыским, но сформировавшееся независимо, на самостоятельной основе.

По-настоящему переломным моментом в судьбах князев явился период 1499-1519 гг., на который приходится сеймовая конституция 1511 г., повторявшая в основном постановление 1423 г. о солтах. Заключенные в этот период основы колонизационной политики окарба действовали примерно до 1563 г. Поскольку все листы старост о продаже князев без королевских подтверждений были аннулированы, отношения князя с поселенцами и с королем, как и сам волошский правовой статус, стали определяться государственно-правовым актом - локационной или подтвердительной грамотой короля. Изъятие из-под действовавшего государственного правового режима в пользу волошского обычного права отныне требовало специального привилея, относившегося к конкретной сельской общине, которая и становилась субъектом этого права. Даже частные владельцы в силу этого прибегали к королевским подтверждениям своих листов. Королевская власть берет под контроль заселение пустошей и раздачу князев на королевских (государственных) землях.

К 1495 г. в пределах Самборского староства под властью короля насчитывалось 14 сел волошского права (Черкава, Лукавица, Стронна, Ластовки, Топольница, Волчье, Головецкое, Мланец, Лужок Горный, Ясеница (Замковая), Леника, Кобло, Воля Деревна, Стрельбическая Воля - позднее Билеч). Одни упоминаются еще в середине XV в. (Черкава, Ясеница - 1444 г.)³¹, другие находились в частных руках и в реестр не попали. Во всех этих селах, а также в названных дополнительно Стрельбичах и Дяковичах инвентарь 1507 г. отмечает приустройство князев (в Головецком - князь с основьями)³², кроме Лукавицы. Несмотря на это, в указанный период издаются первые королевские грамоты.

Ликвидировав все прежние дарения и продажные акты старост, королевское правительство все начало заново. Однако старосты продолжали продавать князев по меньшей мере до 1567 г. с той, однако, разницей, что инициатива дарения теперь иногда исходила от короля, а соответствующие листы старост сразу же или спустя некоторое время предлагали к королю на утверждение. Старая практика оказывалась в первой четверти XVI в. еще в одном отношении. Осадничьи функции поручали князьям не только в отношении конкретного села, но и пустошей, где можно было основать не одно, а несколько сел. Так, Федько Малькович наряду с правом основать Вышний Подбуж с княжеством получил в 1519 г. полномочия

заселить новые села по потокам Опака и Быстрица. На "дочерних" князствах в селах-спутниках Быстрице, Залокте и в Опаке он посадил своих сыновей³³. Черхавокие князья Денис, Матвей, Михаил и "все другие их братья", усердно привлекавшие колонистов, получили право основать село "в пустынном месте" (*in deserto et vau-titate*), в поле, называемом Сприня³⁴, где позже возникла и Спринка. Получатели привидеев этого времени — в большинстве случаев простые лица. Таким образом, в основе новой практики окарба были стремление заменить шляхтичей в качестве князей простыми людьми и концентрация исключительной сеньориальной власти над князьями в руках короля.

А. Стадницкий полагал, что наследственный характер князств — результат влияния солтысского права³⁵. Действительно, ранние пожалования князств относились не только к непосредственному получателю акта дарения, но и к его наследникам. Однако в основе наследственности князств было "семейное право", ограничивавшее свободу распоряжения и переход князств в чужие руки. Собственность князей была наследственной в роде, следовательно, н а с л е д с т в е н н о й не в современном смысле слова. Немецкое право здесь не могло оказать влияния. Королевские бенефиции на князства и воеводства в феодальной Венгрии выдавались не персонально, а сразу нескольким братьям или отцу с сыновьями, живущими "на одном хлебе".

Если сельская колонизация на немецком праве к XVI в. исчерпала себя в основном, то колонизация на волошском праве получила новый стимул к освоению горных районов и земель, мало пригодных для традиционной обработки. Князь-осадник был в этом процессе необходим в отличие от "бесполезного солтыса". Но осадника нужно было привлечь перспективой окупить вложенный труд и средства надежными гарантиями владения, и скарб не мог поэтому отказаться от дарений князств по формуле наследственного права. В старостинских листах и королевских грамотах "вечный" принцип владения декларировался еще в конце 50-х гг. XVI в., хотя формулировался он хуже, чем в грамотах XV в. ("*in perpetuum*", "*perpetue et in aeuum*", "*cum legitimis successu-hereditaria*")³⁶, без кространной расшифровки, при этом отсутствовало само слово "собственность" (*proprietas*). И только одна грамота (Лопушанка Олехнова, 1556)³⁷ содержит гарантию полного распоряжения князством. "Законные наследники" обязывались нести военную службу.

Бессрочные дарения, как правило, относились к князствам на сыром корню. Дополнительную гарантию надежности владения давала запись на князства денежных обязательств в суммах, уплаченных князем старосте и переходивших на короля в результате подтверждения. Но это усиливало вещный элемент в отношениях между князьями и королевской властью. Вассальные отношения становились атрибутом денежно-кредитных или ипотечных по форме отношений, которые король формально был вправе прервать в одностороннем порядке в любой момент. Это выражало другую, ограничительную тенденцию в правах князств, закрепленную законодательными актами 1423 и 1511 гг.

Мотивируя "окуп" топольницкого князства его "беспольностью" (*inutilis sculteti*)³⁸, королева Бона имела в виду то, что указанные акты служили юридическим основанием не только для солтыств, но и старинных, вышедших воле князств.

Смысл выкупных операций середины XVI в. состоял, по-видимому, в замене наследственных князей пожизненными посессорами. Практика раздачи князств в 1558-1563 гг. как бы предваряет конституцию 1563 г., упразднившую юридически наследственный характер "солтыств" и объявившую все королевские солтыства состоящими "на скупе"³⁹. Следует учесть и то, что свободный для заселения земельный фонд к 60-м гг. XVI в. практически был исчерпан, хотя основание отдельных сел на сыром корню поручалось князьям и в 70-80-е гг.

Однако было бы преждевременным связывать с конституцией 1563 г. превращение князств в особую категорию срочных земельных держаний. Далее солтыства и князства снова при всем внешнем подобии по-разному эволюционируют. Общим у них было то, что начавшееся еще в предыдущее столетие ограничение наследственности не завершилось и в XVII в., поскольку выработалась "скрытая" форма наследования. Но механизмы ее были разными для солтыств и князств. Ей способствовала гибкая формула пожалований второй половины XVI в. князств на сыром корню "в вечность", которая, однако, фактически относилась к записанной на них денежной сумме или к денежной компенсации: донатарий мог "держатъ, имѣть и владѣть" князством "со своим потомством всегда и вечно", пока им не будет выплачена "следуемая по оценке сумма", без нарушения, однако, "права короля"⁴⁰. В конце XVII в. возникает получившая затем распространение такая форма обеспечения наследников, как

перенесение на них (sewio) пожизненных прав о прежнего доживотника при его жизни, что устраняло опасный момент открытия вакансий, когда фактические владельцы оставались "без права". Общей была и социальная направленность практики "окупа" и раздачи князств и солтыств с 60-х гг. XVI в., определяемая, в отличие от XV - начала XVI в., усилением шляхетской диктатуры.

На польских землях выкуп шляхтой у лиц простого звания королевских солтыств, начавшись в 30-х гг., особенно интенсивно протекала в 1551 - 1610 гг.⁴¹ Сеймовые конституции 1607-1620 гг., с которыми связывалась, между прочим, окончательная утрата князствами характера волошского института, как и конституция 1647 г., ярко отразили программу шляхетских домогательств, предназначая войтовские посесии "людям добре заслуженным" на военном поприще и в силу этого запрещая их инкорпорацию. Конституция 1662 г. объявляла любое войтовство, находившееся в руках плебея, вакантным для такого "заслуженного шляхтича". Логическим завершением шляхетских требований было лишение нешляхетичей прав доживотья на солтыствах (конституции 1667, 1736 и 1764 гг.)⁴². К концу XVI в. в Польше завершался процесс ликвидации крестьянских солтыств в шляхетских и духовных имениях, но в королевских имениях они продолжали существовать. Однако некоторые признаки (расположение преимущественно в горах, большео семейная организация) говорят за то, что мы имеем дело и там, как и в Саноцкой земле, с простыми князствами. Начало этой тенденции совпадает в отношении Самборщины, где крестьянские солтыства не сохранились (не считая простых "правных войтов", утративших свои земельные владения), а простые князья продолжали потомственно владеть князствами и в XVII в.

В основном со второй половины XVII в. начинается процесс, который приводит к утрате князствами характера волошского института. Это было связано с переходом их различными путями в руки шляхты - католиков, которые постепенно внедрялись в князство. Многолюдные князские кланы, шляхетские и простые, скопившиеся по праву наследования на одном князстве десятками семей, приходили в упадок и "выпадали из права" (z prawa dawnego wra-dzi), так как отсутствовали средства для приобретения привилеев на очередные доживотья. Этим пользовалась богатая польская шляхта, оспуывавшая князей долговой кабалой, выговаривая себе право, оформляемое особым привилеем, на долю в князстве (Лопушанка, За-

дельское, Волчье, Яблокиа)⁴³. Это требовало, однако, вынужденного согласия всех представителей клана. Иногда посторонняя шляхта получала за заслуги полностью выморочные князства (Гусно, 1698), что не исключало, однако, переуступки их затем коренной шляхте волошского происхождения (Ластовки, Свидник, 1699)⁴⁴.

Обычно же князства, прежде чем превратиться в срочное шляхетское земельное держание — ренту, отделенную от княжеских служб в общине, проходили через инкорпорацию части их дохода в скарб.

В литературе ликвидацию солтнств как особого института в результате скупа связывают либо с инкорпорацией, либо с утратой наследственности владения⁴⁵, либо с утратой судейской и административной власти⁴⁶, причем реликты административно-судебных функций простых войтов связывают обязательно со "скрытой дедичностью"⁴⁷, хотя бы эти функции существовали в отрыве от материальной базы солтнств. О ликвидации князств как особого института можно говорить, лишь отделив от них функции власти, не принимая во внимание утрату ими значения автономной самоуправляемой единицы и характера особой категории привилегированного землевладения, фактически не только наследуемого, но и потомственного. Наступало это только с полной инкорпорацией либо с превращением князств в доживотные ренты и посессии в руках чужеродной шляхты на длительное время. Контракт об аренде представлял собой денежную сделку, исключавшую личные отношения и вассальные обязанности. Распространение шляхетских доживотий, срочных держаний и рент обусловило лишение шляхты посессоров войтовств — князств функций суда и управления. Такой посессор с точки зрения домини был неуправляемым и представлял угрозу для тягоспособности общин. Скарбовый декрет от 15 мая 1692 г. впервые не рекомендовал избирать на громадские должности шляхтичей⁴⁸. Правда, речь шла о "непослушных лицах шляхетского сословия", которых надлежало заменять людьми простого звания (plebeios), для исполнительных же шляхтичей допускалось исключение⁴⁹. В инструкциях крайникам середины XVIII в.⁵⁰ сообщается, что члены общинной старшины, в первую очередь уряды, должны быть людьми "из громады, а не с вольничества, либо с солтнства, либо с поповства, либо шляхетского сословия". Тем же декретом войтам Самборской эконومی было запрещено "вмешиваться в сборовые и поточные суды". Поскольку шляхта утратила право занимать об-

щинные должности и право суда в королевщинах, судьбы князв как института в ХУШ в. оказались теснее всего связанными с крестьянскими князскими кланами, все еще игравшими значительную роль.

В начале ХУШ в. в Самборской экономике из 80 привилегированных "войтовств" (все, за исключением нескольких, — князства) 64, или 80%, все еще оставались во владении потомственных князей⁵¹. По инвентарю 1749 г. в шести крайних экономике (кроме Львовецкой) полностью или частями были инкорпорированы и отданы в аренду князства в 23 селах из 61⁵², что составляло 38%. К 1765 г. по всем семи крайним инкорпорированные князства находим в 23 селах из 83 (28%), и в 8 случаях это были пожизненные аренды шляхты. К 1772 г. общее число их не изменилось, но количество пожизненных аренд возросло до 15. При этом 72 шляхтичам на различных основаниях принадлежало 173 "привилегированных" лана (в том числе вольничьи и проч.), а 603 "простым" посессорам и арендаторам — 106 (38%) ланов. Шляхта к концу ХУШ в. заняла, таким образом, господствующие позиции среди посессоров князств, воячески противостоя их инкорпорации и превращению в краткосрочные аренды, добиваясь снова и снова возрождения доживотий. Наряду с местной шляхтой из князских родов большую роль среди них играла, если судить по фамилиям (до половины всей шляхты), шляхта-католики, нередко прибиравшая к рукам целые комплексы князств, управляемых субарендаторами и агентами. Ничего общего эти комплексы, однако, не имели с теми, которые в ХУ—ХУІ вв. составляли достояние потомственных князских кланов.

* * *

*

Судьбы солтыств и князств во многом были несходны, хотя государственно-правовое регулирование их развития было общим. Практика еще больше разделяла эти институты. Невзирая на декрет 1692 г. о запрещении князьям Самборской экономики вмешиваться в сельскую юрисдикцию, а князьям из шляхты — и в общинное самоуправление, и простые и шляхтичи из потомственных князей осуществляли соответствующие функции явочным порядком⁵³. Поскольку простым князьям и в ХУШ в. формально не запрещалось занимать руководящие должности в общине, к ним не относился положение, согласно которому "деградация общественного положения и престижа коснулась прежде всего солтыса из крестьян"⁵⁴, если речь идет

о положении в общине. Семейное право, лежавшее в основе "скрытой наследственности" князств, признавалось королевской властью и в ХУШ в. Княжеский клан Волчанских, насчитывавший в 60-х гг. ХУШ в. свыше 10 семей и имевший боковые линии Штыканчей, Дукашевичей, Михалковичей и Андрейковичей, опираясь в своих правах на привилей 1558 г., подтверждавший более ранний, "оригинальный" привилей 1519 г.

Родовая преемственность чаще всего представляла собой оплаченную цепочку доживотий, основанную на наследственном праве в отношении выкупной цены или записанной в оригинальном привилее суммы (Мланецкие, Яблонокские, Чернецкие, Лопушанские, Днестрянские, Михновские, Липецкие, Стрелецкие, Розлуцкие, Татомиры). Согласно семейному праву в одном князстве могли втиснуться до 50 семей, часть из которых слыла шляхтой, часть — простыми, часть — законными, часть — "бесправными", иногда — всего лишь "контрагентами", т.е. арендаторами". Попытки регулирования количества княжеских хозяйств в одном селе сводились к ограничению числа лиц, которым адресовались подтверждательные грамоты. В конце ХУП—ХУШ вв. издавались многочисленные предписания, требовавшие, чтобы на привилегированных землях было не больше семей, чем указано в привилеях⁵⁵. Однако княжеский привилей в ХУП в. нередко адресовался десяти и более лицам одного клана. При этом и в ХУШ в. купля-продажа князств или их долей в пределах одного клана допускалась даже без санкции королевской власти. Внутри клана в отношениях князей с королевской властью и в личных, а не имущественных, господствовало право майората. Всякий раз оформление нового привилея поручалось кланом одному из своих членов, а расходы, вызванные этими хлопотами, делились пропорционально доле каждого между всеми. Преимущество старшего брата или дяди считалось здесь естественным: оно относилось к семейному и общественному авторитету, к обязанностям опекуна и ответственного перед казной лица, к оценке способности выполнять руководящую функцию в общине. Младшие же члены семей хотя порой и выпадали из привилея, но их права надежно гарантировались обычаями, прежде всего известным еще по "Русской правде" под имущественным майоратом, т.е. правом младшего сына не овидетьбу отца при фактической равенственности (эгалитарности) разделов отчины. Но и каждый член клана имел право на надел, размеры которого определялись наследственным правом, "вернее правом происхождения"⁵⁶.

Семейное право оказывалось сильнее официального государственно-правового майората. В обычном волошском праве оно было настолько сильным, что даже при конфискации имущества бояр за измену валахские и молдавские господа не решались передавать его кому-либо, помимо рода репрессированного боярина. Фактически оно продолжало действовать и после того, как с князской земельной дачи снимались всякого рода вассальные обязанности и службы и она, по-видимому, переходила в разряд юридически (фактически — только для польской шляхты) мобильного условного держания. Все это вело к господству долевого принципа владения в князской колонии, относившегося не только к неделимым объектам, как то: мельница и корчма (доли определялись различно: "половина мельницы", "третья часть", "третий день в мельнице", "доход от шести варок пива в год", "колядки, жнецы, косари и коморники от троих подданных", "пожитки от троих подданных"), но и к земле (обычно — "часть", "участок" или "третья часть четвертой части войтовства и поповства в поле, обшарах... мельнице, корчме и работизне" и т.д.)⁵⁷. Соответственно размерам "участка" каждый член клана брал на себя свою долю расходов по снаряжению в поход одного из князей. Естественно, что возникновение выморочных долей вызывало необходимость переделов.

Нельзя в князьях, а тем более в солтывах (на западноукраинских землях последние являлись носителями польско-шляхетской католической экспансии) видеть "грозных защитников крестьянского самоуправления". Скорее можно согласиться с тем что они являлись феодалами низшего ранга, представителями подчиненной феодальной собственности⁵⁸. Критикуя идеализацию "демократизма" польской гмины, К.Маркс писал: "... факультативное парцеллирование создает своего рода крестьянское среднее сословие, сословие всадников, подняться до которого крестьянин может лишь пока предсложатся завоевательная война и колонизация, но эти же оба условия ускоряют его упадок. Как только этот рубеж достигнут, это сословие всадников, неспособное играть роль действительного среднего сословия, превращается в лимпен-пролетариат аристократии. Подобная же судьба *dominium* и крестьянина у романского населения Молдавии, Валахии и т.д."⁵⁹

Если корслевская власть терпела расхождение между законом и практикой, то в какой-то мере потому, что соблюдение волошско-

го права было вменено в обязанность первоначальными привилегиями. Законы о солтысах распространялись на князей лишь частично. Практика же основывалась на волошских обычаях. Средневековое обычное право подтверждает отсутствие прямой генетической связи между князствами и солтыствами, если только не возводить их к некоему гипотетическому индоевропейскому прототипу. В этой же сфере надо искать и секрет порядка усвоения власти в общине, составлявшей прерогативу князю. Спор о выборном (Т. Чацкий) или наследственном (А. Стадницкий) характере власти князя в селе решался в польской литературе в пользу показания локационных грамот: князства предоставлялись на "вечность". Д. Мототолеску уверен, что функция судьи была наследственной и передавалась по прямой линии, в отличие от немецкого права — только в мужском потомстве.⁵⁰ Т. Холбан полагал, что князь передавал власть старшему сыну и в равной мере относил это к собственно восточнороманским и галицким селам волошского права⁶¹. Н. Григораш, Э. Черня, и А. Чизмадя убеждены, что в Молдавии и Валахии глава общины (ватман, князь, солтыс и т. д.) избирался и утверждался представителем власти или феодалом⁶².

И. Линиченко утверждал, что не только все должностные лица общинного руководства, как по русскому, так и по волошскому праву, но и попы в Галичине XV в. были выборными⁶³. Только К. Кадлец в решении этого вопроса учитывал такой фактор, как семейная община. Он полагал, что, если на князстве водворялась целая семья, включавшая несколько взрослых женатых мужчин, они выполняли функции управления по очереди, каждый год новое лицо. Этот порядок сохранялся и в том случае, когда все эти лица жили "на оловм хлебе", имели отдельные хозяйства⁶⁴.

Множество свидетельств источников можно истолковывать как в пользу наследственного характера власти, так и в пользу ее выборности и утверждаемости. Разобраться в этом вопросе помогает одна, до сих пор не замеченная в литературе, терминологическая особенность. Князьями назывались все члены князюского клана в деревне (соответственно жена или мать князя именовалась княгиней). Поэтому термин князь был непригоден для обозначения лица, выполнявшего в общине функции главного начальника. Если в случаях представительства перед лицом вышних властей "князь" понимался однозначно — как официальное лицо общины, то в самой общине говорили не о князе, а о князьях во множествен-

ном числе. В обиходе сельской и крайниче-волостной администрации и сельского населения главу общины в Самборской волости чаще называли урядом (urząd) или урядником, в других местах - также ватаманом, тиуном, в ХУП - ХУШ вв. - во й т о м. Это вызвало путаницу в литературе. Р.Росетти и Т.Холбан утверждали, что в Молдавии функции князя в большинстве случаев выполнял судья либо повзе - ватаман⁶⁵. На самом деле, вероятно, князья выполняли функции судей и ватаманов. В правильности нашего понимания применительно к Молдавии убеждает тот факт, что: 1) термины к н я з ь, с о д ь я и в а т а м а н употреблялись там либо в одинаковом смысле, либо в отношении одного и того же лица, 2) наряду с ними там употреблялся и термин у р я д - н и к, выступавший рядом с термином ватаман, причем оба термина могли обозначать одно и то же лицо. По-видимому, первоначально термин князь обозначал "династический" титул, тогда как остальные - должность в общине, хотя в равное время и по-равному их могли в делопроизводстве сочетать альтернативно ("князь или тивон") или путать, например в ХІХ в. в Жидачевском повете термин князь обозначал даже должность. Функция управления общиной в источниках Самборской волости приписывается как князю, так и ватаману или тиуну (общины могли в ХУІ в. находиться "под управлением" - pod zarządem - князю, в них мог распоряжаться и ватаман - wataman rozkazuje, - он же тиун⁶⁶). Т и у н о в встречаем во многих "волошских" селах волости, но для Подбужской крайны этот термин специфичен (молдавская специфика?). Возможно, здесь этот термин являлся наряду с к н я з е м династическим титулом, иначе излишне было бы говорить о тиуне, что он одновременно был "урядом" (tyuon urząd) или "присяжным тиуном"⁶⁷.

В Самборском старостве должностные термины в а т а м а н и т и у н в ХУП в. сменяются термином у р я д (сборные реестры 60 - 70-х гг. освобождают от всех платежей часть князской земельной дачи, которая составляла долю князя - уряда), а с конца ХУП в. - в о й т.

Подобный порядок усвоения власти очень древний. У германцев, указывает Ф.Энгельс, старейшин "выбирают, как в Америке, большей частью из одной и той же семьи; переход к отцовскому праву благоприятствует, как в Греции и Риме, постепенному превращению выборного начала в наследственное право и тем самым возникнове-

нию знатной семьи в каждом роде"⁶⁸. При этом вождь, по словам К. Маркса, "теоретически и в б и р а м е н и", был практически наследственным в семье", а древнее родовое правило, по которому "старший родственник по мужской линии... был ближе к отцу умершего, чем сын последнего"⁶⁹, могло оставаться преобладающим. Наследственный характер власти князя не противоречил и русокому праву. Привилегированные тиунства в XVI в. являлись потомственно или пожизненно с перенесением доживотий на мужских потомков или предоставляли им экспектив⁷⁰. Думается, что споры о том, кем являлся западноукраинский тиун - выборным, наследственным, пожизненным или назначаемым лицом, беспредметны, если говорить о первоначальном институте (вне вотчинного режима).

В литературе отмечалась связь между княжеством и поповством, но вопрос отнюдь не сводится к отведению места для церкви и земельной дачи для священника локационными привилегиями. Эта связь была глубже и позволяет говорить о реликтах сакральной власти князя. Зачастую уже при закладке нового села князю поручалось разработать лан земли под церковный приход. Причем в локационных и подтверждающих грамотах поповство и церковь выступали в качестве принадлежности княжества (*ad eadem scultetiam adscribitur terra incoltae unum lanceum... ecclesiamque huiusmodi cum agro*) наряду с мельницей и котчмой⁷¹. Инициатива в осуществлении церкви и разработке лана земли исходила зачастую от самих князей, которые впоследствии добивались привилегий в свою пользу или в пользу сыновей и племянников, иногда - расширения первоначальных прав при подтверждении локационного привилегия. Король утверждал на поповстве либо конкретного, предложенного ему представителя княжеского клана - сына князя, либо всю семью (например троих братьев - князей Нанчулки), предоставив им самим или отцу семьи решать, кто из них наиболее подготовлен для роли попа, с тем чтобы затем утвердить его на поповстве "с потомством" (Лопушанка Олекнова, 1558; Заводка и Ильничек, 1568). До совершеннолетия своих сыновей князь (он же поп) мог замещать поповскую вакансию временно назначаемыми им лицами.

Поскольку в большинстве случаев санкция короля относилась к поповству, нередко уже перешедшему в наследство "по частному праву", в принципе при учреждении поповства она была формальной, и поповства основывались князьями в силу обычного права.

Формы дарений князьям и солтнство во многом неизбежно совпадают. И в том и в другом случае мы имеем дело с пожалованием на ленном праве, содержавшим уступку верховным собственником части земли, феодальной ренты, баналитетов и иммунитетных прав. Нельзя даже отрицать известного влияния стиля солтнских грамот, их рано устоявшегося трафарета на княжеские грамоты XVI в. Однако объем прав и обязанностей князя сложился независимо от формуляров этих грамот на обычно-правовой основе. Военная служба князя менее всего своим возникновением обязана немецкому влиянию. В XV в. все галицкие волохи должны были выступать в походы во главе со своими князьями и старостами либо панями, и только с начала XVI в. эта обязанность была заменена особым побором — "военщиной"⁷². Личная военная служба была связана, таким образом, с военной властью над поселенцами. С военной же службой связаны были и обязанность князя по уплате стации и его право на получение так называемой третины. Стацию платили те князья, которым полагалась третьина (*pro qua tertia parte tenebitur nobis... dare pro statione unam sexagenam*)⁷³. О князе из Яблонова сказано, что если он докажет право на третину, то будет платить 2 злотых стации, а князь из Задельска по доброй воле платил 20 грошей стации в знак того, что ему принадлежит третьина. От стации были свободны лишь те князья, которые несли более тяжелую личную военную службу — о двух конях. Стация являлась, таким образом, эквивалентом личной службы на одном коне. Третьина полагалась тому из князей, кто нес вассальные обязанности, количественно определяемые как военная служба о двух конях либо служба на коне и стация. Схема солтнского вассалитета несколько отличалась: количественное выражение военной службы зависело от размеров земельной дачи и поэтому было различным: "с одним лучником" (*cum uno sagittario*) (Стрелковичи, 1395)⁷⁴, "с копьем и двумя" (.Самбор, 1390)⁷⁵ или четырьмя лучниками" (Ст. Соль, 1421,⁷⁶ за что помимо земельной дачи полагался шестой грош с чинша и третий — с судебным штрафом.

Рассмотрим все элементы материальной дотации князя. А. Стадницкий, а вслед за ним и другие авторы ошибаются, утверждая, что земельная дача князя по обычаю составляла до 6 — 8 и более ланов. Даже в отношении солтнств следует иметь в виду,

что в общее число 8 - 12 ланов могли входить "скотник", выгон и I - 2 лана под костел, которые не являлись собственностью солтыса. Собственно солтыство в Стрелковичах имело 2 лана, в Лукавице (1430) - 3, в Ольшанике (1423) и Чукве - 4 лана⁷⁷.

Обычно дворюща (*curiola, agra*) и ланы (*lanei*) четко различались сперва по размерам, а с середины XVI в., когда дворюща были размеренны на ланы, - по функции. Дворюща второй половины XVI в. всегда располагалось в самом селе, на дворюща находилась селитьба нераздельной семьи князей, ланы могли быть на отшибе, в пустынном месте (*in solitudine*), "в поле или в лесу". Позднейшие локационные привилеи предоставляли князьям (*extra villam*) по два дворюща и больше, например, два целых дворюща в селе и лан в лесу, подлежащий раскорчевке (Волосянка, 1559; Кривка, 1558; Яблонка Дубовая, 1558), "дворюща и лан" (Ясеница, 1568)⁷⁸, но по размерам в большинстве случаев эти дворюща были ланами.

Князские привилеи обычно не выделяют лугов, пастбищ и т.д. Князь был равноправным участником в общинной альменде. Как и всякий крестьянский надел, князское дворюща было неразрывно связано с лазами, обшарами, лугами, лесами и т.д. Это значило, что князю принадлежали все примыкавшие к его дворющу (а не все вооше) "обрезки" - лазы и обшары, где могли находиться лес и луг, а кроме того, наряду с общинниками он имел право "вступов", "выгонов" и "врубов" в королевских лесах, полонинах и т.д. В частновладельческих имениях эти права подробно регламентировались, отсюда узнаем о праве рыбной ловли в реках и потоках, заводить ставки, разводить пчел, пасти скот на владельческих землях и на полонинах, охотиться (малая охота, иногда - на медведей и волков), брать из лесу валежник. В королевщинах эти права были шире. В конце XVI в. окарб решил обусловить безвозмездное пользование общинными землями общинной службой князя. Попытки обязать сверхштатных князей к уплате с каждого дома гривны за пользование пастбищем и лесом вызвали протесты с их стороны. Но все-таки декретом 1592 г. все князья, за исключением тех, которые выполняли князскую службу в общинах либо пользовались "вольностью" на основании первоначальных привилеев, были обязаны платить за это полгривны (24 гроша) с дома⁷⁹. Не являлось изначальным правом князей и владение площадью в конце села (*villagium, pawzie, silište*), где обычно стояла церковь или костел, иногда мельница, имелся выгон для мелкого скота и птицы и где солтыном немецкого права обычно разрешалось селить ремесленни-

ков. Таким правом пользовался по подтвердительной грамоте 1567 г. только князь Бережка⁸⁰.

Мельницы и корчмы в королевщинах являлись либо собственностью короля (скарбовые), либо солтысов и князей. Ими наделялись также тиунаты, поповства, а также возникшие в ХУ в. вольничества и выбранецтва - солтысства. Скарбовые мельницы сдавались феодалом из третьей мерки либо князьям и солтысам, либо самим общинам, либо выделялись вместе с земельным отводом в обособленные наследственные или доживотные привилегированные держания - мельничества (Стрелки, Тершов, 1519) с фиксированным годовым доходом скарбу. Такого рода привилегированные мельничества в селах волошского права были, однако, редкостью. И Стрелки и Тершов - старинные украинские села, постепенно перешедшие на элошский правовой статус. Привилегированные корчмарства находим исключительно в селах неволошского статуса.

Если мы обратимся к самым ранним инвентарям Перемышльского 1494-1497 гг. и Самборского 1507 г. (вместе с реестром сел 1495 г.) старость, которые фиксировали мельницы и корчмы только в том случае, когда они приносили доход скарбу, то убедимся, что в селах волошского права скарбовых мельниц и корчем не было⁸¹. Единственное исключение - это скарбовая мельница по реестру 1495 г. в Кобло, которая в инвентаре 1507 г. уже не показана⁸², поскольку привилеем 1499 г. право корчмы и мельницы перешло коблянскому войту. Но это отнюдь не значит, что в селах волошского права в XV в. не было вообще никаких мельниц. Трудно представить, что в районах развитого овцеводства не было ни одной шертобитной мельницы или "ступы" (фолыша). Фолыши, как и корчмы, по инвентарю 1568 г. во множестве случаев числились за общинами, хотя введенный к этому времени чинш за них нередко платили не сами общины, а прибавшие их к своим рукам князья. Князья стремились различными путями узурпировать это право общин - то ли путем элементарного "присвоения", то ли с санкции короля. Нередко право мельницы, фолыша и корчмы предоставлялось князьям в порядке расширения первоначальной дотации при подтверждении первоначальных грамот. При этом право мельницы и фолыша было сильнее, чем право корчмы. Нередко князья осуществляли его, не имея формального на то права. Розлучские князья, например, вдобавок к положенной привилеем мельнице самовольно построили вторую с сукновальной. И все-таки король в 1567 г., подтверждая старый

привилей, не только санкционировал явочное новоприобретение, но и под предлогом понесенных князьями осадничьих "трудов" разрешил им завести еще и корчму и дополнительно раскорчевать лан земли. Фактическое владение мельницей, санкционируемое для князей задним числом, — обычное явление, в то же время обозначенное привилеями право на нее не всегда сразу же реализовывалось. Нередко это право приобретало монопольный характер, иногда — с дополнительной земельной дачей. Право мельницы, а по Д. Мото-толеску и Р. Росетти, и корчмы в придунайских княжествах предоставлялось общинам и князьям, а на подвластных Венгрии землях вообще "волохам" еще в XIV в.⁸³ Можно полагать, что волошское право первоначально разрешало общинам заводить мельницы, сукновальни, корчмы, винодавильни. Князья первоначально присвоили себе право на 1/3 часть дохода, а затем узурпировали его полностью.

Существует мнение, что под к н я з о в о м следует понимать не только дотацию и права князя, но и всю территорию села, включая крестьянские наделы. С этим согласиться нельзя, хотя власть князевского клана распространялась на все село, население которого выполняло по отношению к этому клану известные обязанности. Т р е т и н а составляла долю князя в феодальной ренте. В самых ранних привилеях она определяется как третья часть дани с овец и свиней (Кобло, 1499), а также "с меда, судебных штрафов, кунц и выхода" (Макова, Перемышльское староство, 1497)⁸⁴ или "с бараньей дани третьего барана, со свиной дани третьего кабана", третий грош с "кунц" за девушек, выходящих замуж в другое село, с "выхода" за "кметей, которые переселяются в чужие села", и с малых судебных штрафов, тогда как большие оставались в компетенции старосты (Чержава, 1519)⁸⁵. В дарственной грамоте 1524 г. Олехно Татомиру специально оговаривалось, что с поземельного чинша и со стадийного всла, за которого община огульно платила 2 золотых, третья не положена⁸⁶. Следовательно, третья сформировалась тогда, когда пастушество составляло основу хозяйства волохов. Распространение третин на штрафы, "выходы" и "кунцы" свидетельствует о древности судебно-административных функций князя, причем интересен термин *wuklon* (ср. *vician*), т.е. в ы х о д, общий для галицких и восточнороманских источников.

Сокращение доходов от скотоводства и выдвижение на первый план поземельного чинша, поглотившего и денежный эквивалент не-

которых даней скотом, вызвало постановку люстратором 1568 г. вопроса: "третья - от свиней и баранов, отсюда сомнение, надлежит ли (князю) удерживать еще что-либо из главного чинша, кроме трех вепрей и баранов, которых выбирают на строуге" (сборе)⁸⁷. Князья Самборской волости в 1592 г. коллективно выразили недовольство специальной "ординацией" старосты Слостовского, разъяснявшей, что третину следует отчислять только с главного чинша ("за овец"), входившего в состав повземельного, и только тем князьям, которые осели на сыром корню⁸⁸. Позднее князья утратили право и на треть главного чинша и брали третину только с бараньей двадцатины, с платы "за шалашного барана" и за "сливные" (slawalne) сыры (Билич, 1604)⁸⁹, а к середине XVII в. упоминания о третины исчезают.

Третья известна у волохов с давних пор. В Хорватии волошские князья получали в XV в. третину от "осуда"⁹⁰. Правом на часть даней и третину судебных штрафов пользовались они и под венгерским господством в раннефеодальный период. Право на получение выкупа за выдачу девушки замуж и на треть судебных доходов испокон известно было и в Молдавии⁹¹. Опираясь на указанное Т. Чацким свидетельство 1378 г. о том, что штрафы в селах волошского права шли в пользу общины, П. В. Советов полагает, что судебная третья - результат первоначального приобщения князем права на получение 1/3 штрафов, композиций и поличного, однако в Молдавии XV в. третья сохранилась лишь в форме части поличного, а в галицких селах волошского права - лишь в форме части от штрафов⁹². Но на Сколевщине она шла и с поличного.

Различие между солтысом и князем в отношении права на часть доходов состояло не только в количественном выражении этой части, но и в ее форме и происхождении. Правда, совпадали доли князя и солтыса в судебных доходах, но солтысу, в отличие от князя, принадлежал суд не только в малых, но и в больших делах (*in causis tam magnis quam parvis non alibi nisi coram ipso* *sculteto, scultetus autem coram nobis* - Стрелковичи), включая уголовные (*furti, homicidii, incendii et membrorum mutilatione* - Лукавица). Черхавские князья в 1519 г. получили со сылкой на волошское право также "всю дань ягнятами" (*agnellum vero exactionem totam*). Однако этот обычай не получил распространения.

Другое происхождение имели поклоны, почеты, а также толоки князьям с населения, в основе которых лежали "добровольные" да-

ры и помочи, иногда в форме обмена дарами, в пользу лица, выполнявшего общественные функции, но затем переходящие в обявительные подати и ренты. Колядки (*columbationes*) и "калачи" (*tortas*): соответственно к рождеству и пасхе князьям преподносили калачи, кур, яйца. В 1560-х гг. стоимость их с каждых четырех надельных крестьянских дворов оценивалась в 5 грошей, но иногда они платили 4 гроша с двора⁹³. К концу ХУП в. крестьяне уже давали князю вместо калача полмерок (0,5 корца) овса с лана и о каждого двора - по курице и дюжине яиц (Стрельбичи)⁹⁴. Первоначально при поднесении колядок и калачей князь обязан был выставлять для крестьян праздничное угощение. Подобного рода приношения и под тем же названием, а также добровольные толоки в пользу князей и попов известны в Молдавии⁹⁵. От церковных приходов длительное время галицкие князюские кланы получали немалые доходы, хотя последние основывались исключительно на обычае. Это была прежде всего регулярная "скопщина" или десятина со снопов - "по копе овса" или "всякого зерна" со всех, включая князюские, дворы или ланов (иногда - "с каждого хлопа"), а также колядки на рождество, "праздничное на пасху" или "пасхальные яйца" (также птица, пряжа), "споведный и праздничный хлеб", в ХУП в. еще и "прокурное" по 15 грошей с двора и прочее⁹⁶. Попы получали также плату за отправление различных обрядов - исповедания, похорон (за погребение в 60-х гг. ХУП в. поп брал корову⁹⁷).

Толоки вошли в быт европейских народов как добровольная помощь соседу, обязанному выстать за это угощение⁹⁸. Толоки два дня в году обуславливались уже самыми ранними привилегиями князей (Тростянец, 1487; Кобло, 1499; Розлуч, 1511 - в пахоту и жатву; Кобло, 1508 - в жатву и косовицу), но князь обязан был угощать участников толоки выпивкой и едой (*quibus ipse comestitionem et bibitionem, ut moris est circa tales labores dare tenetur*)⁹⁹. С общественными работами, продукт которых вместе с землей, к которой этот труд прилагался, "узурпируется государственными чиновниками и частными лицами", К.Марко связывал происхождение отработочной ренты в Польше и Румынии¹⁰⁰. И в России "личная служба прямо превращалась в рабство, и даже при добровольных полевых работах и т.д. лишь с трудом удается предотвратить такое превращение"¹⁰¹. Трансформация добровольных услуг в постоянную работу сопровождалась их ростом и регламентацией. В подтвердительных грамотах ХУП в.

встречаем дополнительную - третью толоку (Плюске, 1661). Зафиксированные привилегии толоки превратились в повинные, сверх которых "войты" требовали еще и прошенных толок (с угощением). Увеличение барщинных обязанностей войтам к концу ХУ в. почти вдвое, часто основанное на недобросовестном толковании обычая, вынудило казну попытаться унифицировать их декретом 1692 г. по Самборской экономии, частично сохранившимся в подтверждении 1732 г. Нормой по декрету в пользу посессоров князств стало: 2 плуга с бородами с саяного лана, по жнецу и косарю с пол-лана, т.е. всего 6 дней в году, из них 2 дня тяглых. Сверх этой поземельной барщины полагалось две толоки в году; одна - повинная, "кто чем может", другая - прошенная с угощением, "чем обычай велит", с пивом и водкой. С каждого хозяйства на толоку должен был выйти один работник. Толоки назывались "важин" и "вакос", но бывали и "толочные плуги". Кроме того, посессору полагался с пол-лана воз буксовых или два - еловых дров, а также дополнительные работники с каждого двора - по вывозу на поле и разбрасыванию навоза или до оловке с поля и обмолоту снопов¹⁰².

Князь с земельной дачи был свободен от повинностей и платежей - nil dat - по стандартной отметке инвентаря 1607 г., и только князь из Ляховичей платил "кунцями". Чисто символический платеж в знак признания верховных прав собственника земли - in recognitione dominii, - обязывавший и крестьян и попов, возник из добровольного дара и поэтому носил название поклон и почета или почет (honorabilitiones). В 1668 г. князья (кроме княжеского) "на оба сбора" платили 12 (иногда 8 или, как и попы, 10) грошей, являвшихся эквивалентом трех сыров: два - ва "ярный сбор", один - "осенний сыр". Собственно поклон оставили по грошу на каждый сбор. В 1631 г. впервые названо "приступное", платимое попами и войтами на сбора. (на адогу ггаустрпе 1 одвтерне)¹⁰³. Во второй половине ХУ в. все категории населения, включая князей, платили во время сборных судов "поклон" и "приступное" по 12 - в Ильницкой и Любохтской и по 6 грошей в остальных Самборских крайках с лана и столько же - с каждого "хлебника"¹⁰⁴.

Князь нес военную службу на коне или с двух конях, иногда только лично. Иногда с лучником и копейщиком, в более ранний период - во главе односельчан, при "волошоком оружии" ("cum arcu

et telis ac cum reliquo valachico apparatu", "cum hastra, gladio et securi", "cum arcu et sagittis)¹⁰⁵. Иногда участие в войне требовало выступления в поход (ad generalem expeditionem), иногда сводилось к замковой сторожевой службе и к готовности выполнить любое распоряжение старосты и короля¹⁰⁶. Военная служба была не только обязанностью, но и привилегией, открывавшей доступ в шляхетство.

Своеобразие службы князя по выборам в самой общине как в рамках села, так и в пределах крайны состояло в том, что она была привязана к князю или семье или клану и в своем первоначальном виде соединяла административную, судебную, военную и духовную власть. Отмечавшаяся в литературе тесная связь с общиной в сфере суда распространялась на другие сферы его деятельности, находя свое выражение в олитной формуле "вся громада и князь", "уряд и громада"¹⁰⁷. В то время как со стороны сверху навязан общине, князь органически вырос из общинного строя, звеня которого хорошо обрисованы Самборским люстратором 1568 г.: князь подчиняется подданные, которые сами между собой поддерживают порядок. Дважды в году они собираются в город на оборн, куда князь доставляет чинши, поклоны, сыры и т.д. Князь в свою очередь находился в подчинении крайника (воеводн). Декларация сборового суда 1603 г. устанавливала кару на горле (т.е. смертную казнь) за неподчинение князю в важнейших "скарбовых" делах с конфискацией имущества¹⁰⁸. В этом нашла выражение очень старинная теория власти, которая в XVI-XVII вв., однако, оставалась теорией (на практике дело ограничивалось публичными извинениями). Теоретический интерес института князя состоит в том, что своими корнями он упирался в славяно-волошскую социальную структуру военной демократии с военно-аристократическим элементом. Смятая верхними слоями феодального общества, эта система дошла до нас в виде очаговых сельских инфраструктур.

Эволюция института галицких князств носит вторичный, реликтовый характер. Допустимо, что у восточных романцев этот институт в заключительной стадии сохранял в рамках устойчивого равновесия феодальной структуры потенциал циклической социальной эволюции. "Остаточный динамизм" показывает возможность формирования князюской клановой долевого общины, надстроенной над крестьянской в рамках села или крайны как типичный переход от родовой общины к территориальной. Этот феномен имеет паразител

ную аналогию в хиндустанской заминдарской общине, особенно общине подсобственников раджутокого или княжеского клана (тоже составлявшего "феодалную" республику"), которая по долевному принципу делала праздничные приношения, бесплатные годовые "толоки" и (не всегда имевшуюся) часть феодальной ренты с лично зависимых "арендаторов"¹⁰⁹. В противоположность этому институт солтыса или войта на собственно немецких землях уже в средние века выкристаллизовался главным образом в представительство сеньориальной власти (Schultheiss, Vogt наряду с Mayer, Maire, Keller). И если этот термин продолжал прилагаться к наследственному или ежегодно и поочередно сменяемому шефу общины¹¹⁰, то наряду с более характерными.

Примечания

¹ Bernhau M. Przyczynki do historii prawa niemieckiego i wołoskiego w województwie ruskim. - "35 sprawozdanie dyrekcji gimnazjum w Brodach za rok szkolny 1912/1913"; Dlugopolski E. Przyczynki do osadnictwa wołoskiego w Karpatach. - Sprawozd. kierownictwa filii gimnazjum św. Jacka w Krakowie, 1916, s. 8; Boshaniewicz St. Wójtawstwa i soltystwa pod względem prawnym i ekonomicznym w ziemi Lwówskiej. - "Studia nad historią prawa polskiego", t.7. Lwów, 1921, s. 33; Kaindl R.F. Jus Valachicum. - "Записки Научного товариства ім. Шевченка" (далее: НТШ), т.138-140. Львів, 1925, с.12.

² Stadnicki A. O kniazwach we wsiach wołoskich z poglądem na wójtawstwa we wsiach na magdeburskim prawie osadonych. Lwów, 1853, s.4 (далее: О князтвах...)

³ Dobrowolski K. Migracje wołoskie na ziemiach polskich. - "Радзетник зjazdu historyków polskich w Warszawie". Referaty. Lwów, 1930, s.145, 146 (далее: Migracje...).

⁴ Lubomirski J.T. Pólnosno-wschodnie wołoskie osady. - "Biblioteka Warszawska", t. 4(60), 1855, s.38-40.

⁵ Линниченко И.А. Черты из истории сословий в Юго-Западной (Галицкой) Руси в XIV-XV вв. М., 1894, с.190-193.

⁶ Kadlec K. Valaši a valašské právo v zemích slovan-ských a uherských v úvodem podávajícím přehled theorii o vzniku Rumunského národa. Praha, 1916, s.319-329.

⁷ Mototolewcu D.D. Jus Valachicum in Polonia. - "Studii din istoria dreptului vechiu românesc.", I. Buc., 1916, p.107.

⁸ Bogdan I. Über die rumänischen Knesen. - "Archiv für slavische Philologie", B. 25, Heft I. Berlin, 1903, S.523.

⁹ Holban Th. Cneazul - contribuție la jus Valachicum din Polonia. - "Cercetări istorice revistă de istorie românească", N I. Iași. 1936, p.65.

10 Гошко Ю.Г. До питання владської колонізації Східних Карпат. - "Тези доповідей УІ Української славистичної конференції 13-18 жовтня 1964 р." Чернівці, 1964, с.183. Он же. "Труди УІ Международного конгресса антропологических и этнографических наук. (3-10 авг. 1964)", т.II, М., 1971, с.708.

11 Stadnicki A. O kniastwach..., p.3-4.

12 Lubomirski J.T. Op. cit., p.38-39.

13 Holban T. Op. cit., p.62, 64.

14 Dobrowolski K. Migracje..., s.5, 21. I d e m. Studia nad kulturą pasterską w Karpatach północnych. - "Wierzychy", R. 29. Kraków, 1961, s.6; P a s t n a c h t A. Osadnictwo ziemi sanockiej w latach 1340-1650. - "Prace Wrocławskiego Towarzystwa Naukowego", ser. A, N 84. Wrocław, 1962, s.217; W o l s k i K. Stan polskich badań nad osadnictwem wołoskim na północ od Karpat. - "Rocznik Przemyski", 1958, s.217.

15 Бурцев Б. Территориализация катунских организације до края ХУ вјека (катун - кнежина - племя). - "Симпозиум о оредн(ов)ековном катуну одржан 24 и 25 новембра 1961". Сарајево, 1963, с.144,154.

16 Archivum Główne act dawnych w Warszawie (далее: AGAD) M.L., ds. 4, N 22, k.1-2.

17 Dobrowolski K. Migracje..., s. 144.

18 Wyrostek L. Ród Dragów-Sasów na Węgrzech i Rusi Halickiej. - "Rocznik Polskiego Tow. Heraldycznego", t.11. Kraków, 1932, s.11-16, 31-33, 137-138, 144-145.

19 Procharska A. Materiały archiwalne wyjęte głównie z Metryki Koronnej od 1348 do 1607 r. Lwów, 1890, N 70.

20 AGAD, M.L., ds. 4, N 22, k.375.

21 Stadnicki A. O wsiach tak zwanych wołoskich na północnym stoku Karpat. Lwów, 1848, s.31. P a s t a n a c h t A. s.29, 30, 166-167. P a p e e F. Skole i Tucholszczyzna. Lwów, 1891, s.17, 114-116.

22 Lysiak L. Własność sołtysia (wójtowska) w Małopolsce do końca XVI wieku. - "Zeszyty naukowe Instytutu Jagiellońskiego", t.94, sess. 15. Kraków, 1964, s.84-91.

23 Wyrostek L. Ród Dragów - Sasów na Węgrzech i Rusi Halickiej.

24 Grodescki R. Początki sołectw w dawnej Rzeczypospolitej. Warszawa, 1949; R u s i Ń s k i W. Drogi rozwojowe folwarku pańszczyznianego. - "Przegląd Historyczny", t.46, 1956.

25 Rutkowski J. Studia z dziejów wsi polskiej XVI XVIII w. Warszawa, 1956, s.73-75; M o t o t o l e s c u D. Op. cit., p.89-96.

26 Kutrzeba St. Historia ustroju Polski w zarysie, t.I. Wyd. 6. Lwów - Warszawa, 1925, s.132.

27 Dobrowolski K. W sprawie skupu sołectw w Polsce w XV i XVI wieku. - "Kwart. Historyczny", R. 38, 1924, s.18; L y s i a k L. Op. cit., p.37-38.

- 28 W y c s a ń s k i A. O folwarku szlacheckim XVI stulecia. - "Kwart. Historyczny", 1954, N 4; T e n ś e. Studia nad folwarkiem szlacheckim w Polsce w latach 1500-1580. Warszawa, 1960.
- 29 V e t u l a n i A. Genesa statutu warockiego o wykupie sołectw. - "Kwart. Historyczny". Warszawa, 1969, N 3, s. 565, 575-576.
- 30 AGAD, M.L., dz. 4, N 22, k. 194; ASK, dz. 56, s. I, N 656, k. 92. (26).
- 31 S t r z e t e l s k a - O g r y n b e r g o w a Z. Staromiejskie ziemie i ludność. Lwów, 1899, s. 140.
- 32 AGAD, ASK, dz. 56, s. I, N 656, k. 83(17)-89(23).
- 33 Maticularum Regni Poloniae Summariae, p. IV, vol. I, Warsowie, N 30320 (dalej: MRPS); НБ Львов. гос. ун-та, д. 520, к. 241, об.; Д. 517, л. 174.
- 34 AGAD, M.L., dz. 4, N 22, k. 431-432.
- 35 S t a d n i c k i A. O kniaztwach..., s. 4.
- 36 М а т е р і а л и , № 73, 74, 82, С т о р і н к а в і с т о р і ї о л ь с ь к о г о д у х о в е н с т в а (п о с а м і р с ь к и м а к т а м Х V I в.) А к т и . (д а л е е : С т о р і н к а . . . - "З а п . Н Т Ш " , т . 3 4 , Л ь в і в , 1 9 0 0 , № 2 4 .
- 37 R e w i z j a p r a w , p r z y w i l e j ó w m i e s t o m , w s i o m s l u ą c y o c h , o r a z n a w ó j t o w s t w a , k n i a z t w a , s o ł e c t w a . . . w e k o n o m i i s a m b o r s k i e j . . . r o k u 1 7 6 6 (d a l e e : R e w i z j a) . - " D o d . m i e s . d o G a z . L w . " , 1 8 7 2 , t . 2 , s . 5 3 .
- 38 MRPS, p. IV, vol. I, N 19855.
- 39 Historia chłopów polskich, t. I. Lud. Spółda. Wyd., 1970, s. 337.
- 40 С т о р і н к а . . . № 5 , 5 7 ; В ы к у п н у ю ц е н у о с т а в л я я к а п и т а л и з о в а н н ы й и з 1 0 % д о х о д п л о о ц е н о ч н а я о т о и м о щ ь н е д в и ж и м о щ и . (Н а у ч н а я б и б л и о т е к а Л ь в о в . г о с . у н - т а , д . 5 5 1 , л . 3 5) .
- 41 K i e ł b i c k a A. Studia nad sołectwami w wojewódstwie krakowskim w XVI-XVIII w. - "Boczniki Tow. Nauk. w Toruniu", r. 70, zes. 2, 1964, s. 17-19, 22.
- 42 S t a d n i c k i A. O kniaztwach ..., s. 19; M o t o t o l e s c u D. Op. cit., p. 90; K i e ł b i c k a A. Op. cit., p. 13; Historia chłopów polskich, t. I, s. 338.
- 43 F a s t n a c h t A. Katalog dokumentów Biblioteki Zakładu im Ossolinskich część I (z lat 1507-1700). Wrocław, 1953, N 809.
- 44 Op. cit., f. 815.
- 45 K i e ł b i c k a A. Op. cit., p. 59, 81.
- 46 M o t o t o l e s c u D. Op. cit., p. 102-103. L y s i - a k I. Op. cit., p. 84.
- 47 K i e ł b i c k a A. Op. cit., p. 59-60.
- 48 НБ Львов. гос. ун-та, д. 566, № 81; ЛЦМА УССР, ф. 159, оп. 2, д. 755, л. 4, и др.
- 49 НБ Львов. гос. ун-та, д. 513, л. 26.

- 50 Там же, д.555, л.9 об. (1767).
- 51 Historia chłopów polskich, t.I, s.340. Т р з у н а Е. Stosunki społeczno-ekonomiczne w walka chłopów starostwa krośnińskiego z uciskiem starościńskim i militarym drugiej połowie XVII wieku. - "Rocznik Przemyski", t.9, zes.9, Przemysl, 1960, s.68.
- 52 НБ Львов. гос. ун-та, д.630, л.1-45; д.543, л.1-46.
- 53 Там же, д. 533, л. 384; д. 566, № 173; д. 555, л.34 об., 70; R u t k o w s k i J. Studia ..., s.66, Т р з у н а В. Położenie ..., s.167; К и е ї б і о к а А. Op. cit., p.59.
- 54 Historia chłopów polskich, t.I, s.339.
- 55 НБ Львов. гос. ун-та, д.630, л.12; д.638, л.148, 161; В е в и з я р г р а в (т. 2), s.120. (Задецько, Волосянка Вал., Кондратов, Лопушанка Олехн.).
- 56 Марко К. и Энгельс Ф. Соч., т.45, с.157.
- 57 НБ Львов. гос. ун-та, д.517, л.144, 244, 826 об., 561; л.22, 68, 228 об., 330; д. 557, л. 272 об. Попи получали доли в князствах и князя в поповствах. (Там же, л. 9, 62, 273).
- 58 W u s z a n s k i A. Op. cit.; B y w i a k L. Op. cit., p.119.
- 59 Марко К. и Энгельс Ф. Соч., т.29, с.63.
- 60 M o t o t e l e s c u D. Op. cit., p.120.
- 61 Н о л б а н Т. Op. cit., p.72, 75.
- 62 G r i g o r a s M. Instituții feudale din Moldova, I. Buc., 1971, p.416, 419; C a i m a d i a A. Dorfgemeinschaften in Südost-Europa nach dem Mittelalter. - "Congrès international consacré à l'histoire comparative des communautés rurales. Warsaw, 1976, 25-30 mai (rapport de synthèse), N 115 bis, p.3.
- 63 Д и н н и ч е н к о И.А. Указ. соч., с.166-167.
- 64 K a d l e c K. Op. cit., p.275, 325.
- 65 R o s e t t i R. Rămânul, sătenii și stăpânii în Moldova, v.I. Buc., p.36.
- 66 Ж е р е л а. До історії України. Русь, т.1, Львів, 1895, с.239; НБ Львов. гос. ун-та, д.517, л.509.
- 67 НБ Львов. гос. ун-та, д.520, л.566.
- 68 М а р к о К. и Э н г е л ь с Ф. Соч., т.45, с.395. См. также на с.400.
- 69 Там же, с.399, 401.
- 70 MRPS, p. IV, vol. I, N 4390, 6923; vol.3, Warsaw, 1908, N 21281; K a d l e c K. Op. cit., p.325.
- 71 С т о р і н к а ..., № 36.
- 72 D a b k o w s k i P. Wołosi i prawo wołoskie w dawnaj Polsce. - "Studia ku ocie St. Kutrzeby", t.I. Kraków, 1938, s.107.
- 73 AQAD, M.L., ds.4, N 22, k.355.

- 74 Д о к у м е н т а ... - "Dod. mies.", 1872, t. I, № 1.
- 75 AGZ, t. 6. Lwów, 1876, № 2.
- 76 P r o c h a n k a A. Materialy ..., № 44.
- 77 AGAD, M. L., dz. 4, № 22, k. 433; P r o c h a n k a A. Materialy ..., № 45.
- 78 Там же, л. 330. С т о р і я н к а ... с. 403, 404 (№ 34).
- 79 ЛДИА УССР, ф. 9, т. 360, с. 466; ф. 13, т. 308, с. 1623.
- 80 AGAD, M. L., dz. 4, № 22, k. 329.
- 81 Описи Перемишльского староства 1494-1497 р. - "Зап. НТШ", т. 19. Львів, 1897, с. 1-24.
- 82 AGAD, ASK, dz. 56, s. I, № 657; № 656, k. 85(19).
- 83 Bogdan I, Op. cit., p. 543, Rosetti R. Rămăni-
tul, satenii și stăpânii în Moldova, T. I. Buc., 1907, p. 26-27;
Mottolevescu D. Op. cit., p. 107-108.
- 84 Описи Перемишльского староства, с. 21.
- 85 М а т е р і а л и ..., № 24.
- 86 MRPS, p. IV, vol. I, № 4422.
- 87 AGAD, M. L., dz. 4, № 22, k. 63.
- 88 Ср. там же, л. 77; ЛДИА УССР, ф. 16, т. 143, с. 146; ф. 13, т. 308, с. 1625.
- 89 НБ Львов. гос. ун-та, д. 561, л. 43.
- 90 Ф и л и п о в и ч М. С. Указ. соч., Симпозиум о средн.
катуны. Сараево, 1963, с. 82, 102.
- 91 История Молдавской ССР. К. л и н е в, 1966, т. I, с. 82; Мохов Н. А.
Молдавия эпохи феодализма. Кишинев, 1964, с. 107-108.
- 92 С о в р т о в П. В. К вопросу о правильном освещении по-
нятия "третья" в имунитетных грамотах XV века. - "Известия
МФ АН СССР", № 5(83). Кишинев, 1961, с. 18.
- 93 AGAD, M. L., dz. 4, № 22, k. I. Жерела, т. I, с. 243.
- 94 НБ Львов. гос. ун-та, д. 566, № 34; д. 527, № 10; д. 521, № 238.
- 95 Н о л в а н Т. "Fori", p. 69; История Молдавской ССР,
т. I, с. 82.
- 96 С т о р і я н к а ..., № 56, 57, 59. "Літоп. Болк.",
1936, № 6, с. 68; НБ Львов. гос. ун-та, д. 526, № 105; д. 533, № 86;
д. 557, л. 272 об.; д. 516, л. 3 об., 13 об.; д. 517, л. 62.
- 97 НБ Львов. гос. ун-та, д. 536, л. 4.
- 98 А н о х и н Г. И. Общинные традиции норвежского крестьянства. М., 1971, с. 150, 156.
- 99 P r o c h a n k a A. Materialy ..., s. 141.
- 100 М а р к с К. и Э н г е л ь с Ф. Соч., т. 25, ч. II, с. 367-368.
- 101 Там же, т. 45, с. 388.
- 102 НБ Львов. гос. ун-та, д. 527, 566, № 37.

- 103 ЛИЦА УССР, ф.16, т.151, с.1550-1551.
- 104 НБ Львов. гос. ун-та, д.514, 515.
- 105 AGAD, M.L., д.4, N 22, к.348. М а т е р і а л и. - "Зап. НТШ", т.64, с.84.
- 106 С т о р і н к а ..., с.43, М а т е р і а л и. - "Зап. НТШ", № 22, с.366, 381, 403, 404, 412, 432, 437.
- 107 НБ Львов. гос. ун-та, д.517, л.322; д.522, л.76, об.
- 108 Там же, д.551, л.105-109, 137-147.
- 109 А л а е в Л.Б. Социальная структура индийской деревни. М., 1976, с.75, 86; 128-146.
- 110 G a n g h o f f e r R. Aspects originaux des communautés rurales en Alsace du 13-e au 18-e siècles. - "Congrès international... 1976, Résumé N 56, p.3. B l a s c h k e K. Die Entwicklung der Dorfgemeinde in Sachsen von 12 bis zum 19 Jahrhundert. I b i d. Résumé N 66, p.3-4.

Д.В.Думнич
(Львов)

"ВОЛОХИ" ЗАКАРПАТЬЯ ПО ДАННЫМ ГРАМОТ XIV В.

Роль "волохов" в процессе средневековой колонизации Закарпатья как в советской, так и зарубежной историографии изучена еще недостаточно, хотя сохранилось много письменных источников, имеющих к этому вопросу непосредственное отношение. Среди них в первую очередь следует назвать грамоты XIV в., оставленные по распоряжению венгерских королей церковью, государственной комитатской администрацией и отдельными феодалами (дарственные и о перераспределении собственности). Эти грамоты опубликованы И. Михали в фундаментальном сборнике¹, который фактически является первым сводом актового материала о "волохах" не только Марамурешья, но и вообще Закарпатья.

Буржуазные исследователи на основании этих источников освещали в первую очередь историю феодальной "волошской" верхушки, пренебрегая классовыми отношениями, а также извращая и саму историю заселения Закарпатья.

В той или иной мере проблемой "волошской" колонизации украинского Закарпатья занимались К. Кадлец, Д. Крынджалов, В. Беляй, Г. Петрова, А. Добоши, Д. Чанки, А. Филиппак, Л. Галди, Л. Маккаш, Г. Моллер, И. Мога, И. Кемень, И. Богдан, Е. Мальюс, Т. Легоць-

ки, И. Лупаш, И. Михали, Т. Морарку, В. Мотонья, Й. Паш, И. Силадьи, Н. Драган, Х. Бидерман и другие², а из советских ученых Б. Д. Греков, В. И. Дракокруст и др.

Из работ по этому вопросу современных зарубежных исследователей можно назвать, например, труды венгерских (Л. Дече и Г. Дьерфи³), чехословацкого (О. Ставровский⁴) и румынских историков (Р. Попа, А. Баран, М. Голбан, П. Олтеану, Е. Петрович, И. Попович, Ш. Штефанеску, П. Биндер, И. Бырля, К. Чиходару, А. Дайкович и др.)⁵

О проживании "волохов" в юго-восточной части Закарпатья свидетельствуют королевские грамоты от 1317, 1326 гг. Первая выдана волоху Драгошу, сыну Драгомира, отцу воеводы Саса и деду известных позже крупных феодалов-комесов и воевод Марамуреша Балка и Драга в овязи с именными Дольфалва и Ниреш⁶, вторая - кнезу Станиславу на землю Зурдуки в комитате Марамуреш⁷. Оригинал грамоты от 1317 г. не сохранился. Существует только запись, сделанная в 1752 г. (по К. Кадлецу 1763 г.) комиссией, проверявшей грамоты⁸.

Р. Попа считает, что можно говорить о нескольких "волошских селах" в Марамуреше до 1300 г. Это мнение основывается на известии о существовании одной церкви до половины XIV в. в с. Кухя на месте кладбища, а также сведениях археологических памятников в Сэрэсэу. По предварительной датировке, такая церковь существовала до XIV в. и в районе г. Сигета на террасе Ронишоара. Здесь открыто поселение, которое началось в начале XIV в.⁹ Р. Попа утверждает, что эти два археологических памятника представляют собой древнюю фазу материальной культуры волошских сел периода XIV в., представленных археологическими открытиями в Кухе, Онцешти, Длешти и других местах Марамуреша¹⁰.

Р. Попа отмечает, что об украинцах в Закарпатье можно говорить только с конца XIV - начала XV в.¹¹ Но этому противоречат как археологические материалы VIII-XIII вв., так и грамоты XIII-XIV вв., которые засвидетельствовали в Закарпатье компактно проживавшее восточнославянское население. В Закарпатье, которое издавна являлось важным западным форпостом Древней Руси выявлено сейчас более 40 славянских археологических памятников VIII-XIII вв.¹² "Волохи" только дополнили контингент автохтонного восточнославянского населения Закарпатского региона.

Как указывает Я. С. Мельничук, буржуазные румынские исследователи переоценивали роль волошского элемента в волошской

колонизации", кроме того, "делались попытки именно только им приписывать все явления экономического и социального прогресса"¹³.

В науке сложилось мнение, основанное на документальном материале, что под "волохами", завидетельствованными грамотами XIV в., следует подразумевать не только восточнороманское население, но и украинцев, что в Карпатах название "волох" обозначало не только принадлежность к волошской этнической общности, но и определенную категорию людей (как волохов, так и украинцев), занимавшихся пастушеством¹⁴. Как только данная категория людей оставляла это занятие, она теряла все "волошские" привилегии и, естественно, название "волох", поскольку оно больше не отвечало их роду деятельности и социальному положению¹⁵.

Л.Дже приводит список "волошских" сел закарпатских комитатов, в которых в XVI в. проживали в основном не волохи, а украинцы. Например, в районе марамурешских сел Петрово, Леордина, где уже с начала XIV в., бесспорно, жили волохи, в районе р.Иза около сел Розавля, Йод, Коньха (Кухня), Драгомирешть, Горничешть, Иллешфалва, Окна-Шугатаг, в долине р.Русковы (украинцы составляли большинство) и других местах, т.е. в центре этнического волошского района, в XIV в. проживали украинцы. Л.Дже делает вывод, что среди "волохов", переездившихся из Трансильвании в Закарпатье, были не только волохи, но и украинцы¹⁶. Это не значит, что до того времени территория Закарпатья была пустой, не населенной, что переселившиеся из Трансильвании "волохи"¹⁷ составили основное ядро населения Закарпатья. "Волошское" население только пополняло восточнославянское. Оно заселило более компактно территорию, примыкающую к украинскому Закарпатья¹⁸. Кроме того, не следует забывать, что формирование "волошских" сел проходило не только за счет новоприбывших, в процесс "волошской" колонизации могло включиться также и украинское население, подвергавшееся естественной волошской ассимиляции. Украинцам были выгодны принципы поселения на так называемом волошском праве.

Значительное волошское население в XIV в. проживало вместе с украинцами в юго-восточной части Марамуреша, где и в настоящее время в некоторых селах Советского Закарпатья и на смежной территории Румынии проживают их потомки. В других районах Закарпатья (Берег, Унг) этнические волохи исчезли вследствие естественной многовековой ассимиляции и переселения¹⁹.

Вместе с тем в XIV в. именно Марамуреш был наиболее заселен волохами. Их поселения, перемежавшиеся с украинскими, как свидетельствуют грамоты, находились в основном в юго-восточной части Марамуреша, граничащей с Трансильванией (район Иза, Сигет, Капто).

Вторым, более значительным, очагом "волошской" колонизации был комитат Берег, на территории которого грамоты XIV в. зарегистрировали южнее г. Мукачева "волошские" села. В грамоте королевы Елизаветы от 1364 г. упоминаются следующие: Доробратово, Медяница, Арданово, Загатые, Завидово, Коропец, Лалово, Колодное (Шандрово), Станово²⁰. Последнее было центром этих "волошских" поселений²¹. А. Петров считает, что упомянутые села основали волохи, хотя этому мнению противоречат славянские названия сел. Этнические волохи в этих землях проживали "... уже в начале XIV в." Л. Деже полагает, что в поселениях дворянские семьи волошского происхождения (Билкеи, Илошвай, Камлоши, Ракоци, Довгаи, Липчеи), а в юго-восточной части комитата "волохи" были в большинстве украинцами...²² Об этом свидетельствует грамота короля Матьяша I Хуньяди (Корвина) от 1493 г., в которой эти села не упоминаются как "волошские"²³. Как указывает Л. Деже, украинское население, прозываемое "волохами", проживало в XIV в. также и в селах Чинадиевской долины²⁴. Во всяком случае церковная статистика начала XIX в. не находит здесь никаких признаков этнических волохов.

В XIV в. появляются "волохи" из семьи Драгфи в восточной и юго-восточной части комитата Сатмар. Среди этих "волохов", по мнению Л. Деже, "... были и украинцы". Население сел Калинешть, Таршольц, Ракша, соседних с комитатами Марамуреш и Уточа, было, например, частично или полностью (с. Лекинца, С. Камарзана) украинским. Остальные села этого района комитата Сатмар Ф. Макшай считает волошскими, но имена и топонимические названия из района Аваш и юго-восточной части комитата Сатмар дают возможность предполагать, что и здесь было кроме этнических волохов волошское и украинское население²⁵.

В XIV в. в южную часть комитата Уточа происходило переселение волохов из соседнего комитата Сатмар, из района Аваш. Славянский характер имен жителей этих поселений заметил И. Сабо, хотя подчеркнул, что доминирующая роль в этих поселениях принадлежала этническим волохам или, в крайнем случае, они превосхо-

дили украинский этнос²⁶. Первые "волошские" поселения в комитате Угоча, в районе Авал, по мнению И.Сабо, возникли между 1337-1378 гг.²⁷ Они существовали здесь и в XIX в.²⁸

В середине XIV в. появляются "волохи" и в комитате Унг. Об этом сообщается, например, в грамотах от 1337, 1365, 1378 гг. в с.Коромля, в 1348 г. - в Еоенове, в 1378 г. - в Доманинцах. На основании упомянутых в грамотах волошских имен А.Петров делает вывод, что здесь действительно жили волохи²⁹. Д.Дже считает, что "волошское" население в комитате Унг не составляло компактную область, как это было, например, в комитатах Марамуреш, Угоча и Берег, что под "волошским" населением "... и здесь надо понимать и украинцев"³⁰. Это подтверждает грамота от 1437 г. В ней сообщается, что в с.Коромля именно украинский, а не волошский священник и некоторые крестьяне имели украинские имена³¹. В XIX в. этнических волохов здесь уже не было.

Проведенный анализ топонимической номенклатуры Д.Крынджалоным и Л.Дже показал, что наиболее значительное число волошских названий имеется в комитате Марамуреш (и Угоче. - Д.Ю.), меньше в комитате Берег и незначительно - в комитате Унг³².

"Волошская" колонизация в XIV в. охватывала все новые и новые территории исторического Закарпатья. Приблизительно с середины 30-х гг. XIV в. имеются известия о "волохах" на территории Восточной Словакии (например, в центральной Земплинщине)³³. Быстрому развитию процесса "волошской" колонизации способствовал тот факт, что новое волошское право, на котором селились "волохи", более соответствовало экономическим потребностям ведения сельского хозяйства того времени в горах и в предгорьях, где главное место в хозяйстве отводилось пастушесству³⁴, а второе - земледелию.

"Волошское" население обитало также и в западной части Восточной Словакии. Уже в 1402 г. папа Бонифаций IX приказывал спышскому препошту "... отпускать грехи "Ruthen" и "Valach" также в тех случаях, которые обыкновенно входят в компетенцию только епископов"³⁵. По мнению О.Ставровского, здесь следует подразумевать две категории населения не только по этническому происхождению, но и по их занятиям³⁶. Оба термина относились к представителям одного этноса. Это видно из того, что в районе с.Ломного в 1356 г. упоминаются "Ruthenow seu Valachow. По мнению О.Ставровского, данный факт "мог бы указать на земледель

ческо-пастушеский характер населения", а также на то, что "здесь происходила дифференциация по характеру занятия"³⁷. В этом отношении заслуживает внимания мысль Д.Крынджалова, который утверждал, что романского (т.е. волошского. - Д.К.) населения по мере его продвижения на запад становилось все меньше уже начиная с восточных районов Карпат, где в их среду влилось много представителей местного населения. Кроме того, Д.Крынджалов считал, что украинский элемент среди "волохов" был значительным и местное автохтонное население определенного национального района Карпат создавало главную основу "волохов"³⁸. Следует также иметь в виду, указывает Д.Крынджалов, что дворянство, которое имело множество имений как на территории Словакии, Моравии, так и в Трансильвании, по всей вероятности, по мере необходимости переселяло отдельных лиц, а возможно и целые группы крепостных в свои отдаленные владения³⁹. Среди этих переселенцев, естественно, могли быть этнические волохи, украинцы, венгры и т.д. П.П.Чучка пишет, что нередко со своих мест снимались целые села и переселялись в другие районы⁴⁰. Активным компонентом в этом процессе был волошский этнос и "волохи" - пастухи украинского происхождения.

Итак, восточнороманские элементы в Закарпатье XIV в. составляли определенную часть, которая на протяжении многих веков подвергалась естественной ассимиляции со стороны господствующего здесь восточнославянского этноса. Существование этих восточнороманских элементов подтверждают современные топонимические и ономастические материалы Закарпатского региона.

С появлением "волохов" в Закарпатье начинается формирование и их автономное административно-территориальное управление в форме воеводства, основанное на системе кнезата. Известие о воеводе на юго-востоке Закарпатья - Марамуреше и Угоче впервые встречаем с 1303 г. (Например: "Благородному пану и честному Николаю воеводе комесу из Угоча и Мараморош". А также: "Воевода Николай, сын Мауриция, комес Угочи и Марамороша...")⁴¹. Был ли этот воевода волохом или славянином, пишет К.Кадлец, невозможно установить.

Данные о Марамурешском воеводстве содержатся в письменных памятниках позднейшего периода, когда грамоты начинают упоминать в этом районе уже непосредственно волохов. Р.Попа перечислил марамурешских возвод начиная с 1320 г., например, Кодри, Богдан, Опря, сын Кодри, Исани, сын Иуги, Стефан, сын Иуги, Балк,

сын Саса и Драг, сын Саса⁴². Как свидетельствуют грамоты, Балк и Драг сосредоточили в своих руках не только воеводскую, но и государственную комитатскую власть, т.е. являлись одновременно воеводами и комесами⁴³, что способствовало укреплению их могущества.

Балк и Драг были последними воеводами в Марамурешском комитате⁴⁴. Правда, в грамоте 1404 г. упоминается как марамурешский воевода Дмитрий, сын воеводы Балка. Однако Р.Попа не считает, что тогда в Марамуреше еще функционировал институт воевод: Грамота 1404 г., вышедшая из канцелярии вице-комеса Марамуреша Раду ("Радул ") на славянском языке, свидетельствует о тенденциях превращения института воевод в наследственную форму⁴⁵. Во всех грамотах рассматриваемого периода упоминается не о воеводстве как территориально-политической единице, а только о воеводах⁴⁶. Это относится и к "волохам" комитатов Берег, Угочи, Сетмар, Унг и т.д. Р.Попа объясняет это тем, что венгерское королевское правительство рассматривало упомянутый регион (Марамуреш) как королевскую государственную административную область без автономных районов⁴⁷.

По свидетельству грамот, о воеводской системе управления в Марамуреше можно говорить только с 20-х гг. XIV в., хотя некоторые авторы пытаются доказать, что Марамурешское воеводство существовало еще до организации здесь венгерской королевской комитатской системы, т.е. до начала XIV в. С их точки зрения это логично, ибо авторы считают, что волохи жили в Марамуреше издавна, т.е. до распространения (XIV в.) на Марамуреш венгерской комитатской власти, когда начался процесс ликвидации "волошского" воеводского учреждения⁴⁸. Это мнение разделяет и Р.Попа⁴⁹. Но этим взглядам противоречат грамоты XIV в., которыми венгерские короли наделяют "волохов" именьями. Если бы Марамурешское воеводство существовало до XIV в., то короли предоставили бы "волохам" привилегии намного раньше. Ведь уже в XIII в. Марамуреш стал объектом деловых отношений Венгерского королевства, о чем свидетельствуют письменные сообщения конца XII - XIII вв.⁵⁰

Развитие феодальных отношений, выразившееся в первую очередь в закреплении крестьян, привело к ликвидации воеводской системы Марамурешского комитата уже на рубеже XIV-XV вв. С этого момента вся власть в комитате была сосредоточена в руках комитатской королевской администрации.

Возникновение "волошских" сел в другом закарпатской комитате — Берг также привело к формированию института воевод как регулятора общественных отношений. Впервые встречаем конкретные известия о выборе воеводы в этом комитате только в грамоте от 1364 г. В ней сообщается, что "волошское" население обратилось к королеве Елизавете, находившейся в то время в комитате Берг, о просьбой разрешить им выбирать воеводу из своей среды, как это делали марамурешские "волохи"⁵¹.

Организация воеводства в комитате Берг продолжалась и в последующие годы, о чем свидетельствуют королевские грамоты, в частности Елизаветы от 1366, 1370, 1380 гг. и Марии от 1383 г. В них определяются функции воевод соответственно королевскому комитатскому аппарату управления и подтверждается "волохам" право выбора воевод⁵².

Как следует из упомянутых грамот, берегский комитатский аппарат управления во второй половине XIV в., невзирая на привилегии, предоставленные "волохам" королевой, постоянно проводил политику ликвидации воеводской автономии. О берегском воеводстве имеются также известия со второй половины XV в. Воеводская система к тому времени коренным образом изменилась. В XV в. из политического института автономных учреждений Венгрии она превратилась в хозяйственную единицу. Так, например, в 1466 и 1469 гг. венгерский феодал Янош Перени носил титул Чинадиевского воеводы, поскольку был владельцем Чинадиевского домена. Как воевода Я. Перени был также командующим военным "волошским" округом. "Волошское население Чинадиевского домена в XIV—XV вв., как считает Л. Даже, было украинским"⁵³.

Первое сообщение об институте воевод в комитате Унг находим в грамоте от 1363 г. В то время воеводой с. Лазы был волох Станислав⁵⁴. О бывшем воеводе в комитате Унг Станиславе упоминает грамота королевы Елизаветы от 1371 г., согласно которой сыновья Станислава получают от королевы на кневском праве именование Верхнюю Нересницу, в комитате Марамуреш ("Шандор, Иоанн, Стефен и Николай, сыновья Станислава, бывшего воеводы с Унг...")⁵⁵. В 1383 г. при дарении сел Керещки и Кушница этим же сыновьям Станислава королева Мария также называет их отца бывшим воеводой⁵⁶. Уже в 1359 г. известен "волошский" воевода и в комитате Шарш⁵⁷.

По данным И. Сабо, впервые сообщается об уточанских воеводах только в письменных памятниках от 1478, 1574 гг. В 1478 г.

упоминается воевода в селении Турк, а в 1574 г. называемое селение Турк являлось центром "волошского" угочанского района Аваш⁶⁸.

Таким образом, об институте воевод на территории комитата Угоча в XIV в. нет исторических свидетельств, хотя можно предположить, что в XIV в. он уже функционировал и здесь.

О воеводах комитата Сатмара свидетельствуют две грамоты. Одна из них — короля Людовика от 1378 г., другая — вице-комеса Марамурешского комитата Балка от 1385 г. В них сообщается, что сатмарскими воеводами во второй половине XIV в. были упомянутые уже выше марамурешские воеводы Балк и Драг⁶⁹.

О характере функций воевод явствует из грамот королевы Елизаветы и Марии, данных берегоким "волохам" в XIV в. Из грамоты королевы Елизаветы от 1364 г. известно, например, что берегокий воевода исполнял функции судьи, а также собирал налоги у "волошского" населения для королевской казны⁶⁰. По просьбе "волохов", которых постоянно притеснял комитатский аппарат управления, королева Елизавета в 1366 г., а королева Мария в 1383 г. уточнили предоставленные им ранее привилегии, согласно которым "волохи" подчинялись комитатской власти только в некоторых случаях (воровство, грабеж и другие особые случаи)⁶¹. Претензии к "волохам", возникшие со стороны комитатской власти, должны были рассматриваться только совместно с воеводской администрацией⁶². Решение вопросов, связанных с именными, как свидетельствуют грамоты Елизаветы (одна от 1370 г., другая от 1380 гг.), выходили за рамки компетенции воевод. Их решал только комес⁶³. Таким образом, автономное "волошское" учреждение воеводства решало только мелкие административно-хозяйственные вопросы.

В более привилегированном положении находились (не взирая на тенденцию королевской власти ликвидировать воеводство) марамурешские воеводы, которые занимали высшие государственные посты комесов комитатов⁶⁴ и одновременно были крупными феодалами Венгрии. Это и определило их независимое положение как по отношению к государственной власти, так и к местным феодалам. Марамурешские волошские воеводы, например из семьи Драгов, являлись почти полными хозяевами в комитате.

На втором месте в статусе воеводской системы Венгрии были берегские воеводы. Самое же низкое положение занимали воеводы на территории феодалов. Кроме титула, они ничем не отличались от

кенезов. Избранные, на время, они довольно часто оказывались в худшем положении, чем кенезы, власть которых была наследственной⁶⁵.

Воеводы должны были во время военных действий формировать и возглавлять военные "волошские отряды"⁶⁶, а в случае необходимости — и весь народ комитата⁶⁷. Грамоты второй половины XIV в. сообщают, что марамурешские "волохи" принимали активное участие в венгерских походах в Молдавию и на земли Галицко-Волынского княжества ("Королевства Русь")⁶⁸, что частично тоже определило их привилегированное положение.

В среде "волохов" постепенно формировались два социально антагонистических класса, т.е. класс господствующий — феодалов и зависимый — крестьянства. Классовая дифференциация "волошского" населения Закарпатья существовала, конечно, в начале их расселения здесь, но особенно ярко проявилась она в XIV в.

В XIV—XV вв., например, одни только марамурешские волошские феодалы Драги в Марамуреше и в других комитатах Венгрии владели 44 селами⁶⁹. Об их экономическом могуществе свидетельствует тот факт, что они предоставили венгерскому королю Жигмонту крупный заем денег, за что король отдал им в аренду марамурешские соляные рудники и позже — королевский домен Виноградово⁷⁰. Другие волошские феодалы Довгаи и Петроваи⁷¹ владели во второй половине XV в. около 300 тыс. га земли. В XIV—XV вв. в подчинении Довгаев находилось 18 земельных владений, тогда как до 1371 г. они были только воеводами в с. Лазы комитата Унг⁷². Ольховские волошские феодалы Татулы (Мигалко) владели в XIV—XV вв. в Марамурешском комитате селами Тересвянской долины⁷³. Упомянутым береговым волошским феодалам из воеводского рода Карачин принадлежали, например, села: с 1348 г. Билки, с 1350 г. — Лыпча, Горинчево, с 1364 г. — Раковец, Мстичево и позже Ченгава, Шардь, Дубовец⁷⁴. Таким образом, в XIV в. верхушка волошского населения превратилась из кенезов и выборных воевод (вследствие захвата общинных земель) в крупных землевладельцев-эксплуататоров с дворянскими титулами и привилегиями.

Трудовое население "волошских" общин обязано было нести военную службу, а также выполнять разные работы по строительству крепостей⁷⁵. Кроме того, они платили и ренту натуральную, состоявшую из 50-й части продуктов, в первую очередь скота⁷⁶, двух динаров подати от каждого улья пчел⁷⁷. Исходя из того, что

население "волошских" общин в XIV в. наряду с пастушеством занималось и земледелием, согласно декрету от 1361 г. оно обязано было платить также поземельный налог феодалу — 1/9 часть урожая, как и остальные крестьяне⁷⁸. Кроме того, крестьяне отдавали еще десятину от урожая и приплода скота в пользу церкви⁷⁹.

В XIV в. в Венгрии шел процесс постепенного закрепощения "волошского" населения путем сокращения крестьянских наделов и одновременно увеличения размера натуральной ренты и денежных налогов. Формирование крупных феодальных землевладений в XIV в. привело к тому, что свободные крестьянские общины утратили свои старые вольности⁸⁰ и распались не из-за переселения в Закарпатье украинцев, как думает Р. Попа⁸¹, а в связи с развитием процесса феодализации деревни и усилением угнетения крестьянства⁸².

В тех случаях, когда понятие "волох" означало тип экономической деятельности и соответствующую ему общественно-политическую организацию, в состав "волошских" общин могло входить восточнославянское и восточнороманское население. Там, где были целые селения с этнически волошским населением, они сохранились в украинском окружении, как показывает пример сел Диброва, Глубокий Поток, Малый Бовц, Великий Бовц, Топчино, Подишор, Белая Церковь, Среднее Водяное, частично Солотвино и некоторых украинских сел в Южном Марамуреше. Если этнически волошское население не составляло большинства в "волошских" селах, оно ассимилировалось украинским, венгерским и другим населением (комитаты Берег, Унг, Земплин, Уточа). На отдельных территориях восточной части Закарпатья этнически волошское население ассимилировало пользовавшихся волошским правом украинских поселенцев.

В то же время, несмотря на миграции, пределы этнических ареалов с преобладанием украинского населения и ареалов с преобладанием восточнороманского населения оставались, в основном, стабильными на протяжении столетий⁸³.

Совместная долготелная жизнь украинцев, волохов, венгров привела к установлению тесных дружеских контактов между трудовым населением Закарпатского региона, которое вело борьбу против крепостнического гнета. Это выразилось позже также в совместном участии этого населения в крестьянских войнах Венгрии и опрышковском движении в Карпатах за социальное и национальное освобождение.

Примечания

1 Mihályi J. Máramaros diplomák a XIV és XV századok. Máramaros-Sziget, 1900; Diplome Maramureşene din secolul XIV şi XV. Adunats prin Jan Mihályi. Maramureş-Sziget, 1900.

2 См. библиографию работ этих авторов: Ф о р а R. Tara Maramureşului în veacul al XIV-lea. Buc., 1970, p. 260-265.

3 Д э ж е Л. Очерки по истории закарпатских говоров. Будапешт, 1967, с. 260-265; G u b r r f f y G. Adatok a romanok XIII századi történetéhez és a roman állam Kezdetéhez. Történelmi Szemle, 1964, № 7.

4 С т а в р о в с ь к и й О. Словацко-польско-українське прикордоння до 18 століття. Кошиц - Пряшів, 1967.

5 См. библиографию работ этих авторов: Ф о р а R. Op. cit., p. 260-265.

6 М и ц ю к О. Нариси з соціально-господарської історії Угорької, нині Підкарпатської. Руск. Ужгород, 1936, т. I, с. 79.

7 M i h á l y i J. Máramaros diplomák, с. 6, 7.

8 K a d l e o K. Valaşi a valašské právo v zemích Slovanšých a Uherských. Praha, 1916, с. 232.

9 См. Ф о р а R. Op. cit., p. 52, 53.

10 Ibidem, p. 53.

11 Ibidem, p. 57.

12 См. рец. С. И. Пеняка на работу Н е й м е т П. Образование пограничной области Боржавы. - "Проблемы археологии и древней истории угров". М., 1972; "Археология". Киев, 1975, № 15, с. 110.

13 М е л ь н и ч у к Я. С. К вопросу о так называемой волошской колонизации и волошском праве в Карпатах в XVI-XVIII вв. - Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы, 1964. Кишинев, 1966, с. 195.

14 См.: С т а в р о в с ь к и й О. Указ. соч., с. 81-89; Д э ж е Л. Очерки, с. 34-41; Г а д ж е г я В. Два найдавніші наші привілеї. - Науковий збірник гов-ва "Провіста". Ужгород, 1929, річн. VI, с. 268; с. 81, примечание № 5; S z a b o I. Ugosa megcs. Vadarvat, 1937, с. 103, 104. Торжество історичної справедливості. Львів, 1968, с. 38.

15 С т а в р о в с ь к и й О. Указ. соч., с. 89.

16 Д э ж е Л. Очерки..., с. 38.

17 Вопрос об позднем заселении волохами Марамураша (XIV в.) является дискуссионным. Редколлегия сборника считает, что автор данной статьи пока не сумел привести достаточно убедительные доводы в пользу такой точки зрения. В связи с этим она печатается как дискуссионная, требующая дальнейших изысканий для ее решения (Редколлегия сборника).

18 О волошском праве см.: М е л ь н и ч у к Я. С. Указ. соч., с. 194-198.

- 19 Удельный вес этнического волошского населения уменьшается также в связи с тем, что "определенная часть волохов, ванимающихся преимущественно пастушеством (шалашничеством) переселилась далеко на запад в польские, чешские и словацкие земли". Мельничук Я.С. Указ. соч., т.196.
- 20 Мицюк О. Нариси..., с.80.
- 21 Девже Л. Очерки..., с.33,34.
- 22 Там же, с.39.
- 23 Мицюк О. Нариси..., с.83.
- 24 Девже Л. Очерки..., с.40.
- 25 Там же, с.38.
- 26 Szabó I. Ugozza megye, с.121-126.
- 27 Ibidem, с.120, 121, 128.
- 28 См. Schematismus... diocesis Munkacsiensis, 1822-1870.
- 29 Девже Л. Очерки..., с.35.
- 30 Там же.
- 31 Там же.
- 32 Там же, с.36.
- 33 Ставровський О. Указ. соч., с.45, 84.
- 34 Мельничук Я.С. Указ. соч., с.196.
- 35 Ставровський О. Указ. соч., с.85.
- 36 Там же.
- 37 Там же, с.84.
- 38 Там же, с.87, 89.
- 39 Галас К.Й., Дизанець П.М. До питання про волоську колонізацію. Тези доповідей до XIX наукової конференції. Серія мовознавча. Ужгород, 1965, с.44.
- 40 Чучка П.П. Антропонімія Закарпаття і міграція населення в Українських Карпатах. Праці XII республіканської діалектологічної наради. Київ, 1971, с.372.
- 41 Weipert G. Kritikal fejégetések Máramaris megye történetéhez. Pest, 1857, с.195.
- 42 См. грамоты: Mihályi J. Máramarosi diplomák..., с.6, 12, 20, 26, 27, 28, 45, 56, 57, 65 - 66, 68 - 69, 73, 82, 87, 98 - 99, 101 - 102, 104 - 105, 107, 114 - 115, 117 - 118.
- 43 См. Mihályi J. Máramarosi diplomák..., с.56, 65 - 66, 68 - 69, 82, 84, 85, 87, 98 - 99, 101 - 102, 104 - 105, 107. 114 - 115, 117 - 118.
- 44 Istoria României, vol.II, с.266.
- 45 Pora R. Op. cit., p.202.
- 46 Ibidem, p.194.
- 47 Ibidem.
- 48 Istoria României, vol.II, p.265.
- 49 Pora R. Op.cit., p.52/ 55-56.

50 Ibidem, p.45-50; W e n z e l G. Kritikai fejtegetések Máramaros... c.12-14; M i h á l y i J. Máramarosi diplomák... c.1-3, № 1; c.3-6, № 2; F e j e r G. Codex diplomaticus Hungariae ecclesiasticus ac civilis. Budae, 1850, t.6, vol.2, c.192-193.

51 M i h á l y i J. Máramarosi diplomák, c.55, № 28.

52 Там же, c.30, 34, 44 - 46, 59, 63, 76-78.

53 Д в ж е Л. Очерки..., c.39-40.

54 Р о р а R. Op. cit., p.198.

55 M i h á l y i J. Máramarosi diplomák, c.64, № 35.

56 Ibidem, p. 45, 77.

57 П е т р о в А. Древнейшие грамоты по истории карпато-русской церкви и иерархия, с.43.

58 С м. S z a b ó I. Ugoosa megye, c.126.

59 В 1378 г.: "...верным своим воеводам Балку и Драгу, комесам Мараморошскому и Сатмарскому..." и в 1385 г.: "...магистр Балка воевода комеса Сатмарского и Мараморошского..."

60 С м.: там же, с.55, № 28.

61 M i h á l y i J. Máramarosi diplomák, c.59, № 30, c. 78, № 46.

62 Там же.

63 Там же, c.63, № 34; c.76, № 44.

64 М и ц ю к О. Нариси..., с.79.

65 Там же.

66 M i h á l y i J. Máramarosi diplomák..., c.55, примечание № 2.

67 Р о р а R. Op. cit., p.205.

68 M i h á l y i J. Máramarosi diplomák, c.37 - 38; № 19, c.56, № 29, c.83, № 50.

69 М а р к у ш В.М. Социально-экономические отношения и классовая борьба в северо-восточной Венгрии и в Закарпатье в XIV-XVII вв. (по материалам Марамурешины), Автореф. дис. на соиск. учен. степени канд. ист. наук. Ужгород, 1974, с.14 (далее: М а р к у ш В.М. Социально-экономические отношения и классовая борьба...).

70 Л е л е к а ч М.М. Процесс закрепления закарпатского селянства в XIV-XV ст. - "Наукові записки Ужгородського держуніверситету. Ужгород, 1957, т.29, с.33.

71 В 1389 г. сыновья упомянутого воеводы Станислава из Лаз, что в комитате Унг, получили в собственность с.Довге, а в начале XV в. они уже владели и с.Петрово. С м.: Л е л е к а ч М.М. Процесс закрепления..., с.11.

72 Там же.

73 М а р к у ш В.М. Социально-экономические отношения и классовая борьба..., с.11.

- 74 Делєкач М.М. Процесо закріпачення..., с.10-11;
 Маркуш В.М. Социально-економические отношения и классовая
 борьба..., с.14.
- 75 Мицюк О. Нариси..., с.78.
- 76 Pora R. Op. cit., p.139.
- 77 Мицюк О. Нариси..., с.78.
- 78 Маркуш В.М. Борьба феодалів за землю та селянсь-
 кий рух на Мараморшині в ХІУ - на початку ХVІ століття. - Пи-
 тання історії СРСР. Харків, 1974, № 18, с.110.
- 79 Там же.
- 80 Маркуш В.М. Социально-економические отношения и
 классовая борьба..., с.19.
- 81 Pora R. Op. cit., p.140.
- 82 Маркуш В.М. Социально-економические отношения и
 классовая борьба..., с.19.
- 83 См.: Ісаєвич Я. Джерела про західні межі укра-
 їнської етнічної території в період феодалізму - "Українсь-
 кий історичний журнал". Київ, 1968, с.82, № 12; Торжество істо-
 ричної справедливості. Львів, 1969, с.67.

В.Маринов
 (Болгария)

РАССЕЛЕНИЕ ПАСТУХОВ-КОЧЕВНИКОВ ВЛАХОВ НА БАЛКАНСКОМ ПОЛУОСТРОВЕ И ЗА ЕГО ПРЕДЕЛАМИ

Исследования в области этногенеза и динамики передвиже-
 ния влахов-кочевников, а также происхождения их имени ("влах",
 "влахо", "влас", "власи"), быта, языка, нравов и обычаев нача-
 лись давно. Первые данные мы находим в трудах Л.Пукевила,
 (1805)¹, В.М.Дяка (1835)², К.Иречека (1876)³, Л.Хеви (1860)⁴, Ф.Ми-
 клошича (1862)⁵, Б.Василевского (1881)⁶, В.Томашека (1882)⁷, Г.Вей-
 ганда (1892)⁸, А.М.Филипсена (1897)⁹.

После подробных полевых исследований Г.Вейганда данные о
 волохах находим в работах В.Кинчова¹⁰ и Й.Цвиича¹¹. С целью
 выяснения спорных вопросов о прародине, этногенезе, имени, языке,
 некоторых особенностях быта и культуры волохов в дискуссиях при-
 няло участие большое число ученых Греции¹², Румынии¹³, Сербии¹⁴,
 Македонии¹⁵, Болгарии¹⁶, а также СССР, Чехословакии¹⁷, Польши¹⁸,
 Венгрии¹⁹, Дании²⁰, ФРГ²¹.

В послевоенные годы в результате продолжительных полевых исследований, посвященных волохам и другим пастушеским группам Балканского полуострова, появляются работы А. Хаджимихали (1957)²², Л. Жунина (1958), Н. Ф. Трифуновского (1963)²³, В. Маринова (1961, 1964)²⁴, А. Боерманна (1967)²⁵ и другие. В решении проблемы о происхождении названий "влах", "валах" "влахо", "влашки катуни" в средневековье и о миграциях вlahов-пастухов на север от Дуная (в горные районы Карпат) до Подгалья, Украины и Молдавии большой вклад внесли материалы симпозиума в Сараево (1961), посвященного проблемам средневековых вlahских катунов, и острая дискуссия о вlahах в Моравии между Мацуреком, Добровольским, Кринджаловым²⁶ и другими, о передвижении пастухов в Карпатоком районе - между Я. Подолак, Р. Вулканеску, И. Владушиу и др. Проблема передвижения вlahов-пастухов подробно исследуется вот уже более ста лет (1805-1973) и продолжает оставаться предметом изучения, дискуссий, интерпретаций и в наше время. В связи с большим интересом к этим проблемам закономерными являются организация и созыв симпозиумов по проблемам волохов в Кишиневе под руководством Отдела этнографии и искусствоведения АН МССР.

Из имеющихся основных монографических трудов, выполненных на базе полевых исследований высокогорного кочевного пастушества, и особенно вlahов, в отдельных районах Юго-Восточной Европы, и в частности Балкано-Карпатского района, можно сделать следующие выводы.

1. Труднодоступные стремнины скалистой части гор современной северо-западной Греции и южной Македонии (Олимп, Пинд, Грамос - планина) являются прародиной кочевников, пастухов-овцеводов, известных под этническим названием "вlahо", "власи", "влах", "вlahо". Они жили как в чисто вlahских селах, так и в поселениях с болгарами и албанцами. Между ними заключались смешанные браки. В основном вlahи, а наряду с ними болгары и албанцы, занимавшиеся разведением больших стад овец, в поисках лучших пастбищ совершали сезонные передвижения со своими отарами. Зимой они спускались с гор в теплые долины, в летний период возвращались на высокогорные пастбища. Зимой они устраивались в кишлаках богатых господ, строили временные конусообразные жилища - колибы - из плетней, забитых по кругу в землю и покрытых листво²⁷й или стеблями камыша.

Как в горах, так и в долинах вlahи жили замкнутой патриархальной жизнью, изолированно от окружающего населения, под patro-

назем своего челника (славянский термин, греческий вариант челингов²⁸) – организатора овцеводческой вадруги, состоявшей из группы семей овчаров.

2. Неоспоримо, что влады сформировались на базе древнего автохтонного населения Балканского полуострова – фракийцев, которые подверглись романизации. Они говорили на старинном романском диалекте, главным образом занимались животноводством, у них была характерная культура и традиции²⁹.

3. Вторая ветвь фракийцев – сезонные кочевники-овцеводы, известные под именем "каракачаны"³⁰, по-гречески – "саракачано". Это потомки эллинизированной части фракийского населения. Освоили северогреческий старинный диалект и пользовались им в качестве домашнего орудия общения. Они не являются потомками старогреческого населения, как утверждают некоторые авторы, так как нет свидетелей, что греки занимались когда-либо кочевым овцеводством. В средневековье в силу одинакового образа жизни, связанного с полукочевым скотоводством, и вопреки различиям в языке, одежде, некоторых нравах, обычаях и физических чертах, они отождествляются с пастухами-владами. Мнение Иречека³¹ и других, что каракачаны являются отгичившимися в новое время валахами, отвергли П.Скок³², Хр. Гандев³³ и Д. Ангелов³⁴, они подтвердили, что каракачаны – это эллинизированные фракийцы.

4. Распространено мнение о славянском происхождении имени "влас", "влады", "влах", "влаго", означающем пастух, овцевод³⁵. Позднее так стали называть всех пастухов-овцеводов – албанцев, болгар, каракачанов – независимо от их этнической принадлежности.

5. Все исследователи пастушества считают, что в средневековой Юго-Восточной Европе наиболее подвижным населением были влады и каракачаны. В меньшей степени – албанцы и болгары. Причинами их передвижения были: 1) демографические – высокий уровень рождаемости и рост числа семей; 2) экономические – поиски лучших и более обширных пастбищ для овец под руководством челника (по-гречески – "челинга"), а в период турецкого владычества – "кехая", "кеая"; 3) политические – восстания, войны, преследования владских воевод, а в период турецкого господства – попытки исламизации и насильственный захват женщин для турецких гаремов.

6. В чем же различие между владами – кочевыми пастухами – и каракачанами (саракачаны), которые тоже занимались кочевым

пастушеством? Еще в 1889–1900 г. Густав Вейганд, один из наиболее авторитетных исследователей различных групп вlahов, осевших и кочующих в юго-западной части Балканского полуострова, попытался объяснить, что "вlahи" ("аромуны") отличаются по языку, типу одежды и образу жизни от "саракачанов" (или каракачанов), которые живут на равнинах Фессалии и Македонии. Он установил, что браки не имели места между каракачанами и вlahами, а каракачаны даже настроены недоброжелательно к вlahам. Их предводитель, так же как и у вlahов, называется челингас (славянский термин – челник). Так, отделяя каракачанов от вlahов, Г. Вейганд этнически причисляет их к грекам, с оговоркой: "...но возможно, я ошибаюсь, поскольку не достаточно их изучил". Г. Вейганд связывает каракачанов с аромунской группой, известной под именем "фрашериты" (от местности Фрашеры), которые, как и каракачаны, говорят по гречески, а не на романском диалекте, как это имеет место у вlahов. Фрашериты, или Фрасериты, носили белую одежду и занимались овцеводством.

Вслед за Г. Вейгандом датский лингвист Карстен Хьоег посвятил специальный труд каракачанам в Греции (1828–1829 г.), где он останавливается на греческом языке, которым они пользовались. Во введении К. Хьоег дает краткий этнографический очерк. По его мнению, каракачаны по этническому происхождению являются потомками чистых греков, то есть не имеют ничего общего с вlahами. Точку зрения К. Хьоега оспорили многие румынские ученые и сербский лингвист П. Скок, который выразил сомнение в достоверности как теории К. Хьоега, так и точки зрения Н. Йорги и Т. Капидана.

Большое число болгарских ученых поддерживало тезис, что между вlahами и каракачанами нет различия. И только отличный языковед и знаток старогреческого языка П. Чилев разделял точку зрения, согласно которой вlahи – романизированные фракийцы и иллиры, а каракачаны – эллинизированные фракийцы. Это мнение было поддержано Ж. Чанковым, академиком Г. Хлебаровым, Д. Константиновым и другими.

Вышли из печати два больших тома Хеджи Михаила (1957), посвященные быту и культуре каракачанов в Греции. Х. Михаил рассматривает каракачанов как отдельную от вlahов этническую группу. Он также считает, что каракачаны по происхождению – "чистые греки". Это мнение разделял в последнее время А. Боерманн. "Вlahи и каракачаны, – пишет он, – не образуют этнического единства и отличаются главным образом по языку, нравам и обычаям; сущест-

вует значительное различие в жилищном, в хозяйственном отношении и в организации форм хозяйства в выссогорных условиях³⁶.

В результате долготлетних полевых исследований каракачанов, пастухов-кочевников, в Болгарии вышли на печати (1961 и 1964 гг.) некоторые мои работы, посвященные их быту, культуре, численности и этногенезу. Мы разделяем мнение, согласно которому вlahи и каракачаны - кочевые пастухи, которые ведут свое происхождение от древних фракийцев. Но при этом вlahи - романизированные фракийцы и иллиры, а каракачаны - эллинизированные фракийцы и иллиры.

Итак, основные отличия между вlahами и каракачанами (саракачанами) заключаются в следующем:

а) Разговорный язык. Вlahи говорят на старинном романском диалекте, который они восприняли в эпоху романизации у местного населения - фраков и иллиров. Это романизированное население, вытесненное в неприступные скалистые горы Грамоо и соседние районы, уцелело и до наших дней. Разговорным языком у каракачанов (саракачанов) является старинный греческий диалект, трудно понимаемый современными греками. Этот язык непонятен и вlahам. Вытесненные в горные районы, они сохранились как особая этническая группа и до наших дней.

Каракачаны не считают себя вlahами. В Греции, Болгарии, Албании, Югославии и других странах они пишутся в паспортах как каракачаны. При переписи, однако, допускаются ошибки из-за недостаточной ясности в определении вlahов и каракачанов. По этой причине трудно установить точное количество населения в той и другой этнических группах на Балканском полуострове.

б) Одежда у вlahов и каракачанов была всегда различной, как в XIX так и в XX вв. Это можно принимать во внимание, чтобы отличать одну этническую группу от другой. Но надо иметь в виду, что одежда изменялась со временем. Особенно отличается одежда у каракачанов, живущих в пределах Болгарии. Костюм же каракачанов, живущих в Греции, весьма видоизменился и обеднел. Каракачаны утверждают, что женская одежда, которую они сами изготовляют, носит на себе влияние прилепского костюма Македонии. Одежда каракачанов (черная) не только по цвету отличается от волошской (белой), но и по покрою и изготовлению. По-разному называ-

ются и отдельные части одежды. У Вейганда мы находим фотографии влашского вождя, одетого в белую одежду. Так, например, рубашка у мужчин достигает колен, а у женщин — она длиннее и называется — "кымыш". Рубашка у каракачанок длинная, до ступней, с короткими рукавами, к которым на свадьбе прицепляются широкие, кокусно вышитые рукава с удивительно разнообразным орнаментом. Девичьи рубашки называются "клура", а невестины — "мишако". Сама рубашка называется "камсу". Пастухи — вlahи и каракачань носят под рубахой потник, у вlahов — фланела (фанела), а у каракачанов — "катаарка" ("алече" с коротким рукавом из шерстяной ткани), которую носят летом и зимой. Вlahи и каракачань поверх рубашки одевают антерия — "илекес", "джимандале", с загнутыми вперед двумя краями, а каракачань носят "чамандан", без рукавов, черного цвета, который застегивается пуговицами посередине груди.

У вlahов длинная до колен чепуна, открытая спереди, представляет собой верхнюю одежду без рукавов, а у каракачанов эта одежда называется "сркорфи". У мужчин и у женщин она без рукавов и спереди раскрыта как "елек". В городе Казанлыке эту одежду каракачань называют "кондушенина" — "елек" с длинными до пояса рукавами, раскрытый спереди. Женские чаманданы спереди застегиваются пуговицами. Пояс у вlahов-мужчин красного, белого или синего цвета называется "бран". Поверх него они одевают другой кожаный пояс с перегородками — "чиллахе" (у каракачанов и болгар — "силях"), куда закладывают пистолеты и ножи. Поверх чамандана каракачань одевают платье с рукавами — "кожука" или "салтамарка".

В непогоду они носят "чепкен" — одежду с вислыми рукавами. Женщины-каракачанки одевают манжеты на рукава ниже локтя, украшенные декоративным шнурком и называют их "манияя". У вlahов они отсутствуют. У вlahек отсутствует одежда, которую каракачань называют "пануфор". Она представляет собой длинное ниже колен платье, украшенное спереди декоративным черным шнурком. Теперь его одевают только на свадьбах. Характерной особенностью каракачанского женского платья, отсутствующей у вlahек, является красный шерстяной пояс — "зонар", который одевается поверх черной юбки и застегивается пуговицей. Поверх этого пояса, надевается узкий кожаный пояс — "зонар". Он украшен бронзовыми пуговицами — "кумбия" и металлическими розетками, а также вышит зо-

лочеными нитками — "кледомата", у влахов — "пофти" или "чупрек". Каракачанки носят небольшие передники — "пудья", одетые на широкий пояс — "зонар". Посередине передников, которые имеют трапециевидную форму, вышит разноцветными нитками узор из старинных орнаментов, представляющий собой кружки ("кефалос"), дерево жизни и другие узоры, имеющие символическое значение. Возможно, они относятся к фракийским временам. Женщины-влашки не носят такие передники. Еще Г. Вейганд писал, что влашки носят "длинные передники", такие, как болгарские, и "их одежда похожа на одежду болгар юго-восточной Македонии. Влашки называют передник — "поалы". На поясе — "зонаре", каракачанки носят красивый оамодельный закрученный шнур — "кштек", украшенный разноцветными бусами. На конце шнура повешен ножик — "махер". Влашки не вешают на своей одежде "кштек". Женщины-каракачанки, молодые и старые, всегда носят на голове длинную вязанную самодельную шаль — "бона". У невест она украшена серебряными галунами — "френза". На свадьбе голова невесты украшается букетом "карфувелуну", представляющим собой набор разноцветных камней, розеток, серебряных ниток, бус и т. д. Такую черную шаль влашки не носят на голове. Каракачанки вяжут и одевают на ноги разноцветные носки, состоящие из двух частей — "калчис" и "патунис". Влашки называют их — "чорале" или "пырподи". На ноги обували "парвули" (у каракачанов — парухи). Накидка пастуха у влахов изготовлена из тяжелого черного шерстяного материала — "саринки". Она скроена так, что прилегает к телу. В нижней части расположены широкие складки. Существенно отличается от черного каракачанского ямурлука или "капа". Последний изготавливается из ткани, выработанной из козьей шерсти, и закручивается вокруг тела как пелерина. Отдельно делается и головной убор — "качула". Рукавов нет. Иногда сзади к плечам прикрепляются фальшивые рукава. Длина ямурлука до кол.н. Он по своему покрою соответствует ямурлуку, в котором бог здоровья у фракийцев Телесфор изображен на найденных археологических памятниках или на отдельных терракотовых фигурках, обнаруженных в болгарских землях. Этот черный каракачанский ямурлук используется как доказательство фракийского происхождения каракачанов. Различные варианты ямурлуков носят по всей стране и болгарские пастухи.

в) Жилище. По отношению к содержанию и форме временных (летних) и зимних (на равнинах) поселений между влaxами и карака-

чанами почти нет различия. Причина кроется в одинаковых занятиях - овцеводстве, кочевничестве. В результате изучения пастушеских хижин в Греции и Болгарии установлено, что по форме и изготовлению они бывают: круглые, конусовидные, эллипсоидные и прямоугольные с двумя навесами. Характерно, что у каракачанов, при всякой большой хижине, предназначенной для жилья - "калива", имеется и маленькая "калива" отведенная для багажа. Влахы называют хижины термином - "колиба".

Г. Вейганд признает, что не мог посетить хижины кочевых каракачанов из-за страха перед разбойниками и краткости времени". Хижины влхов были покрыты соломой, построены из "тростника, переплетенного с вербой, а некоторые - из глины. Или же сделаны из "глины, листьев и тростника". Хижины "фразеритов" состояли из "двух отделений, разделенных плетнем". А. Боерманн также пишет, что конструкция и изготовление временных палаток для ночевки в пути были одинаковыми как у влхов, так и каракачанов.

г) Домашнее убранство в хижинах.

Данные о влашских хижинах окупнее. Подвижный образ жизни пастухов влхов и каракачанов явился причиной почти одинакового внутреннего устройства их жилья. Г. Вейганд пишет: "Несколько одеял, таган (треножник), необходимые продукты для приготовления пищи, стол, представляющий собой обертку, - все это и составляет домашнее имущество. Посуда, в которой готовится брынза, находится в особой хижине недалеко от места, где ночуют овцы".

Влахы и каракачане также пользовались отдельной хижинкой для переработки молока и получения молочных продуктов. Внутри были деревянные скамейки, нары или "кровати", но не для отдыха. На них клались одеяла, шерсть, мешки с солью, мука, фураж для овец и прочее. На досчатых полках, недалеко от входа в хижину, было отведено место для сосудов - "валера", которыми носили воду, и для другой домашней утвари. В хижине располагался также ткацкий стан - "аргальо". Близко у входа находился очаг - "ватра" - с карнизом из камней - "пиромахо" и металлическая крышка, используемая при изготовлении в очаге хлеба или слоеного пирога. Из молочных продуктов наиболее употребительно кислое молоко, брынза, сделанная в кожаных мехах, масло, творог. Каракачане изготавливали молочный продукт - "стромботири" следующим образом: в кадущку с молоком опускали раскаленные камни, в результате чего молоко сворачивалось и превращалось в продукт, похожий

на домашнюю брынзу. "Стромботири" готовят в болгарские пастухи в Родопях и Калоферских горах Старой Планины. Возможно, этот способ приготовления "стромботири" сохранился со времени фракийцев.

Каракачанская овца с острой черной шерстью вынослива в горных условиях. Согласно исследованиям академика Г.Хлебарова, она сохранилась со времени фракийцев. Важным доказательством фракийского происхождения каракачанов служит наличие у последних медного котла, который используется для подогревания молока перед его заквашиванием. Этот котел по изготовлению, форме и подвижной металлической ручке идентичен бронзовому котлу, найденному при раскопках фракийского могильника у Мезек (Хасково, Южная Болгария).

Использование в мае месяце для приготовления брынзы острой закваски, изготовленной из желудочного сока ягненка, является также старинным методом, возможно перешедшим к нам от фракийцев через каракачанов.

Кислое молоко ("бактерукум булгарикум"), которое, по сообщениям античных писателей, готовили древние фракийцы, также свидетельствует о фракийском происхождении владх и каракачан. Кожаные постолы, которые пастухи владх и каракачаны сами изготавливают и носят по сей день, изображены на некоторых археологических памятниках, представляющих древних фраков.

Наше мнение, что владх — потомки романизированных фракийцев и иллиров, а каракачаны — грецизированных фракийцев и иллиров, подтверждается и исследованиями болгарских ученых Хр. Гандева и Д. Ангелова.

7. Пришедшие в V и VI вв. славяне, массово заселившие равнины и горы Балканского полуострова, делились подобно фракийцам на большое число племен. Некоторые из них занимались животноводством. Аристотель сообщает, что племя неври разводило рогатый скот. Византийские писатели VI—VII вв. подтверждают, что у славян было много скота (Псевдо Маврикий), а анти приносили в жертву своим богам быков и других животных (Прокопий). Иоанн Ефесский, описывая вторжение славян на Балканский полуостров, также сообщает, что они владели табунами коней. Заботились о стадах данной общины пастухи, которые, по сообщениям пресвитера Козьмы, составляли уже отдельное сословие.

Славяне почитали божество, называемое Велес или Волос, являвшееся покровителем стад скота. В Манасиевой летописи (XIV в.)

имеется интересная сцена, изображающая русского Святослава, ведущего с собой рогатый скот, коней и овец. В Томичевом поалтнре (XIV в.) и на стенах наших болгарских средневековых церквей сохранились изображения оград и других домашних животных.

8. Именем "влахи" назывались и славяне восточно-православного вероисповедания Боснии и Далмация, а в Атике и Бесии "власами" называют вообще сельское население. Об их организованном пастушестве, во главе которого стояло ответственное лицо, имеются сведения, относящиеся к IX в., а от XI—XV вв. подобных данных великое множество. В 1066 г. в Фессалии влахи вместе с греками и болгарскими подняли восстание против тяжелого режима императора Константина X., в нем участвовали влахи из Ларисы, собиравшиеся в доме влаха Беривоя (славянское имя). Вместе со средневековыми влашскими катунами находились болгарские и албанские. О болгарском катуне, состоящем из семи овцеводческих задрут, упоминается в Святостефановой грамоте монастыря в Бане, изданной королем Милутином (1313—1318). Видимо, катунское перегонное овцеводство и разведение телячьих стад овец практиковалось и в других местах болгарских земель. Об этом свидетельствует, например, местность Катунце в Средней Старой Планине, недалеко от вершины Бузлуджа, возвышающейся над селом Енина Казанлыкского края. На высокогорных пастбищах в близком соседстве, в одинаковых природно-географических, социально-политических и экономических условиях находились болгары, каракачане и влахи. Имея тесные контакты, они занимались одним ремеслом — кочевым овцеводством. Они влияли друг на друга в области материальной и духовной культуры.

Еще в XI в., по Кекавиену, фессалийские влахи с семьями уходили в горы Болгарии и перегоняли стада овец. Пахимер рассказывает, что в 1285 г., когда татары вторглись в Болгарию, византийцы переселяли влахов, скитавшихся со своими стадами в морозную зиму между Визой и Царьградом, чтобы они не встретились с татарами.

В сербских, боснийских и далматских памятниках XII—XIV вв. содержатся ценные сведения о правовых отношениях влахов-пастухов — "романтизированных балканских старожильцев". Во многих местах влашские катуны оставались навсегда у подножья гор близки высокогорных пастбищ. Позже на этих местах создавались новые поселения, жители которых впоследствии естественным путем пол-

ностью ославянилию. И. Трифуновский уточнил подобные средневековые катуны в горах Кожух, в местности Катунце возле села Крупа, основанном жителями этого катуня, пастухи которого использовали пастбища вершины Лаутица (2170 м), в Скопле возле сел Баняне и Глухе местности Краставица, а также на территории земель монастыря Св. Андрея, расположенного на р. Трескавица, в Бурци, населенном в средневековые пастухами-волохами.

Средневековый катун Настрон или Строн в Осоговских горах упоминается в 1341 г., а в период 1343-1346 гг. существовал катун Поодерци, возле современного села Содерце (Враце). Недалеко от этого села находился катун Зарвинци (возле современного села Зарбинци). В окрестностях города Призрен (1348-1352) имелось восемь владских катунов: Гунцати, Янчуста, Голобовци, Костречани, Синаинци, Пинуштинци, Драголевици и Блетце. Девять катунов было расположено на территории земель монастыря Высокие Дечани, от которых и до настоящего времени сохранились старье имена. В Святиофанской грамоте (1313-1318) упоминаются еще девять владских катунов, среди которых Баралевский, Бутарский и другие возле села Бутаричи Косовской митровицы (ныне переименованы в с. Сырбовац). Трифуновский, используя дубровницкие документы, в которых имеются данные о влахах, на специальной карте обозначил географическое распространение владских катунов в горах Македонии, Сербии, Боснии и Герцеговины. По его мнению, наибольшее развитие владских катунов приходится на XII-XIV вв., когда эгейские и адриатические земли и горы входили в пределы одного государства. После периода турецкого владычества катуны были ослаблены и многие чабаны стали вести оседлый образ жизни.

В местах расположения катунов образовались новые поселения, жители которых в основном ославянилию. В Болгарии мною выявлены села Поповляне, Чуйпетлово, Новопряни (Софийский округ), ойчас известные как чисто болгарские. Катуны XIV в. представляют собой компактные селения. Об этническом облике свидетельствует этноним "власи". Этим же именем, согласно исследованиям Миленко Филиповича, назывались и другие народности, у которых овцеводство было профессией. Те влахи, которые передвигались из южных областей на север в сербские, албанские, адриатические земли и Северную Македонию, живя между албанцами и славянами, растворялись в среде албанского и славянского населения. Так, например, большое число влахов в документах отмечены сербскими и хор-

ватскими племенами, в то время как романские племена встречаются редко.

В языке ославянившихся влахов сохранились некоторые слова романского происхождения: брынва, катуи, брынзар (пастух), торба, бач, бачия и др. В Боснии вlahи также полностью ославянились. Влахские катуны в Югославии назывались: Цранча, Блатчани, Костурчани и др. Некоторые катуны носили не имена своих родов, а имена своих челников.

Вlahи из Ларнон, поселившиеся в Болгарии, в X в. поступали на военную службу. В составе византийских войск в качестве воинов они принимали участие в борьбе против сарацинов (1027 г.), норманнов (1082 г.), куманов и печенегов (1091-1095 гг.), мадьяров (1166 г.). В XIV в. (1343 г.) они выступили против Царьграда и византийского императора Андроника. Много вlahов переселилось в Малую Азию. По мнению Вилардуена, царь Калоян по происхождению был вlah, а Болгарию часто называли "землей вlahов". Со своими войсками, состоящими из болгар, вlahов и куманов, Калоян нанес тяжелое поражение крестоносцам (1203-1207). По сообщениям Ив. Дуйчева, византийские хронисты часто называют болгар именем "вlahи".

В XII в. в сербских документах времен Стефана Немани часто упоминаются вlahи. Царь Урош, один из последних представителей Неманчей, в 1361 г. говорит о своих вlahах - "катуни царства ми". Вlahи жили и при монастырях, руководимых своими ответственными лицами, подчинявшимися игумену и монастырю. В средневековой Сербии вlahи имели свою военную организацию, а во времена Неманчей даже своего общего предводителя (воеводу).

В последующих XIV-XV вв. при крупных боснийских властелинах Радославе Павловиче, Сандале Храниче и др., при венгерско-хорватских королях у вlahов были свои бaны и кнезы. В 1403 г. при боснийском короле упоминаются "королевские вlahи", которых за нанесенный ущерб оттрафовали. Им пришлось уплатить большие суммы денег, что свидетельствует об их достаточно высоком материальном уровне.

9. Пастухи различных этнических элементов под именем "вlahи" продвигались по долинам Савы, Дравы и Великой Моравы на север. Некоторые из них осели на этих местах. Другие, перейдя Дунай, направились в Трансильванию (XI-XV вв.), достигли южной Польши, (1266) Подгалья и Русского Галича, а позже перешли в

Бескиды, Моравокум Валахию и северо-западную Словакию. Ассимилированные местным населением, вlahи оставили след в материальной и духовной культуре, которые являются предметом специальных полевых этнографических исследований ученых Чехословакии, Венгрии, Украины.

Согласно В.Томашеку (1882 г.), области Семиградья (Трансильвания) и Марамуреша были заселены в 1283 г. пастухами-влахами, которые смешались с другими этническими элементами. По его мнению, через Дунай из болгарских земель в Карпаты переселились "старопланские вlahи", в 1164 г. большое количество вlahов-пастухов заселило Молдавию.

Профессор Е.Келужняцкий в связи с работой Миклошича "О передвижениях румын" (1879 г.) сообщает, что в "Ипатьевской летописи" за 1150 г. упоминается область - "Ort Wolohowo" на Верхнем Буге как вlahское селение, а в 1231 г. - так называемый князь Волохумя, как вlahский "родоначальник", в смысле - предводитель вlahов, остановился между Киевом - Галичем (Halcz) и Волянью. По мнению Калужняцкого, период с 1130-1162 гг. был наиболее подходящим для рассеивания вlahских пастухов, продвижения вlahских торговцев и ремесленников в Молдове. Об этом свидетельствуют данные топонимики.

Итак, молдавский этнос имеет сложный этнический характер. В нем имеются элементы романизированного и вlahизированного франкского субстрата, сильно славянизированного в процессе естественной ассимиляции.

Примечания

1 R o u q u e v i l l e L. Voyage en Morée a Constantinople. 1798-1801. Paris, 1805.

2 L e a k e W.M. Travels in Northern Greece, v.4. London, 1835.

3 J i e g e ъ e k K. Geschichte der Bulgaren. Prag, 1876.

4 H e u z e u L. Le Mont Olympe et l'Acarnanie. Paris, 1860.

5 M i c l o s c h i c h P. Die Slawischen Elemente im Rumanischen-in Denkschrift D.Akad. der Wiss.(Phil.Hist. Kl.), XII, Wien, 1862.

6 Cesaumeni Strategicon et incerti scriptores de officis libeluz, ed. B.Wassilewsky, V., Jernstedt, Petropoli, 1896, ср.

G. Oankova-Petrova. La survivance du nom des Besses au Moyen Age.-Linguistique Balkanique, VI, 1963, p.63.

⁷ Томашек W. Zur Kunde der Hämus Halbinsel. Wien, 1882, S.40-73. 474-507.

⁸ Weigand G. Vlach-Meglen, eine ethnographisch-philologische Untersuchung, Leipzig, 1892; Die Sprache der Olumo-Vlach neben einer Binsituzung unter Land und Leute. Leipzig, 1888; Auch-Die Aromungen, 2. B-d. Leipzig, 1894-1895. (Аромъни. Варна, 1899); Die Rumänen und Aromunen in Bulgarien. Leipzig, 1907.

⁹ Philipson A.M. Thessalien und Epirus. Berlin, 1897.

¹⁰ Къчов В. Македония, етнография и статистика. София, 1900.

¹¹ Cvijič J. La Péninsule Balcanique. Paris, 1918; Pers. Grundlinien der Geographie und Geologie von Mazedonien und Altserbien, in Pet. Mitt. Erg.-H. 1908; The zones of civilization of the Balkan Peninsula- in Geogr. Revue, 1918; Die ethnographische Abgrenzung der Völker auf der Balkanhalbinsel, in Pet. Mitt. 1913.

¹² Spiliotopoulos M. Les Vlachophones Græcos, Athènes, 1916.

¹³ Iorga N. Histoire des Roumains de la Péninsule Balcanique. Buc., 1919; Th. Capidan, Daocromania, IV, 1926, p.466; Die Mazedo-Rumänen. Buc., 1941 usw.

¹⁴ Скок П. Саракачани. - "Гласник Скопског научног друштва", кн. III. Скопје, 1928, с. 155-179; Жунџи Л. Саракачани - "Амани" на Гочу. - САН Гласник етнограф. института, УП, Београд, 1958, с.87-109 и указаная литература.

¹⁵ Яранов Д. Македония като природно и стопански район. София, 1946. I b i d. La Macédonie Economique. Sofia, 1931; Auch-Die Siedlungstypen in der östlichen und zentralen Balkanhalbinsel, in Ztschr. d. Ges. f. Erdk. z. Berlin, 1934, S.183-191.

¹⁶ Ивчирков А. Land und Leute Bulgariens. Leipzig, 1917, S.13; Чилев П. Саракачани. - "Иск. НЕМ", год I, кн.1, 1921, с.49-55.

¹⁷ Масуреж J. Valašská kolonizace v západních Karpatách.-"Slov. hist. studie", 2, 1957, 177; Kubířowicz W. Typy pasterskeho života na Slovensku, Sb.MSS, 24, 1930, 103, 107 usw.

¹⁸ Dobrowolski K. Die Haupttypen der Hirtenwanderungen in der Nordkarpaten von 14. bis zum 20. Jahrhunderts-in Viehwucht und Hirtenleben in Ostmitteleuropa, Hrg. von Lászlo Földes, 1961, S.127 und Bemerkungen zu Forschungsmethoden über die Hirtenkultur in den Karpaten-in Viehwirtschaft und Hirtenkultur, Ethnographische Studien, Hrg. von Lászlo Földes, Akadémiai Kiadó. Budapest, 1969, S.199-220.

¹⁹ Földes L. Quellen zur Transhumance in Siebenbürgen-Walachei aus der ersten Hälfte des 19. Jahrhunderts-in Viehwirtschaft und Hirtenkultur, Budapest, 1969, S.345-357 auch Historisch-statistische Beiträge zur Forschung der Transhumance (Wanderschaftshaltung) in den Südkarpaten, XIX Jahrhundert-in Actes du

premier Congrès International des études balkaniques et sud-est européennes, VII. Sofia, 1971, S.535-549.

20 Н ђ е г О. Les Sarakatsani. Une tribu nomade grecque. - "Étude linguistique précédée d'une notice ethnographique", t.I, Paris - Copenhague, 1925.

21 В е у е р м а н н А. Fernweidewirtschaft in Süd-ost Europa. Ein Beitrag zur Kulturgeographie des östlichen Mittelmeergebietes. Braunschweig, 1967, S.232, mit Abb. 62 und 22 Kartenskizze.

22 С н а т з и м и ч а л и А. Sarakatsani (neugriechisch), 2 Bd., Athen 1957.

23 Т р и ф у н о в с к и Н. Географске карактеристике средновековних катуна, (Данашни влашки катуни у Македонији). - Симпозиум о средњ. катуни. Сараево, 1963, с.19-33, 171-202.

24 М а р и н о в В. Принос към изучаването на произхода, быта и културата на каракачаните в България. Етн. ИМ (БАН), София, 1964, с.138; Die Schafzucht der Nomadisierender Karakatschanen in Bulgarien "Viehzucht und Hirtenleben", herausg. von László Példes, Akadémiai Kiadó, Budapest, 1961, S.147-196.

25 В е у е р м а н н А. Fernweidewirtschaft in Süd-ost Europa... 1967; Ders. Kalyviendörfer in Peloponnes, in-Schr.d.Akad. f. Raumf. u. Landesplan; Abh. Bd.28 (H.Mortensen Festschrift). Bremen, 1954, S.229-238; D e r s. Typen ländlicher Siedlungen in Griechenland, in-P-M., 1956, S.278-285; D e r s. Formen der Fernweidewirtschaft (Transhumance Altwirtschaft-Nomadismus), in-Tgber. u.wiss. Abh. Dtsch. Geographentag. Berlin, 1959, S.277-290. Wiesbaden 1960.

26 К р а н д в а л о в Д. Vlasi na Morave -in Acta Universitatis Palackianae Olomucensis, FFH, 1963; Ders. - L'origine et le caractère des influences roumaines dans les Carpathes Slaves, Université d'Olomouc. Praha, 1964.

27 М а р и н о в В. Указ. соч., 1961; О н ж е. Указ. соч., 1964; Вeuermann А. Op. cit., 1967.

28 М а р и н о в В. За етнокултурните приноси на българското животновъдство. - Сб.: Етногенезис и културно наследство на българския народ. София, 1971, S.543. О н ж е. Die Nahrung bei den nomadisierenden Karakatschanen in Bulgarien, - "Ethnographia Scandinavica", Lund, 1971, S.107-115. О н ж е. Указ. соч. 1961, Abb. I; В е у е р м а н н А. Op.cit., 1967, S.158.

29 М а р и н о в В. Указ. соч., 1961, 1964, 1971. В е у е р м а н н А. Op. cit., S.124-125.

30 М а р и н о в В. Указ. соч., 1964, с.II-13.

31 I o r g e s N. Histoire des Roumains de la Péninsule Balkanique. Buc., 1919, p.26; С а р и д а н Th. Dacoromania, IV, 1925, p.466.

32 С к о к П. Указ. соч., с.155.

33 Г а н д е в Хр. Условя за образување на българската народности. - Етногенезис и културно наследство, на българският народ. ЕИМ/БАН/, 1971, с.65.

34 А н г е л о в Д. Образување на българската народност. София, 1971, с.179.

³⁵ Dobrowolski K. Bemerkungen zu Forschungsmethoden über die Hirtenkultur in den Karpaten, S.199-220; Krandažalc n D. Zur Frage des Ursprunges des Hirtenwesens und seines Wortschatzes in den Karpaten, S.220-244 und Macurek J. Zur Frage der walachischen Kolonisation in den Westkarpaten, S.244-258 -in "Viehwirtschaft und Hirtenkultur", Herausg. von László Földes, Akademiai Kiado. Budapest, 1969.

³⁶ В е у е р м а н н А. Op. cit., S.125.

В.Д.Королюк
(Москва)

ПАСТУШЕСТВО У СЛАВЯН В I ТЫСЯЧЕЛЕТИИ Н.Э.
И ПЕРЕМЕЩЕНИЕ ИХ В ПОДУНАВЬЕ И НА БАЛКАНЫ.
СЛАВЯНЕ И ВОЛОХИ (Попытка реконструкции
по письменным источникам)

Главной, самой важной областью хозяйственной жизни древних славян было земледелие. Не охота, не рыболовство (они были лишь подсобным занятием), не скотоводство, а именно земледелие являлось у них господствующим типом хозяйства.

Характер хозяйства древних славян в нашей историографии давно выяснен. Попытки показать, что славяне не были издавна земледельцами, а занимались главным образом торговлей "продуктами лесных и других промыслов"¹ или что "Кий, Щек и Хорив, по преданию, занесенному в начальную летопись, были звероловами"², оказались несостоятельными. Компромиссная точка зрения о доминирующей роли земледелия только с XI в. н.э. у славян (приднепровских)³ также была отвергнута. Анализ и сопоставление письменных источников и археологических материалов позволили восстановить правильную картину хозяйственной жизни древнего славянства. Тезис о решающей роли земледелия, достаточно аргументированный с помощью источников, является исходной точкой для исследования жизни ранних славян. Древние славяне на заре их истории были, безусловно, земледельцами.

Издавна славянские племена жили на равнине в лесостепных и лесных районах. Это была зона земледелия. Подсечно-огневая система земледелия являлась главным способом ведения ими хозяйства. С переходом к пашенному земледелию увеличивается роль животноводства - важной отрасли хозяйства, хотя в разных районах животноводст-

во имеет некоторые различия. Развитие пашенного земледелия предполагает наличие домашнего скота в качестве тягловой силы и источника удобрения. Повсеместный переход к пашенному земледелию в лесостепной и лесной зонах происходит в III в.⁴

Сопоставляя данные письменных источников I тысячелетия н.э. о славянах, можно построить линию развития земледельческого хозяйства у славян. Особенно интересно сравнить известия первых веков н.э. и сведения конца тысячелетия. Говоря о быте и занятиях славян и германцев, Корнелий Тацит в своем произведении "О происхождении германцев" заметил: "Однако их (венетов. - В.К.) скорее можно причислить к германцам, потому что они сооружают себе дома, носят щиты и передвигаются пешими, и притом с большой быстротой, все это отличает их от сарматов, проводящих всю жизнь в повозке и на коне"⁵.

Эту характеристику славян необходимо сразу же сравнить с суждениями арабского путешественника Ибрагима ибн Якуба, посетившего в 966 г. страны Центральной Европы. Ибрагим ибн Якуб был не только путешественником, но и купцом. Он обладал большим опытом, внимательно присматривался к явлениям жизни. Именно поэтому его рассказ так важен для выяснения того, какое значение имело земледелие в хозяйстве славян X в. "Населяют они (славяне. - В.К.) области наиболее богатыми продуктами питания, - пишет он в "Записке о славянах", - с особым усердием занимаются земледелием и поюками средств к жизни, в чем они намного превосходят другие народы"⁶.

Сопоставление этих известий свидетельствует о древности земледельческой традиции у славян и явном повышении уровня их земледельческого хозяйства к концу I тысячелетия н.э. Повсеместный переход к пашенному земледелию, двухпольная и, наконец, трехпольная система обработки земли, правда, еще нерегулярная, о чем рассказывает именно Ибрагим ибн Якуб⁷, являются большим шагом в хозяйственной жизни славян X-XI вв. и помогают реконструировать быт предков славян в первых столетиях н.э. и в первых веках до н.э.

Большую роль в утверждении правильного представления о хозяйстве древних славян сыграл капитальный труд Б.Д. Грекова "Киевская Русь"⁸. Книга его дала толчок значительным исследованиям советских и зарубежных историков и археологов⁹. Вслед за статьями и книгами стали появляться синтетические капитальные тру-

ды по истории славянских народов¹⁰. В русле большой науки которая, поставившей, а затем решившей вопрос о земледелии как доминанте в жизни древнего и средневекового славянства, естественно, находятся некоторые мои исследования¹¹. Исходя из этого положения, я пытался сформулировать выводы об особой роли славянских племен в Великом переселении народов. "... Определяющую роль в становлении феодальной Европы, — писал я, — сыграли именно славянские, наряду с германскими, перемещения племен во II-III вв. н.э. Роль, на первый взгляд, довольно значительная, если не решающая, кочевых народов, как сарматы — языги, гунны, болгары¹² или авары, тоже принимавших участие в общеварварском штурме Римской империи, была в действительности не более чем второстепенной, вспомогательной. Натиск кочевых народов серьезно облегчил ход вековой борьбы европейского варварского мира с могущественной средиземноморской империей. Как только спустившийся, но еще более очеловеченный смерч великого переселения народов перестанет метаться над Европой и лишь на Востоке еще будут оверкать зарницы и слышаться глухие раскаты успокаивающейся бури, перед взором исследователя возникнет романо-германо-славянская Европа, уверенно движущаяся по пути феодального развития. Европа, в которой славянские народы выступят в качестве равноправного и равноценного строителя нового строя, и это не было случайностью, ибо в Европе творцами новой, феодальной эпохи были, да и могли быть, только народы-земледельцы, какими с древних времен являлись славянские племена"¹³.

Ж

Ж

Ж

Античные авторы оставили нам сведения о местопребывании славян, которых считали большой силой периода Великого переселения народов. Готский историк Иордан (VI в.) сообщал следующее: "У левого их склона (речь идет о северном склоне Карпат. — В.К.)¹⁴, спускающегося к северу, начиная от места рождения реки Вистулы, на безмерных пространствах расположилось многолюдное племя венетов"¹⁵. В другом месте хроника он характеризует венетов как большой народ: венеты, "хотя и были достойны презрения (из-за слабости) их оружия, были, однако, могущественны, благодаря своей многочисленности..."¹⁶ Следовательно, Иордан прекрасно представлял себе силу и огромный размер территории сла-

вяп, об этом говорит и его сравнение славян с готами. Вот его заявление: "Хотя теперь, по грехам нашим (готов. - В.К.), они (венеты. - В.К.) свирепствуют повсеместно, но тогда все они (венеты, - В.К.) подчинялись власти Германариха"¹⁷. Таким образом, подчеркивая былую власть готов, автор все же вынужден признать главную роль славян в передвижении народов на Восточной и Центральной в Юго-Восточную Европу. Это - ценное признание в устах готского историка.

Вернемся к рассказу Иордана: "Эти (венеты), как мы уже рассказывали в начале нашего изложения, - именно при перечислении племен, - происходят от корня и ныне известны под тремя именами венетов, антов и оклавленов". И далее: "Хотя их (венетов.- В.К.) наименования теперь меняются соответственно различным родам и местностям, все же преимущественно они называются оклавленами и антами"¹⁸. Приблизительно также византийский историк Прокопий из Кесарии (VI в.) описывал ареалы населения славян-антов: "Простирающаяся отсюда страна называется Эвлигия; прибрежную ее часть, как внутреннюю, занимают варвары вплоть до так называемого "Мейотийского болота" и до реки Танаиса (Дона), который впадает в "Болото". Само это "Болото" вливается в Эвксинский Понт... Далее, на север от них, занимают земли бесчисленные племена антов"¹⁹.

В рассказе Прокопия, как и в сочинении Иордана, упоминаются древние имена славян. В ходе событий вычленились две ветви племен с различными именами - анты и славяне. В отличие от Иордана, который считал, что древним именем были венеты, Прокопий отметил другое название славян - "споры". Возможно, что этимологический ход мыслей Прокопия привел к такому названию. Главное в том, что в сочинении Прокопия дается правильное указание на родотвенные отношения "споров" и славян. Вот примечательный отрывок из "Войны с готами": "и некогда даже имя у славян и антов было одно и то же. В древности оба эти племени назывались спорами ("рассеянными"), думаю потому, что они жили, великая страну "спораден", "рассеянно", отдельными поселками. Поэтому - то им и земли надо занимать много. Они живут, занимая большую часть берега Истра, по ту сторону реки"²⁰.

Итак, по словам исследователей, несмотря на некоторые отличия от оклавленов (речь идет прежде всего о типах керамики²¹, а также, видимо, о характере городищ VI в.²²), анты, безусловно,

были родственными склавенам во всех отношениях²³; образом жизни, внешним видом и языком²⁴. И склавены и анты были земледельцами. Правда, имя антов исчезло из письменных источников (в 602 г. орда аваров разгромила антов), тем не менее, по общему мнению, анты сохранились и продолжали существовать на современной территории Молдавии, Румынии и Болгарии²⁵.

Великое переселение народов привело к перемещению масс населения на запад и юго-запад. Огромная волна славян-земледельцев устремилась в Центральную и Юго-Восточную Европу. Славяне оседали на Балканах, Динаридах, Карнийских и Юлийских Альпах, в Дунайском бассейне, на западе, на территории, примыкавшей к реке Лабэ. Судьба Восточной Римской империи была решена славянами-земледельцами на территории Юго-Восточной Европы в VI-VII вв. Начинались сложные процессы формирования трех ветвей славянства - восточной, южной и западной и одновременно образования славянских государств и народностей. Славяне твердо стали на путь феодализма. Однако процессы социально-экономического развития у всех трех ветвей славян в период Великого переселения и в ходе формирования феодализма проходили не равномерно. Безусловно, славяне, оседавшие на территориях Византийской империи и в контактной зоне, опережали в своем развитии других славян, оставшихся жить в коренных областях²⁶. Правда, и эта часть славян сумела продвинуть границу своего расселения на запад и на восток, оттесняя местное население. Но тем не менее, во второй половине I тысячелетия эта часть славян оставалась в особых периферических условиях. Только в X - начале XI в. во всех областях славянского мира выравнивались темпы исторического развития. Можно с уверенностью констатировать, что по уровню производства, главным образом земледелия - основы тогдашнего хозяйства, славянский мир не отставал от стран Западной Европы²⁷.

✽ ✽

✽

Обратная перспектива: народности - раннефеодальные государства - племенные княжества - Великое переселение народов и волна славянских переселений (на запад к Лабэ, на юго-запад и юг в Дунайский бассейн и на Балканы, на восток и на север Русской равнины) - большие военно-политические объединения - союзы племен - влияние кельтов и рабовладельческой Римской импе-

рии²⁸ - следы разложения первобытнообщинного строя - дала археологии возможность наметить ареалы славянского этногенеза. При этом археологи главным образом сосредоточили усилия на исследовании периода военной демократии славян (конец периода вполне ясен - Великое переселение народов, начало периода - грань окончательно не уточненная) и на изучении их земледельческого хозяйства. Конечно, сведения археологических памятников, естественно, являются дискуссионными²⁹. Это вполне понятно. Тем не менее археологи дали более или менее определенную картину состояния земледельческого хозяйства у славян. (с учетом этнографических материалов и привлекая лингвистические)³⁰, наметили рабочую гипотезу местонахождения прародины славян.

К сожалению, этот вопрос до сих пор не стал предметом комплексного изучения - лингвистического, этнографического, антропологического и исторического. Осуществить комплексное изучение этой темы пока действительно трудно, потому что принципы его не вполне уяснены. Однако с помощью лингвистических материалов и редких упоминаний письменных источников археологи выдвинули две гипотезы: Одро-Висленскую теорию славянской прародины и Одро-Днепровскую. При этом некоторые археологи и историки допускают компромиссное решение, связывая каждый из этих районов с различными этапами славянского этногенеза. Что касается попытки возрождения паннонской теории прародины славян³¹ - она оказалась просто неудачной. Топонимические данные недостаточны. Археологические материалы не свидетельствуют о раннем появлении славян в этом районе. И главное - полностью отсутствуют свидетельства письменных источников, которые подтверждали бы эту гипотезу. И, наконец, четвертая гипотеза полесской прародины славян. Следует учитывать, что попытка возврата к размещению прародины в Полесье³², безусловно, исключает гипотезу Одро-Висленского ареала славянского этногенеза. В то же время и древние письменные источники не дают никаких оснований для этой попытки, потому что их нет. В результате: Полесье могло бы рассматриваться только в качестве одного из центров этногенеза славян Одро-Днепровского ареала либо (по компромиссному суждению) как один из очагов второго этапа славянского этногенеза. Полесье - страна низменности. Между тем, по данным древних письменных источников, ареалы славянского этногенеза (Одро-Висленская или Одро-Днепровская гипотезы) включают не только равнину, но и горы. Это - важное свидетельство.

Население гор в основном занимается разведением скота. Археологические раскопки в горах по существу не обнаружили достаточно следов материальной жизни и культуры пастушеского населения³³. Это связано с образом жизни пастушеского населения. Места его постоянного обитания — селения находились в долинах, где рядом с ними были обрабатываемые земли и зимние пастбища. Но как только начинался новый сезон, пастухи отправлялись в горы со стадами. И лишь тогда, когда в горах снега гонят стада, пастухи вновь возвращались обратно³⁴. В горах, где были пастухи, или в степях, где были только кочевники, естественно, поиски археологов не дадут больших результатов. Дело в том, что "постоянные перемещения не оставляют после себя длительных следов, а ветер и дождь уничтожали пепел очагов временных стоянок, на земле остается лишь несколько обожженных камней да редкие оставленные или забытые вещи, именно, — как пишет археолог, — благодаря этому обстоятельству во всех странах находят бесконечное количество отдельных предметов, не связанных между собой"³⁵.

Следовательно, археологи могут обследовать долины. Но в горах, на полонинах, где жили пастухи, реконструкция образа жизни населения не может быть полностью осуществлена. Поэтому на основе археологических материалов нельзя решить вопрос об этническом характере населения горных районов. Для этого необходимо привлечь прежде всего свидетельства древних памятников письменности, которые могут послужить ориентиром для определения района, занимаемого тем или иным этносом. Установив ориентировочно область расселения славян, можно ставить вопрос о роли пастушеского хозяйства в их жизни. Таким образом, отправную точку для постановки вопроса о роли пастушества в жизни древних славян дадут письменные источники. До сих пор историки-этнографы отмечали следы существования пастушеского населения славян в Карпатах только в период развитого феодализма. В VIII в. по письменным-этнографическим источникам было уже зафиксировано славянское пастушеское хозяйство на полонинах. Роль горных пастбищ возросла в хозяйственной жизни славян в XI—XV вв.³⁶ Такое наблюдение способствует развитию исследований истории пастушеского славянского общества. Думаю, однако, что XIII в., принимаемый

за начальную грань появления пастушества у славян, является только условным рубежом.

Рассмотрим известия античных авторов с тем, чтобы попытаться выявить характер славянского пастушеского населения в древности, в период I—VI вв. н.э. Начнем с разбора сочинения Корнелия Тацита (I в. н.э.). Как известно, характеристику жизни славян Тацит дает несколько противоречиво и даже туманно. Есть его прямое указание на славян, находившихся в горной области; "Венеды переняли многое из их нравов, ибо ради грабежа рыщут по горам и лесам, которые только ни существуют между певкинами и финнами"³⁷. Сопоставляя его данные с материалами Иордана, делаем вывод: венеты — склавены одновременно проживали в лесостепной и лесной зонах и в северных областях Карпат. Это во-первых. Во-вторых, основной массив населения славян-венетов падает на районы лесостепей и лесов, причем анты ("анты же сильнейшие из обоих племен распространяются от Данастра до Данапра... эти реки удалены одна от другой на расстояние многих переходов") и склавены ("склавены живут от города Новистуна и озера, именуемого Мурсианским до Данастра, а на север — до Висклы, вместо городов у них болота и леса")³⁸ одновременно проживали именно в этих областях³⁹. И, наконец, в третьих, только небольшая часть славян-венетов, часть племен оклавенов жили в горах на левом склоне Карпат.

Таким образом, мы можем составить более или менее четкое представление о состоянии хозяйственной жизни славян. На большей части территории, заселенной славянами, господствовало земледелие, и лишь небольшая группа славянского населения, часть племени склавенов, заселявшая горные районы, занималась скотоводством. Точнее говоря, относительно небольшая часть славян занималась скотоводством-земледелием сезонно-пастушеского типа.

Окончив разбор свидетельств Иордана и Тацита, необходимо отметить другие данные письменного источника. Речь идет о картографическом памятнике — Певтингеровых таблицах, сложившихся в период I—IV вв. н.э. Венеды (или венеты) были помещены в УП—УШ таблицах под океаном. Рядом в УП таблице находились лугии. Венеты и лугии были представлены как соседи, при этом к обозначениям и венетов, и лугиев были присоединены названия сарматов. Итак, в УП—УШ таблицах под океаном в отличие от других племен располагались лугии-сарматы и венеты-сарматы⁴⁰. Однако в

УШ таблице мы находим также славян-венетов, локализованных в области между Дунаем и, видимо, Днестром в дельте Дуная⁴¹. Есть точка зрения, что во второй половине III в. последнее название было внесено в этом районе в УШ таблицу рукой комментатора⁴². С таким предположением, безусловно, можно было бы согласиться. Но следует отметить, что венеты в области между Дунаем и Днестром не названы картографом сарматами. Просто венеты (или веныды). Обычно все историки считают, что языки лугиев-сарматов и венетов-сарматов отличались от языка германцев. По их мнению, Певтингеровы таблицы объединяют лугиев-сарматов и венетов-сарматов как сарматов, отличающихся от германцев⁴³. Это разъяснение я мог бы вполне (без всяких споров) принять⁴⁴. Действительно, Тацит отмечает, что "котины и овы не германцы, доказывают их языки, галльский у первых и паннонский у вторых", а поскольку лугиев и веныдов он тоже не считает германцами, лугиев и веныды также отличались по языку от германцев, то ясно, что веныды-сарматы имели свой язык. Но в таком случае и язык веныдов, живших в дельте Дуная, отличался от языков других народов. Однако возникает одна трудность. Тацит, рассмотрев обычаи, быт и занятия венетов, решительно подчеркивает отличие их от сарматов⁴⁵.

Таким образом, существует противоречие в этих письменных источниках: с одной стороны, есть известия о венетах-сарматах, помещенных в УП-УШ таблицах под океаном, вернее - заливом веныдским⁴⁶, и примыкавших к областям Сарматии, и, с другой стороны, о венетах, также указанных в таблице УШ (между Дунаем и Днестром), которых источники четко отличают от сарматов. Объяснить отмеченное противоречие помогает один из текстов в труде "О происхождении германцев и местоположении Германии" Тацита. Тацит правильно определил язык венетов, зная, что венеты были близки по быту и занятиям к германцам, но вместе с тем он одновременно указал на два момента: 1) венеты жили не только в лесах или лесостепях, но и в горах, 2) венеты передвигались с большой быстротой. Эти сведения позволяют понять причину появления двух разных названий венетов. Венеты, безусловно, не были кочевниками. Но можно предполагать, что двойное название венетов-сарматов было связано с тем, что часть венетов занималась пастушеством и, тем самым, в какой-то мере по образу жизни приближалась к сарматам. Подвижность венетов-пастухов, главным образом в горах, дала основание географам включить венетов-пас-

тухов в пределы Сарматии. Так объясняется и полвленке на Певтингеровых таблицах названия лугии-сарматы. Лугиев мы находим у Тацита в следующем контекст: "Все эти народности обосновались кое-где на равнине, но главным образом на горных лугах и на вершинах гор и горных цепей. Вся Свевия делит и разрезает надвое сплошная горная цепь, за которой обитает много народов, среди них самые известные - расчленившиеся на равные племена лугии"⁴⁷. Из этого рассказа ясно, что лугии - народ, заселяющий горы и, судя по этому, занимающийся пастушеством. И это также служит основанием для оближения с сарматами.

В сочинении "Война с готами" Прокопия из Кесарии (он писал в период 550-554 г.) также имеется довольно пространная характеристика хозяйства, быта, обычаев, языка и религии антов и славян⁴⁸. Никаких следов пастушества он не отмечает. Но когда хронист начинает описывать славянские перемещения в пределах Восточно-Римской империи, его сообщения дают основания предполагать наличие среди переселявшихся на Балканы славян пастушеского населения. Эти сообщения, впрочем, довольно неопределенны и могут служить лишь небольшим дополнительным материалом к сочинениям Иордана, Тацита и Певтингеровым таблицам.

Итак, перейдем к сведениям Прокопия. Их немного:

"... Славяне... тотчас прервали свой поход на Фессалонику и не дерзали больше опускаться на равнину, но повернули назад и, пройдя по горам через всю Иллирию, оказались в Далмации"⁴⁹.

"Эти варвары (анты. - В.К.) лучше всех других умели сражаться в гористых и трудных местах... Анты, благодаря своей доблести, так как к тому же им благоприятствовала и гористость места... обратили врагов в бегство"⁵⁰.

И наконец, последнее сведение: "В числе его воинов были люди славянского племени, которые привыкли прятаться даже за маленькими камнями или за первым встречным кутом и ловить неприятеля"⁵¹.

Эти высказывания Прокопия, свидетельствующие об определенных навыках, позволявших славянам легко приспособиваться к горным условиям, их способности к быстрому передвижению в горных районах, вполне согласуются с данными о жизни славян, которые приведены выше. Труднее понять, почему аналогичные качества Прокопий приписывает антам. Допустим, что анты были не только земледельцами, но и пастухами. Но где был очаг пастушеского

населения антов, об этом Прокопий из Кесарии не упоминает. Существовал ли он уже в районах первоначального обитания антов-пастухов (приведенное указание Иордана о ховяйстве антов находится в противоречии со свидетельством Прокопия) или лишь позднее под натиском других племен часть антов была оттощена в горы — все эти вопросы остаются открытыми.

Рассматривая сведения, содержащиеся в сочинениях древних авторов и картографов о пастушеском славянском населении, необходимо указать еще одно сообщение о славянах, относящееся к несколько более позднему времени. В труде арабского писателя X в. Абу-ль-Хасан-Аль-ибн Хусейн Масуди "Промывальни золота и рудники драгоценных камней" имеется загадочная и даже сказочная глава "Сообщение о вданиях, почитаемых у славян". В этой главе говорится о трех храмах. Описания храмов отличаются фантастическим характером. Как правило, историки отказываются от использования этих описаний в своих трудах. Лишь недавно востоковед и славист А. П. Ковалевский попытался выделить в содержании рациональное зерно. Согласно его выводам глава относится к истории славян IX в. Далее он говорит: "К таким данным, привлекаемым непосредственно из сообщений Аль-Масуди (независимо от других источников) можно отнести по крайней мере следующие: указание на существование храмов в горах в районе Карпат и у моря, по-видимому, Балтийского, в частности на каком-то острове"⁵².

Храмы в районе Карпат — так интерпретирует историк текст главы, — безусловно, надо связывать с пастушеским славянским населением этого района, с циклами обрядов, праздников и жертвоприношений. Были ли это храмы, или заграды и алтари, или даже роши в Карпатах, сказать об этом историк не может. Это задача этнографов. Но само свидетельство о славянских культовых памятниках в Карпатах открывает нам новую неизвестную черту древнеславянской культуры, связанной с жизнью славян-пастухов.

* * *

*

Судьба Восточной Римской империи решилась в ходе Великого переселения народов. VI-VII вв. были рубежом периода заката рабовладельческой цивилизации и начала нового периода — становления феодализма в Юго-Восточной Европе. Большая роль славян в этих процессах очевидна. Историки, жившие в Византийской империи, оставили нам много свидетельств о славянах этого периода, и в

частности о передвижениях славян и смене славяноских племенных названий. Остановимся подробнее на последнем вопросе.

Иордан, как уже говорилось выше, знал, что "на безмерных пространствах расположилось многолюдное племя венетов". И далее: "Хотя их наименования теперь меняются соответственно различным родам и местностям все же они называются преимущественно склавенами и антами"⁶³.

Волею за Иорданом Прокопий из Кесарии писал: "Большинство из них были гуны, славяне и анты, которые имеют свои жилища по ту сторону реки Дуная, недалеко от его берега"⁶⁴. Речь идет, разумеется, о левом берегу Дуная. И в другом месте: "Эти племена, славяне и анты, не управляются одним человеком, но издревле живут в народоправстве (демократии) и поэтому у них счастье и несчастье в жизни считается делом общим. И во всем остальном у обоих этих варварских племен вся жизнь и законы одинаковы. Они считают, что один только бог, творец молний, является властью над всеми и ему приносят в жертву быков и совершают другие священные обряды"⁶⁵. Неоднократно отмечая существование двух разных народов, Прокопий одновременно подчеркивал их большую близость между собой: "У тех и других один и тот же язык, достаточно варварский. И по внешнему виду они не отличаются друг от друга"⁶⁶.

Из показаний Иордана и Прокопия из Кесарии явствует, что анты и славяне (оклавы) были равновеликим фактором процесса перемещения славян в Дунайский бассейн и на Балканы. Правда, Иордан считал, что анты были сильней склавы⁶⁷. Однако Прокопий из Кесарии в сочинении "Война с готами" отмечает по ходу событий большой натиск славян (оклавы) в войне с империей⁶⁸. Вместе с тем анты были и в войсках Восточно-Римской империи⁶⁹.

Так или иначе, имена антов и славян были в VI в. очень известны. Но в конце VI или начале VII в. имя антов исчезло. По традиции это связывается с разгромом антского союза аварами. "Тем временем, — пишет византийский историк Феофилакт Симоката, — каган, получив известие о набегах ромеев, направил сюда Апсиха с войском и приказал истребить племя антов, которые были союзниками ромеев"⁶⁰.

По мнению советских историков, хотя анты действительно утратили свое имя, но они продолжали жить в областях Юго-Восточной Европы. Племя антов было разбито аварами и слилось со склаве-

нами⁶¹. Можно согласиться с ними во всем, кроме одного: анты — имя огромного военно-политического объединения славян, которое не могло просто исчезнуть. Ни походы готов на антов, ни разгром гуннов, ни нападения аваров, ни оржения ромеев или союз антов с империей не позволяют объяснить, почему исчезло это имя. Нельзя также связывать исчезновение имени антов со столкновением их со склавенами, хотя Прокопий из Кесарии и говорил об их ссорах: "Спустя некоторое время анты и оклаваны рассорились между собой и вступили в войну. Случилось так, что в этой войне анты были побеждены врагами"⁶². Тем не менее в данном сочинении, написанном уже после происшедшего конфликта, фигурируют оба имени — склаваны и анты.

Решить загадку исчезновения имени антов все же можно, хотя бы в гипотетической форме. И анты и оклаваны, родственные по языку и обычаям в V-VI вв. н.э., были двумя большими /военно-политическими объединениями племен с развитым этническим самосознанием. Границей между поселениями антов и оклаванов была, по сообщению Иордана, река Днестр. Несколько иначе дело представлено в Певтингеровых таблицах, где районы поселений венедов на север от Черного моря расположены в двух областях, изолированных друг от друга. Видимо, Иордан все же более правильно размещает славянские племена. Разные названия соседних и близкородственных между собой объединений племен нельзя считать чем-то исключительным для развития процесса этнического самосознания. Тот или иной этнос оформляется в условиях конфронтации с соседями. Антитева мы — они присуща этносу⁶³. Разумеется, это противопоставление нельзя считать в полной мере характерным для взаимоотношений оклаванов и антов. Но процесс консолидации славянских племен (о собственных названиях у таких племен нам говорит Иордан) шел в двух районах, разных по этническому окружению, — отсюда и возникновение двух разных собирательных названий для обозначения славян, живущих на север от Черного моря. Склаваны и анты говорили на одном языке и, судя по свидетельству Иордана, у них было представление об общем происхождении членов обоих союзов. В пограничных областях, где мы сталкиваемся с очевидной конфронтацией славян с другими народами, отличными от них по языку, наиболее активно развивается этническое самосознание, возникают собирательные наименования, объединяющие славян и отличающие их от других народов. На западе,

где славяне примыкали к областям Германии, появилось обратное имя оклавленов, а на востоке, где славяне были в пределах Сарматик, — антов. Не венедами-сарматами, а склавленами должны были называться люди племени. А на востоке население называло себя антами в отличие от кочевников в степи.

Но когда на последнем этапе Великого переселения народов на территории Юго-Восточной Европы появились и утвердились, славяне, содержание этого названия изменилось. Имя оклавленов распространилось на весь славянский мир. Название же анты исчезло. Причины этого следует искать в перемене взаимоотношений славянских племен с окружающим их миром. Импульсом для дальнейшей консолидации славян явилось то обстоятельство, что к имевшей ранее место конфронтации с германцами, балтами, финнами, кочевыми племенами и даже кельтами присоединилась и выдвинулась на первый план конфронтация славян с Восточно-Римской империей. Славянский этнос консолидировался. Славянское этническое самосознание возросло. Лишь затем начинается процесс образования государств и народностей славян.

Перелом в развитии славянского этнического самосознания, который выразился в появлении общего наименования всех славянских племен, падает на период VI — начала VII в. Антитеза мы — они превращается в антитезу славяне — ромей, славянское население земледельцев и пастухов — ромей под властью императора. Длительно, что древнерусский летописец, развивая свою теорию дунайской прародины славян, отнес конечную дату возникновения славян как особого народа также к этому времени. "По мнозех же временах сели оуть словени по Дунаеву, где есть ныне Угорьска земля и Болгарьска. И от тех оловен разидошася по земле и прозвашася имени своими, где седше на котором месте"⁶⁴. Следовательно, речь идет о времени, когда протоболгары еще не утвердились в низменностях Дуная, т.е. ранее второй половины VII в. Отнесенные летописцем именно к этой эпохе завершения формирования славянства представляет большой интерес. Еще более важно его указание на то, что этот процесс сам по себе шел в условиях конфронтации славян с "волохами". "Волохы бо нашедше на словен на Дунайския, и седше в них и насылящим им, словени же ови пришедше седоша на Висле" и т.п.⁶⁵ В статье "Волохи и славяне"⁶⁶ я попытался показать, что термин "волохи" древнерусского летописца представляет собой древнюю контаминацию. Учитывая общий кон-

текст овидетельств Нестора и роль конфронтации с Восточно-Римской империей для развития славянского этнического самосознания, следует уточнить этот вывод. Термин "волохи" у Нестора означает контаминацию не двух, а трех понятий: волохи - древние римляне, волохи - восточнороманские пастухи и волохи - "ромей", подданные Восточно-Римской империи. В этом случае мы имели бы дело с известным обоснованием в древнерусской традиции важности конфронтации с Восточно-Римской империей для развития славянского этноса. Вместе с тем новые наблюдения никак не изменяют сделанного в 1971 г. вывода, что известия "Повести временных лет" ясно овидетельствуют об участии волохов в передвижении славянских племен в Подунавье. Тем самым вопрос о контактах между славянами и восточными романами уже с начала Великого переселения народов продолжает оставаться актуальным.

Важное значение имели контакты между пастушеским романским населением и славяноязычными пастухами, двигавшимися с Карпат на юг. На первых этапах славянской колонизации роль этого пастушеского населения благодаря его способности быстро передвигаться, в том числе в малодоступных горных областях, должна быть особенно значительной.

Но затем начинается процесс освоения земли, развивается земледелие. И с течением времени земледелие либо оттесняет пастушество, либо подчиняет пастушество себе.

Следи существования у славян хозяйства пастушеско-земледельческого типа в первом тысячелетии н.э., которые удалось выявить в трудах античных авторов, дают возможность оделать некоторые выводы.

1. Издревле у славян было две отрасли или типа хозяйственной жизни: земледелие и пастушество.

2. Основным типом хозяйства у славян было, безусловно, земледелие.

3. Материальная культура населения, занимавшегося огненным пастушеским скотоводством при вспомогательном характере земледелия в древности и в период раннего и развитого феодализма, не дает достаточных опор для археологических изысканий.

4. Исследования по истории пастушеского населения являются в настоящее время задачей этнографов. Этнографы-историки, обнаружив письменные-этнографические источники, зафиксировали присутствие славянского пастушеского населения в Карпатах в XIII в. Такое наблюдение помогает развитию исследований истории пастушеского славянского общества.

5. Думаю, однако, что XIII в., принимаемый за начальную грань появления пастушества у славян, является только условным рубежом. Более того, следы присутствия пастушеского славянского населения можно обнаружить в сочинениях античных и восточных авторов (в период I-VI вв.). Группируя и сопоставляя сведения античных авторов, реконструируя ареалы обитания военно-политических союзов антов и склавеннов, происходящих от корня венетов (венедов), мы можем определить роль пастушества в жизни разных групп славян.

6. Склавенны-венеды, по известиям Тацита (I в. н.э.) и Иордана (VI в.), жили в лесостепной и лесной зонах и в горах. Сопоставление фактов Иордана и Тацита с картографическими материалами Певтингеровых таблиц (I-IV вв.) дает возможность различить разные типы их хозяйственной жизни. Земледельцы-склавенны обитали на равнинах, пастушеское склавенское население жило в горах, на склоне Карпат, "спускающемся к северу, начиная от места рождения реки Вистулы" (Иордан).

7. Переходя к имени венедсв-антов, мы вынуждены в результате разбора сочинений Тацита, Иордана и Певтингеровых таблиц принять, что анты были только земледельцы. Данные Иордана и Певтингеровых таблиц, противоречащие свидетельства Прокопия из Кесарии практически не подтверждают наличие очага пастушеского населения антов. Вопрос о переходе антов к пастушеству в ходе военных столкновений, когда часть антов могла быть оттеснена в горы, остается открытым.

8. В труде арабского писателя X в. Абу-ль-Хасан Аль ибн Хусейн Масуди сохранилось отчетливое указание о культуре пастушеского населения Карпат. Источником труда Масуди является сообщение, относящееся к IX в. Храмы в районах Карпат или заград, алтари или даже рожи связаны, видимо, с пастушеским славянским населением, с его циклами обрядов, праздников и жертвоприношений.

9. Переходя к перемещению славян в Дунайском бассейне, на Балканах, Динаридах и Карпийских и Юлийских Альпах, мы должны отметить в VI-VII вв. большую роль пастушеского славянского населения в военных действиях против Восточно-Римской империи. Данные Иордана и Прокопия о пастушеском славянском населении, о стремительном перемещении пастухов и отгонах окота дают вполне ясную картину роли славянского пастушества в движении славян с Карпат на юг.

10. В VII в. имя автов исчезло (см. Феофилакт Симоката, История), а имя оклавинов распространилось на весь славянский мир. Решая вопрос об изменении имени славян в Подунавьи, я попытался связать его с перемещением славян в Подунавье. Перелом в развитии славянского этнического самосознания падает на период VI - начала VII в. Славянский этнос консолидировался, а импульсом для этого явилась, главным образом, вооруженная борьба и конфронтация славян с Восточно-Римской империей. Роль пастушеского славянского населения в развитии славянского самосознания была значительной.

11. Привлекая указания "Повести временных лет": "По многих же временах сели суть словене по Дунаеву, где есть ныне Угорьска земля и Българьска. И от тех словен разидошася по земле и прозвашися имена своими где седше на котором месте", мы отметим период завершения формирования славянства как этноса в рассказе Нестора. Речь идет о времени, когда протоболгары еще не утвердились в низменностях Дуная, т.е. ранее второй половины VII в. Учитывая общий контекст указания "Повести временных лет" и огромную роль конфронтации с Восточно-Римской империей для развития славянского самосознания, необходимо уточнить вывод в моей статье "Волохи и славяне" ("Советское славяноведение", 1971, № 4). Термин "волохи" у Нестора означает контаминацию не двух, а трех понятий: "волохи" - древние римляне, "волохи" - восточнороманские пастухи и "волохи" - "ромей" Восточно-Римской империи.

12. В действительности в VI-VII вв. в Подунавье, на Балканах и Динаридах идет речь о войне и конфронтации славян одновременно и с ромеями и с восточнороманскими пастухами. И ромей, и подданные Восточно-Римской империи, главным образом, армия и восточнороманское пастушеское население, были латиноязычными. Конфронтация и связь славянского этноса с населением латиноязыч-

ным — важный фактор в развитии славянского мира. Первые контакты и конфронтация пастушеского населения славян с волохами произошли именно на территории дунайского бассейна в VI — начале VII в. н.э.

Самодивная вперед, мы, историки, естественно понимаем, что в целом пастушеское хозяйство в ходе истории славянских народов постепенно сокращалось и превращалось в подсобную отрасль в общей системе хозяйства. Но для того, чтобы дать правильную, ясную картину развития хозяйства пастушеско-земледельческого типа у славян от зарождения этой хозяйственной формы и вплоть до настоящего времени, необходимо попытаться хотя бы в общих чертах реконструировать картину пастушеского хозяйства славянских племен I тысячелетия н.э. Ни историки, ни даже археологи, а именно этнографы-историки могут нам дать такую реконструкцию.

Попытки выявить основные узлы воздействия пастушеского населения, главным образом волохов, на культуру всего карпатского ареала XV—XVII вв. были уже сделаны и довольно интересны⁶⁷. Советские историки сумели также внести весомый вклад в изучение этой проблематики, исследуя проблему волошской колонизации и волошского права⁶⁸. Лингвисты собрали важный материал, свидетельствующий о тесных контактах славянского и романского пастушеского населения⁶⁹. Но задача комплексных исследований реконструкции жизни пастушеского славянского населения в Карпатах и на Балканах в древности и в период раннего средневековья до сих пор главной не была. Комплекс таких исследований, в ходе которых привлекались бы выводы и материалы лингвистов, археологов, историков и даже антропологов, возможен только под руководством этнографов-историков. Только этнографы-историки, располагая огромной массой этнографических материалов XV—XIX вв., смогли бы, применяя ретроспективный историко-сравнительный метод, сделать настоящую последовательную реконструкцию пастушества славян.

П р и м е ч а н и я

¹ К л ю ч е в с к и й В.О. Боярская дума древней Руси. Пг., 1919, с. II.

² Р о ж к о в Н.А. Русская история в сравнительно-историческом освещении, т. I. М.—Л., 1930, с. 81.

³ См.: "Историк-марксист", 1937, № 3, с. 168.

4 Третьяков П.Н. Восточнославянские племена. М., 1963, с.266-272. *Żowmiański H. Podstawy gospodarcze formowania się państw słowiańskich. Warszawa, 1953, s.138-178.*

5 Тацит К. Соч. в 2-х т., т.1.Л., 1969, с.372-373.

6 Monumenta Poloniae Historica. Nova series. Kraków, 1946, с.52.

7 Там же, с.28.

8 Греков Б.Д. Киевская Русь. М.-Л., 1939; изд.2-е, 1944; Греков Б.Д. Избранные труды, т.П. М., 1959.

9 См.: Третьяков П.Н. Восточнославянские племена. М. 1953; Он же. Финно-угры, балты и славяне на Днепре и Волге. М.-Л., 1966; Ляпушкин П.И. Славяне Восточной Европы накануне образования Древнерусского государства. Л., 1968; Довженок В.Н. Землеробство Древней Руси. Київ, 1961; Балан В.Д. Раннеословянские памятники Верхнего Поднестровья и Поднестровья. Материалы и исследования в археологии Прикарпатья и Волині, вип.5. Київ, 1964; Седов В.В. Славяне Верхнего Приднепровья и Подвинья. М., 1970; Федоров Г.Б. Население Прутско-Днестровского междуречья в I тысячелетии н.э. М., 1960; Новосельцев А.П., Пашуто В.Т., Черепнин Л.В. Пути развития феодализма. М., 1972; Липшиц Е.Э. Очерки истории византийского общества и культуры. М.-Л., 1961; Каждан А.П. Деревня и город в Византии IX-X вв. М., 1960; Литаврин Г.Г. Болгария и Византия в XI-XII вв. М., 1960; Бромлей Ю.В. Становление феодализма в Хорватии. М., 1964; Разумовская Л.В. Очерки по истории польских крестьян (от древних времен до XV века). М.-Л., 1958; Наумов Е.П. Господствующий класс и государственная власть в Сербии XIII-XV вв. М., 1975; Сб.: Исследования по истории славянских и балканских народов. Эпоха средневековья. М., 1972; Неедлы Эд. История чешского народа, т.1. М., 1952; *Kostrzewski J. Kultura prapolska. Poznań, 1947; Żowmiański H. Podstawy gospodarcze, formowanie się państw słowiańskich; Он же. Początki dziejów polski. Z dziejów słowian w I tysiącleciu n.e., t. I-V. Warszawa, 1963-1967; Невел В. Słowianoszczyna wczesnośredniowieczna. Zarys kultury materialnej, wyd. 2. Warszawa, 1956; Fillion J. Pocatki slovenskeho osidleni v Ceskoslovensku. Praha, 1946; Poulík J. Žitní Morava-země dávných Slovanu. Brno, 1950; Навллік L. Velka Morava a středoevropské Slované. Praha, 1964; Die Slawen in Deutschland, Berlin, 1970. Ангелов Д. Образуване на българската народност. София, 1970.*

10 См.: Очерки истории СССР, III-IX вв. М., 1958; История культуры Древней Руси, т.1. М.-Л., 1948; Лященко П.И. История народного хозяйства, т.1. М., 1947; Нариси стародавньої історії Української РСР. Київ, 1957; История Украинской ССР, т.1. Киев, 1953; История Белорусской ССР, т.1. Минск, 1972; История Болгарии, т.1. М., 1954; История Польши, М., 1956; История Югославии, т.1. М., 1963; История на България. София, 1954; История народа Угославије, т.1. Београд, 1953; *Prähled Ceskoslovenských dejin, t.1. Praha, 1958; Historia Polski, t.1. Warszawa, 1957.*

11 Корольков В.Д. Древнепольское государство. М., 1957; Он же. Западные славяне и Киевская Русь в X-XI вв. М., 1964.

- 12 Имеется в виду этнос болгар-кочевников-протоболгар в отличие от болгар-славян.
- 13 К о р о л ю к В.Д. Западные славяне и Киевская Русь, с.9-10.
- 14 Мордан о происхождении и деяниях готов.—"Getica" . М., 1960. Комментарий Е.Ч.Скрижиной, с.209.
- 15 Getica, с.71.
- 16 Там же, с.90.
- 17 Там же, с.90.
- 18 Там же, с.72.
- 19 Прокопий из Кесарии. Война о готами. М., 1960, с.384.
- 20 Там же, с.297-298.
- 21 Типы керамики славян достаточно точно рассматривали археологи. См. Ра ф а л о в и ч И.А. Славяне VI-IX вв. в Молдавии, Кишинев, 1972.
- 22 Ср. К о р о л ю к В.Д. Вместо городов у них болота и леса... (К вопросу об уровне славянской культуры в V-VI вв.). - "Вопросы истории", 1973, № 12, с.198-199.
- 23 С к р ж и н с к а я Е.Г. Комментарий, с.220.
- 24 М а в р с д и н В.В. Образование древнерусского государства. Л., 1945, с.27-58; П е т р о в В.П. Етногенез славян, Джерала, этапы розвитку і проблематика. Київ, 1972, с.12 и далее.
- 25 С к р ж и н о к а я Е.Г. Комментарий, с.212.
- 26 К о р о л ю к В.Д. Основные проблемы формирования контактной зоны в Юго-Восточной Европе и бассейновом регионе в Восточной и Центральной Европе. - Сб.: Проблемы социально-экономических формаций. Историко-типологические исследования". М., 1975, с.159-160.
- 27 Н е п в е л W. Słowiańszczyzna wczesnośredniowieczna, с.81; О н ж е. Archeologia o początkach miast słowiańskich. Wrocław - Warszawa - Kraków, 1963.
- 28 К о р о л ю к В.Д. Древнепольское государство, с.52-64; Н е п в е л W. La naissance de la Pologne. Wrocław - Warszawa - Kraków, 1966, с.27-38.
- 29 Т р е т ь я к о в П.Н. Восточнославянские племена. О н ж е. Синно-угры, балты и славяне на Днепре и Волге; О н ж е. У истоков древнерусской народности. Л., 1970; Б а р а н В.Д. Раннеославянские памятники Верхнего Приднепровья и Подвинно-Захидної Русі; Ф е д о р о в Г.Б. Население Прутско-Днепровского междуречья; С е д о в В.В. Славяне Верхнего Приднепровья и Подвинья. - В сб.: Раннесредневековые восточнославянские древности. Л., 1974; Древняя культура Молдавии. Кишинев, 1974; Н о б о л ь Л.Д. Славянские древности Белоруссии (ранний этап зарубинецкой культуры). Минск, 1971; С м і л е н к о А.Т. Слов'яни та їх свідки в степовому Подніпров'ї (XIII ст.). Київ, 1975; Погребальный обряд племен Северной и Средней Европы в I тысячелетии до н.э. - I тысячелетии н.э. М., 1974; К у х а р е н к о Ю.В. Археология Польши. М., 1969; Ф е д о р о в Г.Б., П о л е в о й Л.Д. Археология Румынии. М., 1973;

K o s t r z e w s k i J. Kultura polska; Idem. Pradzieje Polski. Poznań, 1949; L e b r - S p l a w i n s k i T. O pochodzeniu i praojczyźnie Słowian. Poznań, 1946; K o s t r z e w s k i J., C h m i e l e w s k i W., J a z d ż e w s k i K. Pradzieje Polski. Poznań, 1946; M a l i n o w s k i T. Odrządek pogrzebowy ludności kultury pomorskiej. Wrocław - Warszawa - Kraków, 1969; H e n s e l W. Archeologia i prehistoria. Wrocław - Warszawa - Kraków - Gdańsk, 1971; W e n e k u s R. Stammenbildung und verfassung. Das Werden der frühmittelalterlichen Genten. Köln-Gras, 1961; G i m b u t a s M. The Slavs. London, 1971; Z o w s i a n s k i H. Początki Polski, t.I-V.

30 Т о п о р о в В.Н., Т р у б а ч е в О.Н. Лингвистический анализ гидронимии верхнего Поднепровья. М., 1962; Т р у б а ч е в О.Н. Названия рек Правобережной Украины. Словообразование, этимология. Этническая интерпретация. М., 1968; И в а н о в В.В., Т о п о р о в В.Н. К постановке вопроса о древнейших отношениях балтийских и славянских языков. М., 1968; Ф и д и н Ф.П. Образование языка восточных славян. М.-Л., 1962; Г о р н у н г Б.З. Из предстории образования общеславянского языкового единства. М., 1963; В е р ж б о в с к и й А.А. Белорусско-литовские лексические взаимовязи. Вильнюс, 1961; Сб.: Полесье (лингвистика, археология, топонимика). М., 1967; Лексика Полесья. М., 1968. - Сб. Этнонимы. М., 1970; и др.

31 К о б ы ч е в В.П. В поисках прародины славян. М., 1973.

32 О с о в о в к и й Д. Западное Полесье - прародина славян. - "Вопросы языкознания", 1971, № 1.

33 К о р о л ь В.Д. Исследованиям в области этногенеза славян и восточных романцев. - "Советское славяноведение", 1973, № 3, с.80, 91.

34 С р. М о р г а н Ж., де. Доисторическое человечество. М.-Л., 1926, с.126.

35 Там же, с.161.

36 R o d o l á k J. Polonínské hovrosárstvo huculov v ukrajinských Karpatoch. - "Slovenský národopis", r.XIV, 1966, с.288-289; Т и в о д а р М.П. Народные традиции в полонинском пастушестве украинцев Раховщины. - "Карпатский сборник", М., 1972, с.20.

37 Т а ц и т К. Указ. соч., т.I, с.372. Латинский оригинал: "Venedi multum ex moribus traxerunt, nam quidquid inter Fenosinos Fenosque silvarum ac montium erigitur, latrociniiis pererant; hi tamen inter Germanos potius referuntur, quia et domos fingunt, et scuta gestant et pedum usu ac pernitate gaudent, quae omnia diversa Sarmatis sunt, in plastro equoque viventibus". - Tacite. Oeuvres completes. Paris, 1840, p.450.

38 Getica, с.72.

39 С р. Прокопий из Кесарии. Указ. соч., с.297-298.

40 Z o w s i a n s k i H. Początki Polski, t.I. Warszawa, 1963, с.176-177.

41 Ibidem.

42 Ibidem, p.180-181.

- 43 С к р ж и н с к а я Е.Г. Комментарий, с.193; Z o w n i a -
ń s k i Н. Roszarki Polski, t.I, s.181.
- 44 К о р о л ь к В.Д. О некоторых спорных вопросах раз-
вития черняховской, славянской, древнерусской и балкано-дунайской
археологических культур Днестровско-Прутского междуречья. - "Со-
ветское славяноведение". М., 1976, с.104.
- 45 Т а ц и т К. Указ. соч., т.I, с.370.
- 46 С к р ж и н с к а я Е.Г. Комментарий, с.210.
- 47 Т а ц и т К. Указ. соч., т.I, с.371.
- 48 Прокопий из Кесарии. Указ. соч., с.297-298, 366, 384.
- 49 Там же, с.370.
- 50 Там же, с.319-320.
- 51 Там же, с.243-244.
- 52 К о в а л е в о к и й А.П. Аль-Масуди о славянских язы-
ческих храмах. - Сб. "Вопросы историографии и источниковедения
славяно-германских отношений". М., 1973, с.86.
- 53 Getica, с.71-72.
- 54 Прокопий из Кесарии, с.156.
- 55 Там же, с.297.
- 56 Там же.
- 57 Getica, с.72.
- 58 Прокопий из Кесарии, с.337, 365-366, 369, 374-375.
- 59 Там же, с.319.
- 60 С и м о к а т т а Ф. История. М., 1957, с.100.
- 61 М а в р о д и н В.В. Указ. соч., с.60-64; С к р ж и н -
с к а я Е.Г. Комментарий, с.220-221.
- 62 Прокопий из Кесарии. Указ. соч., с.295.
- 63 Б р о м л е й Ю.В. Этнос и этнография. М., 1973, с.31.
- 64 Повесть временных лет, ч.I. М.-Л., 1950, с.11.
- 65 Там же.
- 66 "Советское славяноведение", 1971, № 4, с.50-53.
- 67 Б р о м л е й Ю.В., Г р а ц и а н с к а я Н.Н. Этно-
графические аспекты карпатоведения. - "Советское славяноведе-
ние", 1973, № 6, с.65-66.
- 68 И н к и н В.Ф. К вопросу о социально-политической орга-
низации галицких сел на волошском праве (о сборах-вече). - Сб.
Карпато-Дунайские земли в средние века. Кишинев, 1975.
- 69 К л е п и к о в а Г.П. Славянская и пастушеская терми-
нология. Ее генезис и распространение в языках Карпатского арча-
ла. М., 1974. (здесь же см. литературу проблематики).

Е. П. Наумов
(Москва)

**ВОЛОШКАЯ ПРОБЛЕМА В СОВРЕМЕННОЙ ЮГОСЛАВСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ
(ПРОБЛЕМЫ ЭТНИЧЕСКОЙ И СОЦИАЛЬНОЙ ИСТОРИИ
СРЕДНЕВЕКОВЫХ ВЛАХОВ)**

Говоря об исследованиях истории средневековых владов западной части Балканского полуострова (т.е. на территории современной Югославии), следует прежде всего отметить большое значение названной проблематики для анализа этнического и социального развития этих земель (Македонии, Сербии, Черногории, Боснии, Герцеговины, отчасти и Хорватии), обусловленное состоянием источниковедческой базы и историографии всего весьма широкого и сложного круга вопросов¹. Особая значимость исследований этой проблематики (сравнительно с разработкой роли владов в других регионах Балканского полуострова) является следствием того, что в данном случае историческая наука располагает достаточно обширным и равнообразным материалом. Фонд исторических источников (не только сербских, но и дубровницких, турецких), дающих возможность получить свидетельства для значительного хронологического периода (с XII и XIII в. вплоть до XVI в.), в последнее время расширяется за счет новых публикаций материалов из дубровницкого и турецких архивов².

Значение средневековых свидетельств о владов рассматриваемых районов современной Югославии тем более возрастает, что материалы исторических источников иного происхождения (например, византийские) и по другим районам Балканского полуострова, как известно, зачастую скудны и весьма фрагментарны³. Все эти обстоятельства делают особенно важными тщательный анализ и осмысление сохранившихся сведений о владов (в особенности — в эпоху существования самостоятельных феодальных государств в Сербии, Боснии, Вете, равно как и после завоевания этих земель турками-османами). Анализ необходим не только для исследования общеполканской проблемы расселения и этнической истории владов и славяно-владовских этнических и языковых взаимных связей и контактов, но и для более полного изучения внутренней истории феодальных полканских государств, социально-экономического развития полканской деревни.

Несмотря на то, что имеется достаточно широкий и разнообразный фонд исторических источников, в освременной югославской историографии эта тематика еще не получила надлежащего освещения, которое явилось бы результатом не только привлечения всего доступного науке материала средневековых памятников, но и тщательного, кропотливого рассмотрения и истолкования сохранившихся свидетельств и высказанных по их поводу в литературе мнений. Правда, в последнее время, как уже отмечалось⁴, в югославской историографии в известной мере возрос интерес к этим проблемам; появились некоторые любезные работы, введен в научный оборот новый интересный материал лишь недавно опубликованных важных источников (в частности, турецких и дубровницких), однако до сих пор весь круг названных проблем недостаточно изучен, в определенной части остается спорным и неясным.

Говоря о причинах такого состояния и о характерных особенностях разработки владшской проблематики в югославской послевоенной историографии, следует прежде всего назвать неравномерность в освещении темы (как в хронологическом, так и в конкретно-историческом плане). Более того, отдельные статьи или публикации по частным вопросам, работы локального характера оказываются зачастую недостаточными для создания синтетической картины развития, обобщения накопленных фактов. Отсутствие монографических исследований закономерно приводит к появлению конкретных фактических неточностей, пробелов, спорных выводов и прямо противоположных заключений (так, например, о славянизации владхов, или же о происхождении черногорских и герцеговинских племен, взаимосвязь и соотношение которых с владскими и албанскими общинами — "катунами" вызывает дискуссии). Разумеется, задачи такого синтетического обзора и решения основных проблем истории владхов не могут быть решены и в вышедших в Югославии обобщающих трудах, научно-популярных и справочных изданиях, в учебных пособиях по истории средневекового общества, поскольку в соответствии с характером упомянутых изданий интересующие нас проблемы освещаются нередко весьма поверхностно (это, например, было отмечено при обсуждении "Истории Югославии" И. Божича, С. Чирковича и других авторов, вышедшей в свет в 1972 г.)⁵.

Вместе с тем следует прибавить, что неравномерность и недостаточность работ по данной тематике в современной югославской исторической литературе нельзя объяснить наличием многочисленных монографических исследований буржуазных ученых (югослав-

ких, а также историков других стран). Дело в том, что имеющиеся работы буржуазных историков были основаны лишь на более узком (нежели теперь) круге источников, их выводы (в особенности относительно этнической принадлежности владхов) иногда недостаточно аргументированы и тенденциозны⁶. Это последнее обстоятельство (т.е. характер оценок этнической истории владхов) тем более важно, что в современной югославской литературе по соответствующим вопросам особое внимание уделяется прежде всего анализу социально-экономического развития владхов. Явное преобладание разработок этих аспектов владшской проблемы (в особенности — работ о владшских "катунах" и их взаимосвязи с племенами Черногории и Герцеговины времен османского владычества), разумеется, приводит не только к недооценке этнически-языковых предметов исследования, но и невозможности общей постановки владшской проблемы в ее эволюции и многообразии всего этого сложного комплекса вопросов.

Наконец, следует указать и еще об одной примечательной особенности всех этих разработок истории владхов в современной югославской науке. В результате отмеченного выше преимущественного внимания к социальной или хозяйственной форме организации, какой были владшские общины — катуны, возникают заметная нечеткость и смещение критериев в исследовании. Это объясняется тем, что владшские катуны по своему характеру (именно как общины — поселения скотоводов, обитавших главным образом в горных районах) были весьма сходны с албанскими общинами, которые в средневековых сербских источниках именуется так же ("катуны"). Таким образом, особое внимание к этой форме общинной организации, общей для владхов и албанцев, может привести лишь к акцентированию общих черт средневекового пастушеского населения Балканского полуострова, которое было весьма неоднородным по происхождению, языку и этническому облику (как известно, жителями этих катунов были не только владхи и албанцы, но и славяне и славизированные владхи и т.д.)⁷. Вполне естественно, что такой подход к исследованию источников о средневековых владхах не дает возможности выяснить специфику социальной и этнической истории их (в отличие от албанцев и скотоводов-славян). Более того, в связи с этим сложно определить роль владшских общин в общей системе феодального общества и хозяйства, феодальной эксплуатации и сословных подразделений средневековой государственности.

Наглядным примером заметного смещения критериев и целей анализа владшской проблемы (на материале оредневековых памятников) служит, в частности, публикация докладов, прочитанных на симпозиуме, совванном Балканологическим институтом Научного общества Социалистических республик Боснии и Герцеговины в ноябре 1961 г. в Сараеве. Хотя этот симпозиум был посвящен именно владшским катунам, авторы некоторых докладов пытались проанализировать свидетельства о средневековых катунах вообще (т.е. и албанских и др.). Это отразилось и в названии сборника⁸, более того, оказалось и на целенаправленности работы симпозиума. Смещение критериев, ставшее особенно заметным ввиду отсутствия на симпозиуме докладов лингвистического характера, в известной мере помешало разработке и выяснению специфической роли владшских общин (в отличие от албанских) и владш в системе сербского и боснийского феодального строя, более обстоятельному рассмотрению славяно-владшских этнических и языковых взаимоотношений.

Вполне понятно, что общая оценка состояния исследований владшской проблематики в современной югославской литературе была бы неполной, если бы мы не рассмотрели конкретно итоги и задачи этих разработок по основным периодам средневековой истории следующих районов Балканского полуострова: Сербия, Зеты, Босния, Герцеговины и Македония⁹. Естественно, при характеристике периодов средневековья и соответствующей литературы о владшах той поры нам необходимо выделить основные вопросы, связанные с социально-экономическим положением и этническим обликом владш.

Так, прежде всего следует сказать с расселении и роли владш в эпоху раннего средневековья, уже после заселения славянами Балканского полуострова (т.е. о УП в.). Эта сложная и весьма важная в научном плане проблема освещается в современной югославской историографии преимущественно в аспекте общих контактов славян и прежних жителей (главным образом — романализованных) упомянутых балканских территорий, притом обычно — лишь на страницах сводных обобщающих трудов по истории СФРЮ и отдельных ее республик, в популярных и справочных изданиях¹⁰. В известной мере названные вопросы освещаются и в некоторых специальных работах по истории этногенеза югославянских народов¹¹. К сожалению, слишком мало исследованы интересные проблемы славяно-романских (владшских), интерроманских (владшко-далматинских) и романско(владшко)-иллирийско-фракийских языковых и этнических

ких взаимоотношений и контактов (в частности, на материале топонимики и пастушеской терминологии)¹².

Особенно важно для изучения этнической истории владов проанализировать контакты владов с другим олом романского населения Балкан — далматинцами¹³. Это объясняется тем, что для данного периода (в частности для X и XII вв., когда повипии Византии на Балканах укрепились) в византийских источниках сохранилось любольтные овидетельства о наличии опепифической римской традиции, о римском происхождении далматинцев ("романцев") и владов¹⁴. К сожалению, в имеющейся литературе исследуемый вопрос фактически не нашел освещения, равно как и проблема существования и этнического самосования владов, находившихся на территории первых раннефеодальных государственных образований вгославянских народов (т.е. в Сербии, Зете и т.д.).

Такой пробел в трактовке истории владов (на протяжении УП—XII вв.) имеется в некоторых оводных работах вгославских историков прежде всего потому, что при освещении проблем раннего средневековья речь о владях (обычно — в общем плане, в комплексе "старожилов", оказавшихся в этих землях в момент славянской колонизации и расселения) идет лишь при упоминании наиболее ранних славяно-владских контактов. Более того, нередко уже при оценке итогов расселения славян и их взаимоотношений с романским и романизированным населением делается вывод об "исчезновении" (постепенном, частичном или полном) владов и их слиянии с местным олавянским населением¹⁵. Примечательно, что в некоторых трудах владов (в отличие от романских далматинцев) вообще не считают особым этническим элементом, существовавшим на данной территории в раннем средневековье и сыгравшим определенную роль в славяно-романских этнических отношениях и в процессе формирования раннесредневековых вгославянских народностей¹⁶.

Такая трактовка представляется необоснованной, тем более, что в некоторых обобщающих трудах в последующем изложении (уже при описании событий и процессов XIII—XIV вв.) влады упоминаются, притом неоднократно¹⁷. Иными словами, читателям остается непонятым, действительно ли влады присутствовали на соответствующей территории в эпоху раннего средневековья или же они появились в этих землях гораздо позднее (тем самым, закономерно возникает вопрос, как и откуда происходили допустимые таким образом передвижения владов). Кроме того, необходимо отметить, что такой неоправданный пробел о владях на территории назван-

ных регионов современной Югославии (применительно к эпохе X-XII вв.) в ряде случаев вовсе нельзя отнести лишь за счет отсутствия или "молчания" сохранившихся исторических памятников. В частности, некоторые упоминания в изученных Г.Г.Литавриным византийских источниках X-XIII вв. относятся к районам южной (возможно, и центральной) Македонии¹⁸. Заметим, что и часть источников западноевропейского происхождения содержит свидетельства о влахах на территории северо-восточной Сербии (в конце XII в.)¹⁹. Разумеется, анализ этих материалов требует дальнейших поисков в области средневековой исторической географии и этнонимии, в том числе и проверки уже высказанных по их поводу в литературе утверждений (в частности, болгарского историка В.Златарского, будто "влахи", встречаемые в северо-восточной Сербии крестоносцами в 1189 г., были просто "болгарами из северной Болгарии")²⁰.

Необходимость дальнейших исследований в области истории влахов (в Сербии, Зете, Македонии и т.д.) в эпоху раннего средневековья представляется, на наш взгляд, тем более настоятельной, что нередко в упомянутых югославских изданиях для рассматриваемого периода (как, впрочем, и для всей феодальной эпохи) дается весьма противоречивая оценка этнической принадлежности живших в этих землях влахов. Так, например, в коллективной "Истории Югославии" (авторы И.Божич, С.Чиркович и др.) при рассказе о результатах славянского заселения указывается, что алахи (скотоводы) постепенно вступили в более близкие контакты со славянским земледельческим населением и "в конце концов большей частью слились с ним"²¹. Между тем, С.Чиркович приходит к такому выводу относительно этнического положения средневековых влахов: "Хотя влахи приняли язык и имена своего славянского окружения, хотя они (правда, весьма поверхностно) были оквачены господствующей церковью, они не воспринимались своим окружением в качестве членов той же общественной и этнической общности. На протяжении всей средневековой эпохи название влах употребляется в текстах как этническое обозначение наряду с названиями грек, албанец или болгарин"²².

В известной мере сходное заключение делает и македонский историк Б.Панов, рассматривающий процессы этнического развития в Македонии с VI до XI в., т.е. уже после заселения славянских племен в этих районах Балканского полуострова. Так же, указывая на тот факт, что представители прежнего (романизированного и

эллинизированного) населения Македонии, оставшиеся в родных местах, "были достаточно малочисленны и быстро ослились с массой славян", Б. Панов поясняет, что вlahи — это остатки прежнего (дославянского) населения, которые "сохранили свои этнические особенности, благодаря тому, что поселились в горах"²³. Таким образом, если вывод С. Чирковича весьма широк и подразумевает присутствие вlahов на протяжении всего средневековья (причем: на всей территории современной Югославии), Б. Панов конкретно указывает на существование (вплоть до X—XI вв.) в Македонии вlahов, не подвергшихся еще олавянизации, что, кстати, следует сопоставить с упомянутыми нами выше свидетельствами византийских источников той поры.

В связи с противоречивыми оценками роли и этнического облика вlahов (еще в раннефеодальную эпоху) в исторической литературе современной Югославии особую важность приобретает вlahская проблема применительно к периоду (XIII—XV вв.) существования самостоятельных югославских государств Сербии, Боснии и Зеты (в известной части — и Македонии, входившей тогда в состав феодального Сербского государства). Для истории вlahов в эпоху развитого феодализма, когда ученые располагают уже гораздо большим числом источников (в частности, ценными документами из Дубровницкого архива, важными сведениями сербских грамот, содержащих поименные перечни вазисимых вlahов — подданных крупных монастырей), имеет немаловажное значение: выяснение их социально-экономического положения в феодальном обществе, изучение местонахождения известных нам вlahских общин той поры и отчасти пути их передвижений; разработка вопроса об этническом облике вlahов, о темпах и размерах процессов их славянизации, равно как и о контактах их с пастушеским албанским населением и романскими жителями далматинских городов Сербского приморья.

Хотя вопросам социального статуса в югославской историографии сейчас (как, впрочем, и в советской литературе) уделяется довольно много внимания, нередко можно встретить в некоторых работах югославских ученых спорные положения, не находящие подтверждения в известных нам источниках или трудах других историков. Так, например, Р. Иванович заявляет, что жизнь скотоводов, феодально зависимых от сербских монастырей (в том числе и вlahов), была "весьма тяжела и трудна, поэтому государи в грамотах освобождали скотоводов от государственных работ и обязаннос-

тей"²⁴. Причинами освобождения, как уже неоднократно указывалось в марксистской историографии, были не "снисходительность" и благожелательность сербских феодальных правителей, а развитие феодального иммунитета и рост привилегий крупных земельных собственников (светских и духовных)²⁵.

Точно так же, несмотря на ведущее уже давно исследование Законника царя Стефана Душана (1349) и сопоставление его статей с другими законодательными и актовными памятниками феодальной Сербии, академик Н. Радойчич в своем последнем издании Законника заявил, будто во главе общин скотоводов (влахов и албанцев) тогда находились "чслники" и "примиккери", в то время как поселения крестьян-земледельцев возглавлялись "владельцами"²⁶. Такое разграничение терминов и выделение якобы "влахских" обозначений общинной верхушки, на наш взгляд, совершенно необоснованно и не находит подтверждения в других работах²⁷.

Мы можем указать и на другой тезис такого рода: в книге 2-й "Истории Черногории", посвященной истории XIII - первой половины XIV в., мы встречаемся с повсюду странным утверждением, будто "положение" влахских и албанских катунов, которые Душан жаловал монастырям, "трудно определить", более того, "мир скотоводческих катунов... в этом периоде мало известен"²⁸. В ответ на такое заявление достаточно сослаться как раз на жалованные грамоты Душана, на имеющуюся литературу (см. работы Др. Янковича, Р. Ивановича и других), где перечислены феодальные повинности, а нередко и зависимые вlahи поименно.

Такая поверхностность в трактовке положения влахов, "забывание" общеизвестных материалов сочетаются нередко в имеющейся литературе с неожиданным "зачислением" в разряд влахов тех крестьян или же некоторых представителей господствующего феодального класса, которые упоминаются в отдельных памятниках XIV в. без этнонима "влах" или же соответствующих (влахских либо, по крайней мере, вообще скотоводческих) обозначений их общин. Так, например, при рассмотрении в "Истории народов Югославии" (т. I) положения зависимых крестьян в Македонии XIII-XIV вв. Т. Томоски заявил, что "вlahи" из Архилевиты выполняли соответствующие феодальные повинности в пользу Архилевитского монастыря²⁹. В действительности же, как мы уже указывали (при анализе эволюции феодальной ренты и всего хозяйства данного имения по второй Архилевитской грамоте), в обеих сохранившихся жалованных грамотах

этой церкви нет ни только названия "влахи", но даже и названия "катун" (хотя бы для некоторых селений, которые находились в зависимости от этого монастыря)³⁰. Нетрудно заметить, что Т.Томоски, по всей видимости, отдал дань распространенному (и отмеченному нами выше) заблуждению, которое связывает термин "приликири", т.е. старейшины только с поселениями и общинами окотвордов.

К сожалению, мы находим такое же спорное определение и в работе академика Дж.Сп.Радойчица, посвященной чрезвычайно важному и до сих пор не изученному вопросу: влашские феодалы в рядах господствующего класса средневековой Сербии. Радойчич, касаясь истории феодального рода Багашей, пишет: "Багашы, конечно, были влашского происхождения"³¹. Между тем, он вовсе не аргументирует свою точку зрения, считая, вероятно, явным признаком влашской принадлежности этих феодалов южной Сербии (первой половины XIV в.) их имена (Балдовин, Малшпат). Однако, на наш взгляд, этот довод все-таки шаткий (т.е. лишь на основании их имен), равно как и само наименование этого рода Багашами (в действительности - лишь ввиду весьма сомнительной ссылки на ихномакедонского владетеля конца XIV в. - Николая Пагаси Балдуина). По нашему мнению, указание на такие недостатки научной аргументации (в особенности - в истолковании имен) необходимо, поскольку в исторической литературе (в том числе и в работе названного симпозиума по истории катунов) уже неоднократно разбирались сохранившиеся влашские имена (из сербских грамот XIII-XIV вв.), однако трактовка их в работах разных историков была неодинаковой³².

Нам кажется, что именно эти вопросы этнической истории влахов, их общин-катунов (в частности, анализ ономастики влахов, местонахождения их катунов) заслуживают большего внимания и тщательного исследования. Заметим, например, что проблема расселения влахов в Сербии, Македонии и других областях Балканского полуострова, их миграций и кочевок находится в прямой зависимости от истолкования, которое дается в научной литературе средневековыми свидетельствами. Между тем в локализации известных нам влашских катунов также нередко заметна небрежность, требующая новой проверки уже высказанных точек зрения. Так, югославский ученый Й.Трифуноски в специальном докладе, посвященном вопросам исторической географии катунов, локализует катуны Зарвинци, дарован-

ный деспотом Угleshей в 1371 г. Хиландарскому монастырю, в пределах современной юго-восточной Сербии (в бассейне Новобродской Кривой реки)³³. Однако деспот Угleshа был правителем княжества в юго-восточной Македонии со столицей в г. Серры и не имел владений в Сербии³⁴. Судя по тому, что в названной грамоте Угleshи говорится еще и о даровании Хиландарю одного села в юго-восточной Македонии (с. Акротир близ г. Рендина)³⁵, мы можем предполагать также, что и упомянутый катун владов располагался в той же местности, т.е. в окрестностях Рендины. Иными словами, необходимо уточнить проведенную локализацию известных нам владских общин, поскольку иногда мы можем встретить сходные или аналогичные названия современных населенных пунктов и средневековых общин и поселений (как, например, с. Зарбинцы в юго-восточной Сербии и катун Зарвинцы в юго-восточной Македонии, и т.п.). Вполне понятно, что от уточнения местонахождения средневековых владских общин будут зависеть и наши представления о числе владов в той или иной области Балканского полуострова, т.е. и о их роли в процессах этнического развития и славяно-романского взаимодействия в ту пору.

В данной связи, естественно, весьма важен и вопрос об оседании владов на землю в пределах средневековой Сербии, т.е. о времени и размерах этого перехода их к земледельческому хозяйству и оседлому образу жизни. Достаточно ясна, разумеется, взаимосвязь этих процессов и постепенной их славянизации, превращения их со временем в двуязычное (вatem - полностью славянизированное) земледельческое или пастушеское население. Об оседании владов в Сербии и слиянии их с земледельческим (сербским) населением в XIV-XV вв. в современной югославской литературе можно встретить определенные разногласия и противоречивые утверждения.

Так, например, мы можем, с одной стороны, найти и повторение тезиса сербского буржуазного историка С. Новаковича об исчезновении владских катунов на территории Сербии к XV в., о превращении этих общин в обычные села, вполне сходные с соседними селениями сербов - земледельцев. В частности, Р. Иванович пишет: "По всей видимости, катуны начали исчезать в конце XIV и в течение XV века", и поэтому в сербских грамотах той поры (в отличие от грамот XIII - первой половины XIV вв.) владские поселения уже именуется селами и заселками³⁶. Между тем Д. Янкович пола-

гает, что вывод С.Новиковича можно было бы принять "о известной оговорке", поскольку, по его мнению, "к концу существования средневекового сербского государства (в XV в.) скотоводческое (влаское) население увеличивается, ибо из-за продвижения турок и в связи с этим все большей имущественной и правовой необеспеченностью многие земледельцы переходят к скотоводству и к скотоводческому образу жизни, который им предоставлял больше возможности и перспектив, чтобы спасти себя и свое имущество"³⁷.

Нетрудно заметить, что решение этого вопроса (пусть даже ориентировочно) особенно важно для рассмотрения сложных процессов славяно-романоких контактов, хода и размеров славянизации владов в Сербии и, как мы видели из приведенного мнения Д.Янковича, даже возможного (в XV в.) перехода части земледельцев к скотоводству, означавшего тем самым и перспективу вероятной "влахизации" славянского (сербского) земледельческого населения. На наш взгляд, решение данного вопроса должно основываться не только на общей оценке положения сельского хозяйства и крестьянства названных районов Балканского полуострова в эпоху турецкой экспансии. Заметим, кстати, что сохранившиеся источники во все не служат неоспоримым доказательством точки зрения о повышении роли скотоводства и росте числа скотоводческого населения в сербских землях³⁸. По всей видимости, при рассмотрении проблемы славянизации владов (в частности, в средневековой Сербии) нельзя не учитывать и возможность притока в пределы феодальной сербской державы какого-то количества власких общин, которые испытали меньшее воздействие славянской среды или же вообще остались этнически "чистыми". Естественно, такой приток владов (может быть, из южной Македонии) в известной мере мог повлиять и на ход этнического развития внутри Сербии, связанного и с этнически-языковыми контактами и взаимоотношениями славянского (сербского) населения с албанцами, катуну которых также зафиксированы в XIV в. в славянских областях Сербского государства Неманичей.

Следует отметить, что данные аспекты этнической истории владов в Сербии, Зете и Македонии той поры, к сожалению, еще недостаточно разработаны в югославской исторической литературе. Так, например, очень мало обращается внимания на упомянутую нами возможность постепенного притока владов из тех регионов Балканского полуострова, где они еще сохраняли свой особый этнический об-

лик. Обычно в литературе говорится об оседании владов на землю и их ославянивании, хотя иногда указывается и на их передвижения и нарастающее распространение. Как указывается в одном из учебных пособий, "влады в течение XIII века распространились по всей Сербии, Зете и Герцеговине, а с XIV века начали наводнять и Хорватию"³⁹. На значение передвижений владов для анализа проблемы об этническом облике сербских владов XIII-XV вв. указывал еще сербский историк О.Новакович. По его словам, "поскольку романцы (т.е. влады. - Е.Н.) на юге Балканского полуострова были явно многочисленнее (чем в Сербии. - Е.Н.), а поэтому они и сохранили свой язык, и поскольку они непрерывно передвигались в поисках пастбищ, то время от времени они поддерживали и сохраняли мелкие романские колонии и в северных областях полуострова" (т.е. в сербских землях)⁴⁰. К сожалению, на это не обратил внимания югославский ученый М.Филипович, говоря в своем докладе (на упоминавшемся нами симпозиуме о катунах) об этнической структуре средневековых общин владов⁴¹.

Более того, в современной югославской литературе заметны явные разногласия по вопросу, когда именно термин "влах" в средневековой Сербии стал обозначать уже не представителей романских народностей (владов и далматинцев), а пастушеских или полупастушеских скотоводов. Если иногда (например, в "Истории Югославии" И.Божича и др.) говорится о сохранении этнического характера термина "влах" на протяжении всей феодальной эпохи, несмотря на процессы ославянивания владов⁴², то в других случаях дается неопределенный ответ о "постепенном" превращении этого термина в обозначение скотоводов⁴³ либо, по сути дела, повторяется весьма противоречивая оценка, данная Новаковичем.

Так, например, М.Филипович в своем докладе утверждал, что "уже с того времени, когда балканские влады появляются в письменных источниках на южнославянской территории, они больше не были этнически чистыми романскими владами"⁴⁴. В частности, он ссылался при этом на упоминание владов о конца XII в. в сербских грамотах, которые, по его словам, "не различаются в письменных источниках от своего славянского окружения"⁴⁵. Примечательно, что доказательством ему служит указание на то, что влады "носят (уже в Жичской грамоте 1220 г.) в подавляющем большинстве сербские или хорватские имена..." Недостаточность такой аргументации М.Филиповича особенно заметна потому, что уже на следующей странице он приводит мнение (которое сам разделяет) серб-

ского буржуазного историка С. Станоевича о невозможности использовать личные имена в средневековых памятниках для определения народности⁴⁶, Иными словами, если даже признать допустимым анализ владшских имен для решения вопроса об их этническом облике (в противовес С. Станоевичу), необходимо отметить, что точные подсчеты этих имен (т.е. собственно владшских, ватем сербских, церковных и т.п.) отсутствуют. Более того, у М. Филиповича, как ранее и у С. Новаковича, о соотношении этих имен говорится весьма неопределенно, без четких критериев.

Так, М. Филипович пишет об "огромном большинстве" олавянских (сербских) имен владш, тогда как романские имена считает "относительно редкими"⁴⁷. Аналогичное, весьма общее определение давал и С. Новакович: "Кроме нескольких, все они (т.е. владш Жичской грамоты. — Е.Н.) носят олавянские имена"⁴⁸. По всей видимости, такие категорические утверждения, не основанные даже на точных подсчетах имен, не могут помочь в определении этнического облика владш, тем более, что и сам М. Филипович вынужден признать, что "этнические владш были еще среди сербов в конце XIII в.", а потомки ославянившихся владш сохраняли и далее значительные элементы романского языка⁴⁹.

Таким образом, оценивая высказанные в современных югославских изданиях мнения об этнических признаках сербских владш XIII—XV вв., нельзя не отметить заметного сходства этой трактовки с точкой зрения С. Новаковича (также весьма противоречивой). В частности, он считал (на основании упомянутых перечней владшских имен), что "слово владш в старой Сербии уже в XIII в. означало преимущественно общественное положение, а не народность"⁵⁰. В то же время С. Новакович относил рубеж славянизации владш даже ко временам заселения славянами Балканского полуострова⁵¹. В другом случае он давал более позднюю датировку славянизации сербских владш, заявляя, что они "уже в начале XIII и середине XIV в. не были романцами..."⁵², отодвигая тем самым этот рубеж к XIV в.

Следует заметить, что точка зрения И. Божича (о "постепенности" славянизации владш), которая, казалось бы, несколько уточняя концепцию Новаковича, в действительности препятствует уяснению реального хода этнического развития и учету их локальных различий применительно к разным областям державы Неманчић, а тем более — отличий Сербии и Боснии, Сербии и Македонии и

т.п. По нашему мнению, принятие такого расплывчатого и неясного определения (т.е. "постепенного" олияния влахов с сербами - в противовес точке зрения С.Новаковича и его основой датировке - до начала XIII в.) не оправдано. Дело в том, что численность и значение влахов внутри Сербского феодального государства все же не оставались неизменными, если даже не говорить о каких-то миграциях влахов из южных краев Балканского полуострова. В данном случае мы подразумеваем весьма значительные изменения границ феодальной Сербии (как, впрочем, и Боснии) на протяжении XIII-XV вв.

Как известно, сербские правители из династии Неманичей в конце XIII и первой половине XIV в. присоединили обширные территории - сначала северную и центральную Македонию, а позднее также южную Македонию, Албанию, Эпир и Фессалию (последняя в византийских источниках обычно именовалась "Влахией" или "Великой Влахией")⁵³. Такое расширение сербской державы Неманичей, превратившейся в Сербско-Греческое царство Стефана Душана (в 1345 г.), должно было способствовать увеличению числа влахов и албанцев на территории этого государства, а также возрастанию значимости владского этнического элемента.

Включение в состав феодальной Сербии бывших византийских областей на юге Балканского полуострова, где численность влахов была, вероятно, выше, нежели в самой Сербии и Зете (ср. выше точку зрения С.Новаковича, приведенную нами), могло сказаться в какой-то мере и на этнических процессах той поры. Не случайно, что в южной половине Душанова царства, т.е. в Македонии и других бывших византийских провинциях, термин "влах" и во второй половине XIV в. употреблялся в качестве этнического определения. Именно здесь некоторое время существовала "Владская епархия", диоцез которой, видимо, в известной своей части смыкался или совпадал с территорией "Великой Влахии"⁵⁴. Следует упомянуть и о зафиксированных византийскими источниками XIV-XV вв. сложных этнических терминах "булгаралбанитовлах" и "сералжани-тобулгаровлах", которым посвящена небольшая заметка академика Дж.Сп. Радойчича (опубликована в 1966 г. в журн. "Романославика", т. XIII)⁵⁵.

Таким образом, все эти обстоятельства, равно как и определенные демографические изменения на территории современной Югославии в эпоху турецкой экспансии во второй половине XIV и пер-

вой половине XV в. (вплоть до окончательного захвата османами всех этих районов Балканского полуострова), заставляют признать весьма желательной и необходимой дальнейшую разработку истории владов той поры. Как известно, демографические и этнические сдвиги той эпохи, связанные со значительными передвижениями славянского (сербского), албанского населения и владов⁵⁶, представляют большой интерес для изучения этнического развития и социально-экономического положения балканской деревни накануне гибели последних югославянских феодальных государств под ударами османских завоевателей.

Вполне закономерно эта проблематика смыкается и с весьма сложным и во многом еще спорным кругом вопросов о развитии владских общин в первый период османского владычества на Балканах (т.е. прежде всего во второй половине XV в.). К сожалению, многие проблемы истории владов на данной территории в эпоху позднего феодализма остаются все еще недостаточно разработанными. Причиной этого следует считать то, что важные материалы из османских архивов, как мы указывали выше, были введены в научный оборот лишь недавно. Кроме того, мало специальных исследований⁵⁷. Правда, вопросы истории владов в эпоху турецкого господства рассматриваются также и в обобщающих трудах, учебных и научно-популярных изданиях, зачастую также при изучении смежных тем (в частности, о генезисе черногорских, герцеговинских и североалбанских племен в тот период)⁵⁸.

Разумеется, постепенная публикация турецких источников, сведения которых необходимо синтезировать, облегчит разработку истории владов в эпоху позднего феодализма. В частности, заслуживают особого внимания проблемы этнической принадлежности упоминающихся в средневековых памятниках владов⁵⁹, влияния политики турецкого феодального государства на положение и численность официально признаваемых турками "владов" и соответственно — этнические процессы той поры, переселения владов, т.н. "территориализации" владских катунов и даже возможная "влахизация" славянского земледельческого населения. Следует сказать также и о упоминавшейся нами весьма сложной и спорной проблеме формирования черногорских и герцеговинских племен, которые, по мнению некоторых авторов, возникают на базе владских и отчасти албанских катунов, причем эта точка зрения вызывает в литературе оживленные дискуссии.

В настоящее время, после создания Балканологического института Сербской Академии наук и искусств (в Белграде) и Центра по балканистическим исследованиям в составе Академии наук и искусств Боснии и Герцеговины (в Сараеве), в результате сотрудничества этих югославских научных центров уже выработан план долгосрочной коллективной работы по истории кочевого и полукочевого скотоводства и миграций скотоводов в Юго-Восточной Европе. Наряду с этим названный Центр в Сараеве предполагает осуществить издание средневековых исторических памятников турецкого происхождения, которые представляют особый интерес для изучения владшской проблематики, топонимики, ономастики и миграций населения на территории Балканского полуострова. Научные планы этих югославских балканистических центров предусматривают также и проведение специальных конференций и симпозиумов, посвященных истории кочевого и полукочевого скотоводства на Балканах, в том числе влахам на территории современной Югославии⁶⁰. Все это свидетельствует о том, что проблемы истории средневековых владш в западной части Балканского полуострова, требующие дальнейшей углубленной разработки, и в будущем займут важное место в работах югославских историков.

П р и м е ч а н и я

¹ Об источниках и историографии ср. также: М а р и н о в В. Расселение пастухов-владш на Балканском полуострове и за его пределами. - Сб.: Историографические аспекты славяно-волошских связей. Кишинев, 1973, с.27-29; Ф р е й д е н б е р г М.М. Владш в Далмации в XV-XVI вв. - Там же; О н ж е. Гброд и владш в Далмации (XIV-XVI вв.). - Сб.: Карпато-Дунайские Земли в средние века. Кишинев, 1975, с.198.

² См., например: Х р а б а к Б. О херцеговачким владшким катунима према погодној књизи Дубровчанина Чивана Приччиновића. - "Гласник Земалског музеја". Сарајево, 1956; К о в а ч е в и ћ Д. Средњовјековни катуни по дубровачким изворима. - Сб.: "Симпозијум о средњовјековном катуну". Сарајево, 1963; "Momenata turcica", I-II. Sarajevo, 1957-1964; Zbornik za istobnjasku knjizevnu i istorijsku građu, knj. 2. Beograd, 1974.

³ См., например: Л и т а в р и н Г.Г. Владш византийских источников X-XIII вв. - Сб.: Юго-Восточная Европа в средние века. Кишинев, 1972.

⁴ Ср.: Ф р е й д е н б е р г М.М. Владш..., с.38-39.

⁵ См.: журнал "Gledišta". Beograd, 1973, N 3, в.264.

6 См., например: Н о в а к о в и ћ С. Село. - "Глас Српске Краљевске Академије", XXIV, 1891, (переиздание: Београд, 1965); См. также: Ј и р е ч е к К. Власи и Мавровласи у дубровачким споменицима. - "Зборник К. Ј и р е ч е к а", т.1. Београд, 1969; С к о к П. Иа румунској литератури о Балканским Власима. - "Гласник Скопског научног друштва", кн.Ш, 1928.

7 Ф р е й д е н о е р г М.М. Влахи..., с.39.

8 "Симпозијум о средњовековном катуку" (ср.там же, с.5).

9 О влахах в Далмацији см. названне выше работы М.М. Фрейденберга.

10 См., например: "Историја народа Југославије", т.1. Београд, 1953, с.91-94; "Преглед историје југословенских народа", т.1. Београд, 1960, с.17-18 (с.43); "Историја Црне Горе", кн.1. Титоград, 1967, с.307-311; "Историја на македонскиот народ", кн.1. Скопје, 1969, с.79-80; В о љ и б I. i dr. Istoriја Jugoslavije. Beograd, 1972, с.20, 58, 66; "Enciklopedija Jugoslavije", т.7, 1964, в.264.

11 См., например: Д р о б њ а к о в и ћ Б. Етнологија народа Југославије, д.1. Београд, 1960, с.83-84, 95; П а н о в Б. За етногенезата на македонскиот народ. - "Гласник на Институтот за национална историја", 1972, № 3, с.77, 82.

12 См., например: Р а в љ о в и Ћ М. Les termes pastoraux en Illyrieum. - "Зборник Матице Српске за филологију и лингвистику", XI, 1968.

13 Ср. "Византиски извори за историју народа Југославије", т.П. Београд, 1959, с.9, прим. 3 (автор - Б.Феринич).

14 Там же, с.9, 63; Л и т а в р и н Г.Г. Влахи..., с.101.

15 См., например: "Преглед историје...", т.1, с.17.

16 См., например: "Историја Црне Горе", кн.1, с.308 (без имену влахов, которые отсутствуют и в указателе); "Историја на македонскиот народ", кн.1, с.79-80.

17 См., например: "Историја Црне Горе", кн.2. Титоград, 1970, т.1 и 2.

18 Л и т а в р и н Г.Г. Влахи..., с.95, 105-106, 109.

19 См., например: З л а т а р о к и В. История на българската държава през бредните векове, т.Ш. София, 1940, с.4.

20 Там же, с.620.

21 В о љ и б I. i dr. Указ., соч., с.20.

22 Там же, с.66. Выделено нами. - Е.Н.)

23 П а н о в Б. Указ. соч., с.82.

24 И в а н о в и ћ Р. Катунока..., с.403.

25 См., например: У а н к о в и ћ Д. Историја..., с.42-45; Н а у м о в Е.П. Господствувшии класс и государственная власть в Сербии XIII-XV вв. М., 1976, с.114 и сл.; О н ж е. Феудалниот имунитет по распаѓањето на Српското царство. - "Историја", Скопје, 1969, № 2; и др.

26 Р а д о ј ч и ћ Н. Законик цара Стефана Душана 1349 и 1354. Београд, 1960, с.129.

- 27 Наумов Е.П. Вторая Архилевицкая грамота как исторический источник. - Сб. "Источники и историография славянского средневековья". М., 1967, с.99-100.
- 28 Историја Црне Горе, кн.2, т.1, с.77.
- 29 Историја народа Југославије, т.1, с.399.
- 30 Наумов Е.П. Вторая Архилевицкая грамота..., с.99.
- 31 Радојичић Сп. Феудална породица Багаш из Врања (XIV и почетак XV века). - "Врањски гласник", кн.1. Врање, 1965, с.20.
- 32 См. например: Новаковић С. Село, 1965, с.188; Сб. Симпозијум..., с.53) о точке зрения С.Становича; и др.
- 33 Сб. Симпозијум..., с.25.
- 34 См. например: О трогорски Г. Сербска област после Душанове смрти. Београд, 1965, с.20 и сл.; Историја, 1971, № 2, с.160 (А.Стојановски - о неверној локализацији Г.А.Сстрогорским селима Неокори, налазишегосја не в северној Македонији, а в Серрокој области).
- 35 Византијски временник, т.ХИХ, 1915, с.532.
- 36 Ивaнoвић Г. Катунска..., с.409; Новаковић С. Село, с.45.
- 37 Уанковић Д. Историја..., с.34 (см. там же прим.38)
- 38 Наумов Е.П. Проблеми економическог развитија балканских страна в эпоху турецкој експансии. - "Балканика", т.П. Београд, 1971, с. 122-125.
- 39 Преглед историје..., с.43.
- 40 Новаковић С. Из српске историје. Београд, 1966, с.88.
- 41 Симпозијум..., с.50-54.
- 42 См. выше, прим.22.
- 43 Уанковић Д. Историја..., с.33.
- 44 Симпозијум..., с.54.
- 45 Там же, с.52.
- 46 Там же, с.53.
- 47 Там же, с.52, 53.
- 48 Новаковић С. Из српске..., с.87.
- 49 Симпозијум..., с. 54.
- 50 Новаковић С. Из српске..., с.88.
- 51 Там же, с.87.
- 52 Новаковић С. Село, с.188, прим.35.
- 53 Ферјанчић Б. Тесалија у XIII и XIV веку. Београд, 1974, с.8-10.
- 54 Ср. например: "Славянское источниковедение". М., 1965, с.117.

⁵⁶ Ср. Душчев И, Проучвания върху българското средновековие. София, 1945, с.134-138, 144, 146-148.

⁵⁸ См. например: Историја Црне Горе, кн.2, т.2, с.56, 226; "Вопросы истории славян", вып.2. Воронеж, 1966, с.108.

⁵⁷ См. например: Ћурђевић Б. Територијализација катунске организације до краја ХУ века. - 30. Симпозијум..., с.143-169 (ср. его статью о значении свидетельств о влахах в турецком дефтере 1455 г.; "Годишњак друштва историчара Босне и Херцеговине", ХУ, 1966; Бојанић-Лукач Д. Власи у северној Србији и њихови први кануни. - "Историјски часопис", кн.ХУШ, 1971, с.255-268. См. также выше, прим.2).

⁵⁸ См. например: "Историја народа...", т.2. Београд, 1960; Укосаваевић С. Организација динарских племена. Београд, 1957.

⁵⁹ См. например: "Историја Црне Горе", кн.2, т.2, с.138, 367-368.

⁶⁰ См. "Балканика", т.П. 1971, с.450-458.

В.К.Павел
(Килишев)

ДИАЛЕКТНАЯ ТЕРМИНОЛОГИЯ КАК ИСТОЧНИК ИЗУЧЕНИЯ ЗЕМЛЕДЕЛИЯ И РАССЕЛЕНИЯ МОЛДАВАН

I. Будучи социальным явлением, язык теснейшим образом связан с историей развития общества. При помощи языка в известной мере можно пополнить наши знания об истории его носителя. Поэтому большое значение придается лексическому составу языка, так как исторический опыт, судьбы и даже мирозерцание народов находят свое наиболее яркое выражение именно в лексике.

Своеобразно сложившаяся социально-экономическая, политическая и культурная жизнь молдавского народа обусловила образование особой лексической структуры молдавских территориальных говоров. Молдавская лексика, романская в своей основе, на протяжении веков впитала большое количество слов из славянских, венгерского, турецких и других языков. Влияние славянских языков ватронуло самые разнообразные области лексики молдавского языка. Значительное место занимают восточно- и южнославянские элементы в земледельческой терминологии.

Известный молдавский филолог Богдан Петричейку Хамдеу в 1874 г. высказал мнение о том, что специальная земледельческая

лексика восточнороманской речи в 8 из 10 случаев — славянского происхождения¹. В качестве примеров Б.П.Хашдеу приводил следующие термины: плуг 'плуг'; гриндей 'грядиль'; плаз 'подошва плуга'; рале, рарице 'рало'; грелэ 'грабли'; лопате 'лопата'; коасе 'коса'; бравде 'боровда'; ревор 'межа'; целина 'целина'; а нмблети 'молотить (обычно цепом)'; стог 'отог'; кепице 'копна'; оноп 'оноп' и некоторые другие. Будучи прекрасным знатоком языка и крупным филологом, Б.П.Хашдеу не мог, безусловно, не заметить земледельческие термины латинского происхождения, как, например, грыу 'пшеница'; секарэ 'рожь'; орв 'ячмень'; мей 'просо'; ара 'пахать'; а семена 'сеять'; атреера 'молотить'; арие 'гумно'; фурке 'вилы'; сечере 'серб' и др. По мнению Б.П.Хашдеу, романизованное население региона Карпат не выращивало пшеницу, ячмень, рожь, просо и другие злаки, а ввозило их и, таким образом, "... законосертировало без перерыва их древнюю итальянскую номенклатуру"². В той же статье "Орижинеле агрикултурий да ромън" Б.П.Хашдеу был намерен доказать на базе языковых данных славянское происхождение земледельческой культуры у восточнороманцев. Однако даже из этой работы совершенно очевидно, что такое утверждение основывается на исторической концепции автора о месте проживания романизованного населения после того, как Карпато-Дунайские земли были покинуты в 271 г. римской администрацией и римской армией. Романизованное население, начинает свою статью Хашдеу, "... могло стать земледельческим только намного позже, ибо жизнь в горной и лесной местностях позволяет лишь развитие пастушества, тогда как земледельцу необходимы равнины..."³ О других тезисах и аргументах относительно этих вопросов будет сказано ниже. Здесь следует лишь заметить, что в цитируемой работе молдавского ученого обнаруживается подмена лингвистического объекта исследования историческим.

Вслед за Б.П.Хашдеу вопросом о месте славянских элементов в земледельческой лексике интересовались и другие исследователи, в том числе этнографы и историки (Ф.Даме, Х.Думке, Т.Памфиле, Ал.Боканецу, П.Канчел, Р.Г.Пиотровский, Н.А.Демченко). Однако они, в том числе Б.П.Хашдеу, не основывались на каких-либо ко-

личественных соотношениях славянских и неславянских терминов. Отдельные аспекты этой проблемы рассматривали, находясь на различных позициях, и часто лингвистический материал использовали для аргументации тех или иных тезисов. Так, ссылаясь на наименования славянского происхождения из области земледелия, Х. Думке⁴, Р. Г. Пиотровский⁵, Б. П. Хашдеу полагали, что восточнороманское население заимствовало земледельческую культуру у славян, чем объясняли большой процент славянских терминов.

Другой точки зрения придерживался академик В. Ф. Шиммарев, который справедливо указал на то, что "...при оценке словарных заимствований... нужно учитывать данные живой речи, народных говоров, показания которых имеют чрезвычайно важное значение ... Отсутствие латинского слова *aratum* 'плуг', место которого занимает славянское *п л у г ъ*, не может указать на то, что романское население Балканского полуострова не знало земледелия, а состояло из скотоводов. Как же объяснить тогда наличие в языке глагола *а а р а* 'пахать'? К тому же детальнейшие исследования диалектологии обнаружили в армуноком *arac* потомка старого латинского *aratum*⁶.

Пристальное внимание ученых к лексике территориальных говоров объясняется тем, что в ней нашла яркое отображение многовековая история народа во всех местных проявлениях⁷. Народные говоры, особенно изолированные и периферийные, сохраняют многие архаические черты. В то же время в говорах наиболее очевидны инновации.

Синхронные особенности лексико-семантических различий в пространстве "...могут быть представлены как диахронические, как звенья в цепи изменения диалектных черт во времени"⁸.

Наша задача в том, чтобы, во-первых, рассмотреть молдавскую земледельческую лексику на более широком фоне ареальных связей восточнороманских говоров, во-вторых, выявить по мере возможности ее основные пласты и их хронологию, в-третьих, определить процентное соотношение терминов по этимологическим группам (по происхождению) с учетом степени распространения лексических единиц в территориальных говорах и, в-четвертых, на основе изучаемого лингвистического материала высказать некоторые соображения относительно истории края.

При анализе терминов принимаются во внимание все соответствующие речевые средства (следовательно, и общенародные, литера-

турные, а не только собственно диалектные), присущие частным диалектным системам. Карты Молдавского лингвистического атласа (АЛМ)⁹ позволяют прежде всего выявить многочисленные лексические элементы. Материал по лексике земледелия относится как к старым реалиям, так и к более новым. Многие карты отражают названия не только того или другого предмета (орудия производства, растения и др.), но и его составных частей. Густая сетка атласа (240 населенных пунктов, из них по разделу "Сельскохозяйственная лексика" — 226 сел с молдавским населением) позволяет довольно точно определить ареалы и изоглоссы терминов, а это в некоторых случаях дает основание для исторических обобщений.

2. Как известно, основное место в молдавском словаре, как и в других лексических фондах восточнороманских лингвистических идиом, занимают слова, унаследованные из народной латыни. Латинский элемент встречается и в исследуемой нами специальной земледельческой лексике. Это названия древнейших сельскохозяйственных культур: г р ы у 'пшеница' < лат. *gramm*; о р з 'ячмень' < лат. *hordeum*; о е к а р е 'рожь' < лат. *secale*; с п и к 'колос' < лат. *spicium*; п а й 'соломинка' < лат. *palca*; м е й 'просо' < лат. *milium*; п е р ы н г 'просо' (разновидность) < лат. *panicum*; л и н т е 'чечевица' < лат. *lens (lentis)*; ч а п а 'лук' < лат. *caepa*; п е п е н е 'огурец', 'арбуз', 'дыня' < лат. *pepo (peronia)*; к у р е к ь 'капуста' < лат. *colic (u) lina*; в а р з ь 'капуста' < лат. *vir (i) dia 'зелень'*; а й 'чеснок' < лат. *allium*; и н 'лен' < лат. *linum*; к н н е п е 'конопля' < лат. *canapa (cannabis)*; названия процессов труда: а а р а 'пахать' < лат. *arare*; а с е п а 'копать', 'разрыхлять', 'полоть' < лат. *sappare*; а с е м е н а 'сеять' < лат. *seminare*; а с е ч е р а 'жать' < лат. *scilare*; а т р е е р а 'молотить' < лат. *tribulare*; а в н т у р а 'вять' < лат. *ventulare*; а м а ч и н а 'молоть' < лат. *machinare*; а ч е р н е 'просеивать' < лат. *cernere*; а к о а ч е 'печь' < лат. *coocere*; отдельные названия земледельческих орудий: о я п е 'мотыга' < лат. *varra*; о е ч е р е 'серп' < лат. *scicilis*; л у т е 'брусок' < лат. *sov, cotis*; ф у р к в 'вилы' < лат. *furca*, а также некоторые другие наименования, как а р и е 'гумно', 'ток' < лат. *area*; ф в и н е 'мука' < лат. *farina*; а л у а т 'тесто' < лат. *allevatum*; п ы ф а 'хлеб' < лат. *panis*; г р ы н е 'хлеба' < лат. *gramm*.

К древнейшему лексическому напластованию наряду с латинским относится дако-фракийский элемент (м а в е р е 'горох', к у р п е н. 'ползучий отебель растения', г р е с и е 'точный брусок', ср. соотв. алб. modhullë, kurpen, gËresë).

Большинство сельскохозяйственных терминов собственно латинского и дако-фракийского происхождения распространено не только в молдавских, но и в остальных восточнороманских говорах. Многие из них (г р ы у, о р з, с е к а р е, п а й, с п и к, ч а п е, а а р а, а о с е м в н а, а о с е ч е р а, а м е ч и н а, а ч е р н е, ф в и н е, о с е ч е р е) не имеют синонимов и, кроме того, входят в основной лексический фонд молдавского языка, а также других восточнороманских языков. Периферийные, островные или прорывистые (размытые) ареалы образуют лишь отдельные лексические единицы (м е й, п е р н и г, г р е с и е, а й; последний зафиксирован для АДМ в Закарпатской области УССР). Известные раньше в северо-дунайских говорах термины а г р у 'пахля', 'нива' <лат. ager, agris а р а т, а р а т р у 'рало, бевотвальное примитивное пахотное орудие' <лат. aratrum сохраняются и поныне лишь у аромун.

Лексические элементы унаследованного латинского и дако-фракийского фондов свидетельствуют о том, что дако-романское население Карпато-Дунайских областей или по крайней мере часть этого населения всегда занималась земледелием. В целом этот вывод не противоречит историческим, археологическим и этнографическим данным¹⁰, хотя в историографии широко распространено мнение о культурно-хозяйственной системе восточнороманцев лишь как "подвижной пастушеской".

В молдавской сельскохозяйственной лексике, как и в других областях словаря, существует несколько пластов славянского происхождения, заимствованных романоязычным населением в разное время и из различных славянских языков. Самый древний лексический пласт заимствован от древних восточных славян. В основном это названия орудий для обработки почвы, способов уборки и молотбы злаков: п л у г 'плуг' <др. сл. плугъ; пла з 'подшва плуга' (ср. болг. плаз, с.-хр. plaz); п о т н и г 'цепь плуга' <др. сл. потяг (ср. о.-хр. pōteg, др. сл. потягати); о т и к 'лопатка для снятия земли с лемеха' (ср. с.-хр. otik); г р и н д е й 'грядиль плуга' <др. сл. грядель (ср. болг. гредел, с.-хр. grēdel); к о а с е

'коса' < др. сл. ко са; гребля 'грабли' (ор. болг. гребло); оглаж (оглаг) 'ремень (у цепа)' < др. сл. оглавъ; наименования видов укладки хлебов: оноп 'оноп' < др. сл. онопъ; стог 'отог' < др. сл. стогъ; клеа 'кресты' < др. сл. кладня; наименования земельных участков: огор 'пашня', 'пар' < др. сл. угаръ; бразда 'борозда', 'прокос' < др. сл. бразда; остатэ 'делница (на жатве, сенокосе и др.)' < др. сл. остатъ, а также названия а коси 'косить' < др. сл. косити; аымблэти 'молотить' < др. сл. млатити; овес 'овес' < др. сл. овеоъ; плявэ 'полова, мякина' < др. сл. плева; тэрыце 'отруби' < др. сл. триця; ситэ 'сито' < др. сл. сито и некоторые другие.

Древние южнославянские заимствования глубоко проникли в систему восточнороманских наречий и тем самым способствовали ее обогащению новыми терминами, от которых впоследствии образовались многочисленные производные лексические единицы (ор. плуг - плугар, плугериме, плугерие, аплугери, плугерит, плугушор, плуц).

Наличие многих древних южнославянских элементов в этой области словаря ученые объясняют существованием тесного этнического и языкового контактов между романизованным населением и славянами и тем, что у последних земледелие было с древнейших времен одной из ведущих отраслей хозяйства. Вышеназванные термины заимствованы чаще всего вместе с орудиями, которые у славян были более совершенными, иной конструкции.

Так как письменные источники отсутствуют, установить время заимствования столь значительного древнеюжнославянского элемента очень трудно. То же самое приходится констатировать и относительно контактов между романизованным населением и древними южными славянами. Многие языковеды (Ал. Росетти, Д. Макря, Г. Михэилэ, М. Сергиевокий, В. Шиммарев и др.) допускают существование древнейшего славяно-восточнороманского этнического и языкового контакта с VI-VII вв. по XI-XII вв. Он мог иметь место как на юге, так и на севере от Дуная. Судя по топонимическим данным, о проживании здесь южных славян сведений не имеется.

Другие исследователи выделяют два хронологически отдаленных друг от друга периода славяно-романских лингвистических свя-

вей. В исследованиях по славяно-восточнороманским языковым отношениям С.В.Семчинский¹¹ и Т.П.Ильяшенко¹² подчеркивают, что необходимо различать славянские элементы, вошедшие до X-XI вв. (в период балканороманской общности) и позднее, с X-XI вв. до XIV в. (этот второй период именуется дако-романским). Как отмечает Т.П.Ильяшенко, в период балканороманской общности языковые отношения были основаны на этническом контакте и проявлялись только в разговорной речи, тогда как в период дако-романской общности языковые отношения бавировались не только на этническом контакте и на разговорной речи, но и на книжном контакте, посредством древнеславянского языка¹³.

Рассматриваемые нами лексические единицы славянского, а также другого происхождения независимо от времени их заимствования представляют собой почти исключительно элементы устной народной речи.

Очевидно на рубеже XI-XII вв. процесс ассимиляции древних южных славян романоязычным населением по всей вероятности заканчивается, и тем самым в восточнороманской речи завершается процесс заимствования древних южнославянских (народных) лексических элементов. Примерно с этого времени на древний славянский лексический пласт языка населения Карпато-Дунайского ареала и Восточного Прикарпатья начинают накладываться относительно более новые славянские лексические напластования. В отличие от древних заимствований последующее славянское влияние распространилось, как это было отмечено лингвистами, больше всего в ареалах, непосредственно граничащих с соответствующим иноязычным населением. Карты лингвистических атласов достаточно наглядно иллюстрируют это положение.

Болгарские (новоболгарские) элементы составляют небольшой процент в молдавской земледельческой лексике. Однако некоторые из них (а п р э ш и 'полоть, мотыжить' < болг. п р а ш а; к э п и ц а 'копна' < болг. к а п и ц а; м и р и ш т е 'живые' < болг. м е р и ш т е) получили довольно широкое распространение в северодунайских романских говорах. Термин а п р э ш и, например, не был аттестован диалектологическими атласами только в Закарпатской области СССР и в Трансильвании (включая Марамуреш). Особое экономическое и административно-политическое положение Трансильвании, начиная с XI-XII вв., в связи с венгерским владычеством, препятствовало прямому влиянию болгарского

языка на говоры трансильванского (и марамурешского) ареала. XII в. можно считать рубежом между периодом массового заимствования древних южнославянских элементов (иначе, древнеболгарских и ранних среднеболгарских слов) и периодом более нового болгарского влияния¹⁴. Большая же часть болгарских слов (напр., к а л и - с т и р к а, к а л и с т и р е 'огородническая мотыга, сапка' < болг. к а л и с т и р а; р а р и ц а 'культиватор - полольник для кукурузы' < болг. р а р и ц а; д и к а н и 'молотильная доска' < болг. диканя; ч е к е л 'лопатка для снятия земли с лемеха' < болг. ч е к е л; с ы н ж и р 'цепь плуга' < болг. с и н д ж и р < тур. zincir; о к н и д у р е 'отвал плуга' < болг. д ъ о к а - семантическое заимствование) встречается, по данным АЛМ, на юге республики и в придунайских говорах.

На развитие изучаемой народной лексики Молдавии особое влияние оказывали восточнославянские языки - украинский и русский. При анализе и сопоставлении лексических карт АЛМ и АЛР (Румынский лингвистический атлас) выяснилось, что восточнославянские лексические элементы (в основном украинскими) распространены неравномерно на довольно обширной территории.

Ареалы более древних восточнославянских заимствований охватывают, как правило, все говоры Молдавской ССР и смежных районов Украины с молдавским населением (Одесская и Черновицкая обл.), а также говоры северо-восточной части СРР. Например: к о т и г в 'плужный передок' < укр. к о т и г а; б о р о а н в 'борона' < укр. б о р о н а; б а б к а (б а т к а) 'отбойная бабка' < укр. б а б к а; х р я п к а 'грабли на косе' < укр. г р а б к и; с ы р ж о а к а 'смешанный посев пшеницы, ржи' < укр. с у р ж и в; х а т 'межа' < укр. г а т ь; т о л о а к а 'пастбище', 'необработанный земельный участок, обычно на окраине села', 'косогор для пастбища' < укр. т о л о к а; л а н 'пашня', 'поле' < укр. л а н и и некоторые другие. Почти все вышеупомянутые термины вошли в молдавский литературный язык. Изоглоссы древних украинских сельскохозяйственных терминов совпадают с изоглоссами топонимических восточнославянских названий, установленных Э.Петровичем¹⁵ и А.Еремеем¹⁶. Согласно периодизации восточнославянских заимствований, предлагаемой некоторыми исследователями, данные лексические элементы проникли в говоры Карпато-Днестровского ареала в период между XII и XVII вв.¹⁷, о чем свидетельствуют переход звука г в х, явление полногласия и

т.п. (напр. х у л у б, х о р о д и ш т е, о с р о н е). Украинские или древнерусские лексические элементы отсутствуют в мегленинском и истринском, не говоря об армунском.

Восточнославянские заимствования более позднего периода обычно распространены только в говорах Молдавской ССР и лишь некоторые из них зафиксированы в северной части Запрутской Молдовы и Южной Буковины (л и м и ш 'лемех' < укр. л е м и ш; о л ц я, г л и ц я 'продольные перекладыны бороны, на которых крепятся зубцы' < укр. г л и ц я; п о л и ц я 'отвал плуга' < укр. п о л и ц я, ср. польск. p o l i c a; с и в а л к а 'сеялка' < укр. с і в а л к а; с е л к а, з и я л к а 'сеялка' < рус. о с е я л к а, укр. с і я л к а; к о с и л к а 'косилка' < рус., укр. к о с и л к а; м о л о т а р к а 'молотилка' < укр. м о л о т а р к а; с к и р т а 'скирда' < укр. с к и р т а; в я б л я 'ябля' < укр. з я б л я и др.). Заимствования позднего периода в основном являются регионализмами и образуют небольшие ареалы. Данные лексические элементы бытуют чаще всего в периферийных районах республики, где украинско-молдавские взаимосвязи на уровне говоров являются особенно интенсивными.

В говорах молдавского языка зафиксированы некоторые термины венгерского (ж у к ь 'небольшой обмолоченный сноп ржи, которым кроют крыши домов'; х о л д а 'нива', 'поле'), турецкого (х а р м а н 'огород, приусадебный участок', 'ток, гумно'; т у т а к 'ручка косовища косы'; б е ш п а р м а к 'деревянные вилы'), немецкого (ч и л и н д р у 'сортировка'), а также французского (б а т о в а 'молотилка'), итальянского (м а к и н з 'веялка') происхождения.

На протяжении веков сельскохозяйственная терминология непрерывно обогащалась с помощью собственных ресурсов молдавских говоров (б р э д а р, б р э д е т о р, т а и т о р, к р о м т о р 'предплужник'; п р э ш и т о а р е 'культиватор'; с е м е н ь т о а р е 'сеялка'; н м б л е т и т о а р е, т р е е р з т о а р е 'молотилка'; в н т у р е т о а р е 'веялка'; п е п у ш о й 'кукуруза'; р е о е р и т а 'подсолнух'), в том числе путем проникновения в данную область лексики общепотребительных слов (л я с а, м е т у р е 'борона-хворостянка'; п е п у ш а 'кукурузный початок с рыльцами, незрелый'; м е т а с а 'кукурузные рыльца').

3. Результаты лингво-географического и этимологического исследования земледельческой терминологии мы пытались уточнить путем количественного анализа языковых единиц, с учетом их употребляемости (распространяемости) в народных говорах, используя для этой цели более 120 карт АЛМ и некоторые другие источники. Установлено, что из 710 лексических единиц, подвергнутых статистическому анализу, в молдавских говорах латинские и автохтонные (дако-фракийские) элементы оставляют в словнике 41 слово, или около 6% по отношению ко всем остальным этимологическим группам, собственно молдавские образования - 378 слов или более 53% (к их числу относятся словообразовательные элементы - 163 слова, или 21,55%, и семантические деривации - 225 слов, или почти 32%). Заимствованные элементы составляют 261 слово, или около 37%, (в том числе: славянские заимствования - 224 слова, или около 32%, отдельно древнежужнославянские - 24 слова, или 3,36%, болгарские - 18 слов, или 2,53%, восточнославянские вместе с ваяты - 177 слов, или около 25%); неизвестного или сомнительного происхождения - более 4%. Здесь следует обратить внимание на то, что при рассмотрении этимологии слов и номинации реалий мы применяли "синхронический подход к этимологии", предполагающий выяснение мотивированности слова внутри каждой из анализируемых систем¹⁸ и семантической аргументации лексической единицы в том или ином терминологическом разряде¹⁹. Лексема *metaxa* в т а с е, например, известная в молдавском языке прежде всего со значением 'шелк', происходит от лат. *metaxa*. Почти во всех говорах *metaxa* употребляется и для обозначения 'рылец кукурузы'. Это общеупотребительное слово проникло в земледельческую терминологию как наименование ассоциирующихся реалий. Поэтому мы включили его не в латинскую терминологическую группу, а в группу молдавских образований; точнее, в подгруппу семантических дериваций. Известно, что кукуруза культивируется в Молдавии только со второй половины ХУП в. О каких либо собственно латинских терминах для обозначения кукурузы в молдавских говорах не может быть и речи²⁰.

Однако количество слов еще не определяет общего характера словарного состава языка (в количественном отношении, разумеется), если не учитывать частоты, т.е. употребительности или распространенности слов в говорах. Ведь одни единицы употребляются широко, другие образуют небольшие ареалы или встречаются в еди-

ничных населенных пунктах. Ниже мы будем пользоваться условным термином частота употребления, под которым необходимо понимать число картографических пунктов, в которых зарегистрирован термин со своими значениями. Итак, нами установлено, например, что если 38 сельскохозяйственных терминов собственно латинского происхождения (г р у, с е к а р е, о р з, а а р а, а с е ч е р а, с е ч е р в и т.п.) составляют в словнике менее 6%, то частота употребления этих же лексем равна примерно 26%, 24 слова древнежюславянского происхождения (п л у г, к о а с е, б р а в д з, с т о г, о н о п и т.д.) составляют по употребительности почти 14%. Это свидетельствует о широком распространении и употреблении в говорах латинских и древнежюславянских элементов. На развитие изучаемой лексики большое влияние оказывали восточнославянские языки (украинский и русский). Несмотря на то, что некоторые украинизмы широко распространены в молдавских говорах (х р я п к в, б о р о в н з, б а б к в, л а н и др.), большая часть терминов образует небольшие ареалы. Так, 114 украинизмов составляют 16% в словнике (это самый большой процент из всех заимствованных элементов) и лишь около 10% в употреблении²¹.

Таким образом, сохранив небольшое количество латинских элементов, исследуемая народная лексика обогащалась со временем многочисленными молдавскими производными образованиями и заимствованиями, особенно из древнежюславянского, болгарского, украинского и русского языков. Латинские и древнежюславянские названия относятся к главным древнейшим сельскохозяйственным реалиям. Унаследованные из латыни термины обозначают в основном названия растений и процессов труда. Это более стабильные названия. Заимствования, называющие, прежде всего, орудия (которые веками изменялись, приобретая новую форму), земельные участки и способы укладки злаков, менее стабильны, следовательно, для правильного понимания соотношения между различными этимологическими группами терминов необходимо учитывать характер стабильности (динамичности) названий, обусловленный стабильностью или нестабильностью самих реалий. Эта сторона вопроса менее всего освещена.

4. Лингвогеография — важный аспект историко-диалектологических исследований. Знание географии слов помогает установить их правильную этимологию, относительную хронологию и направление

квогдосо на лингвистической карте. Выявление и интерпретация лингвистических ареалов опосредствуют изучению древних связей различных этнических групп, взаимоотношений языка и этноса, истории передвижения населения.

Выше было отмечено, что наряду о латинокими терминами (а а р а, а с е ч е р а, г р ы у, с е к а р я, о р я, с е ч е р я, с а п я и др.) древние южнославянские заимствования (п л у г, к о а с я, с н о п, б р а в д я и др.) имеют всеобщее распространение во всех восточнороманских говорах. При этом следует уточнить, что ареал распространения древнеславянских элементов не совпадает с той территорией, на которой проживали древнежелезные славяне в первые века пребывания их на Карпато-Дунайских землях, так как впоследствии население перемещалось в том или ином направлении и заселяло новые территории²². В данном случае представляет интерес сопоставление ареалов древних южнославянских лексических элементов с ареалами соответствующих южнославянских топонимов. Установлено, что ареалы первых шире, чем ареалы вторых. Древние славянские топонимы, созданные южными славянами (как это констатируется, например, в Мунтении, Олтении, на востоке Баната, на юге Трансильвании и в Добрудже), не отмечены в северо-восточной части дако-романского языкового массива²³. Однако сопоставление этнических территорий и языковых ареалов представляет собой весьма сложную проблему.

Для изучения славяно-волошских связей по материалам лингвистической географии первостепенное значение приобретает реконструкция предшествующего ареального членения карпато-днестровских говоров. В принципе такая реконструкция должна осуществляться на базе современных лингвогеографических данных и старописьменных источников.

При анализе карт АДМ на территории Молдавской ССР и смежных областей Украины на современном этапе развития говоров выделяются несколько основных (комплексных) лексико-семантических ареалов: центральный (этот ареал занимает также юго-восточную часть Молдавской ССР и несколько районов Одесской области), юго-западный, северо-восточный и северо-западный (включая, следовательно, и северо-буковинские говоры)²⁴, которые в общих чертах соответствуют четырем группам молдавских говоров, вычлененных на основе фонетических явлений²⁵.

На базе старописьменных источников определено, что в XVI в. северо-дунайские говоры восточнороманского языкового массива разделялись на две большие диалектные зоны: южную и северную. Этот тезис, выдвинутый ранее Ал. Филиппиде, Ал. Росетти и Э. Василиу, нашел подтверждение в недавно вышедшей в свет монографии И. Гецце и Ал. Мареша "Orăniurile daco-române în secolul al XVI-lea" (Бухарест, 1974). В то же время южный ареал представляет собой единый языковой массив, в отличие от северного, который, как это предполагают И. Гецце и Ал. Мареш, был в какой-то мере раздроблен еще в XVI в. на три более мелких ареала (Банат-Хунедоара, Северная Трансильвания и Молдова), хотя для иллюстрации этого положения лингвистические материалы весьма скудны.

Для ареальной реконструкции предшествующих синхронных срезов необходимо учесть следующие возможные типы отношений между ареальными членениями древнейшего и позднейшего синхронных срезов: 1) древнейшее членение унаследовано позднейшим и совпадает с ним; 2) древнейшее членение перекрыто позднейшим, но следы прежнего прослеживаются в изолированных ареалах, маргинальных зонах и т.д.; 3) древнейшее членение искажено и влилось в рамки позднейшего членения; 4) древнейшее членение не сохраняется²⁶. При хронологической дифференциации изоглосс необходимо последовательно расчленить пучки изоглосс на архаические и инновационные²⁷.

При таком ретроспективном рассмотрении лексик в связи с изучением отношений между древнейшим и позднейшим ареальными членениями следует принять во внимание характерные особенности лексических изоглосс и трудности вычленения лексико-семантических ареалов. Лексические элементы проявляются на территориальной плоскости чаще всего как единичные явления. Они несистематически пересекают языковую территорию в разных направлениях, очерчивая различные по величине и конфигурации ареалы. Это не значит, что лексические единицы не образуют пучков изоглосс, которые наряду с фонетическими и морфологическими границами находятся в основе вычленения территориальных подразделений. Имеются, таким образом, а р е а л ы э л е м е н т а р н ы е (е д и н и ч н ы е), которые вызывают распространение отдельного слова или "географических синонимов" (гетеросинонимов), обозначавших одну реальность, и а р е а л ы к о м п л е к с н ы е, которые соединяют в одно целое элементарные ареалы путем наложения их на

лингвистическую карту. Эти положения можно иллюстрировать многочисленными картами АДМ²⁸.

Пучки изоглоссы, выделяющие основные лексические ареалы молдавских говоров, во многом совпадают с пучками границ фонетических явлений. Границы фонетических явлений, выраженные пучками изоглоссы, обусловлены комплексом исторических причин, среди которых наиболее важными, по мнению некоторых ученых, являются такие социально-исторические факторы, как существование в прошлом государственных и административных границ Молдавии²⁹. Так, границы, отделяющие основной молдавский языковой массив от ареалов, во-первых, северо-восточных говоров по р.Днестр и, во-вторых, северо-западных говоров, примерно по р.Чутур, просуществовали почти без изменений около пяти с половиной столетий, а граница, отделяющая те же центральные говоры от юго-западных, сохранялась также почти без изменений и с незначительными перерывами примерно четыре с половиной столетия. Государственные и административные границы, которым соответствует преодолимые реки, служили в некоторой степени преградой для смешения поселенцев из разных мест, что обусловило сохранение некоторых особенностей их речи³⁰. Вытекающие из вышеизложенного выводы имеют, безусловно, определенное значение и для исследования края.

Как известно, Ал.Филипиде³¹ и И.Йордан³² отнесли к молдавскому типу речи говоры всей северной и северо-восточной части дако-романского языкового массива: Северная Трансильвания, Марамуреш, Банат, Южная Буковина, Запрутская Молдова (СРР), Закарпатская и Черновицкая области Украинской ССР и Молдавская ССР. А вычленение еще задолго до XVI в. этого обширного северо-восточного языкового ареала Ал.Филипиде, а затем М.В.Сергиевский, В.Ф.Шиммарев и другие связывали с заселением Карпато-Днестровских областей. Теорию лингвистической и этнической связи носителей говоров Днестровоко-Пруцкого ареала с Трансильванией и Марамурешем поддержали также Р.Г.Пиотровский, В.С.Сорбале, Р.Я.Удлер, Вл.К.Загаевский и др.

Итак, нас интересует ответ на два важных вопроса:

1. Обнаруживается ли связь между членением лексических ареалов, характерным для современного состояния говоров Молдавской ССР, и в какой-то степени известным нам теперь древнейшим членением восточнороманских говоров (установленные для XVI в.)?

2. Вправе ли мы связывать древнейшие членения обширной дако-романской языковой зоны, а также позднейшую группировку говоров нашей республики с передвижением романоязычного населения на Карпато-Днестровские земли?

В рамках данной работы нет возможности дать обширный анализ фактического языкового материала, поэтому мы ограничимся лишь кратким изложением некоторых суждений.

За последние четыре-пять веков карпато-днестровские говоры заметно изменились, разрушилось их прежнее относительное единство. Но несмотря на такую общую тенденцию дифференциации, определенная связь отдельных позднейших ареалов на территории МССР с древнейшим членением на более широкой территории прослеживается и поныне. На базе имеющихся атласов интересующий нас терминологический разряд представлен следующими языковыми единицами, типичными для северной (северо-восточной) зоны: к у р е к ъ 'капуста'; п е п е н е 'огурец'; х а р б у з 'арбуз'; о т р а т 'грядка'; к у т е 'брусок'; м я с я (ла коас) 'пятка кося'; в е р и г а (ла коас) 'кольцо (косы)'; а н м б л е т и 'молотить'; о г л а ж е (ла ымблечу) 'ремни цепя'; к у к у р е 'отвал (плуга)'; о ы м б р а ш (ла арат) 'напарник (при вспашке плугом)'; ж у п ь 'снопы (которыми кроют крыши домов)'; ч у х а 'пугало' и др.³³ Приведем несколько примеров из других семантических групп лексики, характерных для той же языковой зоны: о м а т 'снег'; к о л о б 'пыль'; а р и н а (а н и н а) 'песок'; к о к о с т ы р к 'аист'; п ы н т а ч е 'живот'; м а и (м а ю р а) 'печень'; о г я л 'одеяло'; б у м б 'пуговица'; а м у 'сейчас'; х а с н а 'польза, выгода' и др. Для южного ареала обычны слова: в а р з а 'капуста'; к а с т р а в е т е 'огурец'; п е п е н е (в е р д е) 'арбуз'; г р е с н е 'брусок'; б а р з а 'аист'; а к у м, а к у 'сейчас' и т.д.

По старописьменным данным слова к у р е к ъ, б у м б, х а с н а, а р и н а (а н и н а) и некоторые другие также были распространены в северной (северо-восточной) зоне³⁴. Форма п м у < в к м у. Ареал одних слов (к у р е к ъ, о м а т, к у т е, к о к о с т ы р к и др.) полностью совпадает с известной нам для ХVI в. северо-восточной зоной. По данным АДМ, южные изоглоссы таких единиц отделяют центральные говоры МССР от юго-западной группы. Границы некоторых других слов (с т р а т, ж и р я д а,

о г л а ж е) проходят намного севернее (примерно по линии Унгены, Лазовок, Флорешты, Сорока), соединяясь в пучки изоглоссы, отделяющие северо-западный лексический ареал от центрального. Исконное слово а н и н ъ (а р и н ъ) < лат. *arena* сохраняется в периферийной зоне общемолдавского языкового массива и в Северной Трансильвании.

Изоглоссы вышеуказанных языковых единиц идут, как правило, от запада к востоку³⁶. Чтобы судить об их давности, необходимо рассматривать каждую из изоглосс в отдельности, учитывая закономерности ареальных процессов, происходящие самостоятельные инновации в относительно отдаленных друг от друга говорах, влияние иноязычных диалектов, давность самой реалии и т.д. Хотя прямых фактов для древних эпох мало, бесспорно то, что начало очерчивания северной (северо-восточной) диалектной зоны следует отнести еще до образования молдавского государства. Многие из более поздних границ слов пересекают карпато-днестровские говоры в разных направлениях, в том числе и от севера к югу, вдоль восточных склонов Карпат (правда, таких изоглосс мало), а также по рекам Прут и даже Днестр.

Как было упомянуто выше, выделение северной (северо-восточной) диалектной зоны многие исследователи связывали с заселением Карпато-Днестровских областей. В свою очередь, мы высказывали мнение, что такая связь в какой-то степени очевидна и при рассмотрении изоглосс, выделяющих лексические ареалы современных молдавских говоров.

Можно считать, по нашему мнению, вполне аргументированным тезис о том, что северо-восточная часть Заднепровья заселялась как с запада, через Днестр, так и с севера выходцами из северо-восточной части Трансильвании, Марамуреша и Цара Оашулуй через Галицию и Буковину³⁶. Но это позднее заселение (XVI—XVIII вв.), и потому границы языковых явлений, выделяющие северо-восточную группу говоров Заднепровья, ничего общего не имеют с древнейшим членением. С последним связаны лишь некоторые из тех позднейших изоглосс, которые идут, как правило, от запада к востоку (с различными колебаниями), пересекая весь карпато-днестровский ареал, хотя очень часто древнейшее членение может оказаться перекрытым позднейшими, следовательно, следы прежнего часто можно проследить лишь в островных или периферийных ареалах.

В.С.Сорбалэ на основе анализа части материалов АЛМ обнаружил, что Днестровско-Прутские земли заселялись в течение XII-XV вв. тремя основными потоками дако-романского населения: 1) северо-западная часть Молдавской ССР заселялась потоком, идущим с северо-запада вдоль реки Прут, который расположился в долинах рек Чугур, Куболта и Кайнар; 2) центральная часть МССР заселялась потоком, идущим со стороны больших кодр, который расположился в долине нижнего течения реки Реут, а затем и севернее; 3) поселения придунайской части Одесской области являются, по предположению В.С.Сорбалэ, более поздними и образовались переселенцами из Мунтении³⁷. Эти мысли находят некоторые точки опоры в топонимии (в связи с этим сравни поселения с одноименными топонимами Трансильвании и Молдовы, выявленными П.П.Бырней методом их картографирования)³⁸.

Для исследования говоров рассматриваемого ареала особенно важно выделить и проанализировать лексико-семантические группы слов, состоящие из этимологически разных элементов, в частности из славяно-молдавских лексических единиц. Обилие таких единиц, в том числе и синонимических, приводило к реорганизации лексико-семантических микросистем, которая часто завершалась утратой того или другого компонента микросистемы. Границы лексических ареалов часто изменялись в результате собственно ареалнотворческих процессов.

Примечания

¹ Х а ш д е у Б.П. Опере алесе, вол. II. Кишинэу, 1967, с. 244.

² Там же, с. 241.

³ Там же.

⁴ Д у ш к е Н. Die Terminologie des Ackerbaues in Dakorumanischen. - "Jahresbericht des Institutus fur rumanische Sprache". Leipzig, XIX-XX, 1913.

⁵ П и о т р о в с к и й Р.Г. Славяно-молдавские языковые отношения и вопросы национальной специфики молдавского языка. - "Вопросы молдавского языкознания". М., 1953, с. 137-138; О н ж е Лимба молдовеняскэ ши легетуриле славо-молдовенешть ин епока вякурилор де мижлок тимпурий. - "Октомврие". Кишинэу, 1951, № 6, с. 85-90.

⁶ Ш и ш м а р е в В.Ф. Романские языки Юго-Восточной Европы и национальный язык Молдавской ССР. - "Вопросы молдавского языкознания". М., 1953, с. 74-75. Утверждение Р.Г.Потровского

о том, что в эпоху раннего средневековья дако-романы занимались исключительно скотоводством, Н.А. Демченко справедливо считает "ошибочным". См.: Демченко Н. Земледельческие орудия молдаван X-XIII вв. Кишинев, 1967, с.81.

7 Ф и л и н Ф.П. Проект "Словара русских народных говоров". М.-Л., 1961, с.5.

8 Толстой Н.И. Славянская географическая терминология (семасиологические этиды). М., 1969, с.242.

9 Атласуа лингвистик молдовенеск, вол. П, партя П. Кишинев, 1973.

10 См.: История Молдавской ССР, I. Кишинев, 1965, с.46, 59-60 и др.; Мокхов Н.А. Молдавия эпохи феодализма. Кишинев, 1964, с.94-98, 218-222; Хынку И.Г. К вопросу о судьбах романованного населения Дунайско-Днестровских земель в VI-XI вв. (волохи и славяне). - Тезисы докладов Первого симпозиума по археологии и этнографии Кго-Запада СССР". Кишинев, 1964, с.37; Рикман Э.А., Янушевич З.В. Земледелие у племен черняховской культуры. - "Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы". Кишинев, 1966, с.75-85; Федоров Г.Б. Население Пруско-Днестровского междуречья в I тысячелетие н.э. М., 1960, с.104, 107, 203-205; Демченко Н. Указ. соч., с.81 и др.

11 Семчинокъ С.В. Лексичн. запозичення в російској та українськој мови у румунській мові. Київ, 1958.

12 Ильяшенко Т.П. Языковые контакты (на материале славяно-молдавских отношений). М., 1970, с.79.

13 Там же, с.80.

14 Ср.: Мильяйлă G. Elemente slave în graiurile dasoromâne. - "Limba română", N 1, 1965, с.71-72.

15 Ретговісі Е. Toponimice slave de est... - "Romanologia", N VI, 1960, p.5-17.

16 Еремия А. Топониме славе ку суффиксул - вуць (-уць). - "Восточнославянско-молдавские языковые взаимоотношения", П. Кишинев, 1967, с.180-189.

17 Васценсо V. Elemente slave răsaritene în limba română (Periodizarea fapturilor lexicale). - "Studii și cercetări lingvistice", N 3, 1959, с.396, 397.

18 Топоров В.Н. О некоторых теоретических основаниях этимологического анализа. - "Вопросы языкознания", 1960, N 3, с.46-59.

19 Меркулова В.А. Очерки по русской народной номенклатуре растений. М., 1967, с.242.

20 Процент лексических элементов латинского происхождения и заимствований, особенно из славянских языков, значительно бы вырос за счет семантических дериваций типа м в т а с е "кукурузные рыльца", если при количественном подсчете тех же 710 языковых единиц не принимали бы во внимание их значение. Отдельную классификацию можно осуществить в системе морфологических дериваций.

21 Подробнее об этом см.: Павел В.К. Этимология и статистика в лингвогеографии. - "Лингвогеография, диалектология и история языка". Кишинев, 1973, с.82-90.

22 Ср.: Mihailă G. Op. cit., p.67-68.

23 Petrovici E. Славяно-болгарская топонимика на территории Румынской Народной Республики. - "Romanoslavica", I, 1958, p.9-26.

24 Подробнее см.: Павел В.К. Репартиция изоглоселор на делимитаря ариилор лекцикале (Ку реферинце ла групари граирилор молдовенешть). - "Диалектология молдовеняскэ". Кишинёу, 1976, с.207-214.

25 Удлер Р.Я. Опыт группировки молдавских говоров на основе данных Молдавского лингвистического атласа. - "Лингвогеография, диалектология и история языка". Кишинев, 1973, с.18-29.

26 Назарова Т.В. К проблеме реконструкции ареально-го членения языка. - "Совещание по общим вопросам диалектологии и истории языка" (Тезисы докладов и сообщений). Ереван, 1973. М., 1973, с.30.

27 Там же, с.31.

28 Для заглядности см. сводную карту "Распределение лексических изоглос и пучков изоглос на основе терминологии земледела и средств передвижения" (АЛМ, II, карта № 1035).

29 Удлер Р.Я. Обусловленность границ фонетических явлений социально-историческими факторами. - "Совещание по общим вопросам диалектологии и истории языка" (Тезисы докладов и сообщений). Ереван, 1973. М., 1973, с.52-53.

30 Удлер Р.Я. Диалектное членение молдавского языка.

Автореф. докт. дис. Л., 1974, с.24.

31 Philippi Al. Originea Românilor. II. Ce spun limbile română și albaneză. Iași, 1928, p.404.

32 Jordan I. Graiul putnean. - "Scrieri alese". Buc., 1968, p.230-239.

33 См.: АЛМ, т. II, ч. II, карты 836, 845, 869, 870, 889, 890, 918, 927, 934, 946, 956; АЛР, VI, карты 15, 18, 46, 50, 51, 75, 78, 189; АЛР, V, I, карты 9, 13, 39, 126, 131.

34 Ghеșie I., Măreș Al. Op. cit., p.254, 255, 273, 274, 285.

35 На это обратил внимание еще Э. Петрович. См.: Petrovici E. Repartiția graiurilor dacoromâne pe baza АЛР. - "Limba română", 1954, № 5, p.9.

36 Из последних работ по этому вопросу см.: Удлер Р.Я. Определение возраста изолиний в восточной части молдавского языкового массива. - Ареальные исследования в языковедении и этнографии (Тезисы конференции). Л., 1975, с.73, 74; Он же. Последствия трансплантации фонетического явления карпатского ареала (ф > с, в > з) в северо-восточной части молдавского языкового массива. - Оссекарпатский диалектологический атлас. Лингвистические и этнографические аспекты. Кишинев, 1976, с.122-131.

37 Сорбале В.С. Формирование и развитие терминологических микросистем в молдавских говорах. Автореф. докт. дис. Л., 1972, с.46.

38 Бырня П.П. Сельские поселения Молдавии XV-XVII вв. Кишинев, 1969, с.23-55.

РЕЗЮМЕ ДОКЛАДОВ

М.А.Романовская
(Москва)

ГЕТСКАЯ КУЛЬТУРА НА ТЕРРИТОРИИ МОЛДАВИИ

I. Геты в Молдавии представляли собой северную ветвь фракийцев. История их материальной культуры начинается с появления памятников фракийского гальштата.

II. В настоящее время наиболее ранними памятниками фракийского гальштата считаются памятники типа Кишинев - Лукашевка, которые советские археологи датируют X-IX вв. до н.э. Геневио племен, оставивших эти памятники, - вопрос важный, сложный и мало изученный.

III. Сейчас можно с уверенностью говорить о непрерывном существовании культуры фракийцев, с разными вариациями и локальными особенностями, начиная с X и по V в. до н.э. За это время на территории Молдавии существовало по меньшей мере три фракийские этнокультурные группы. Кроме памятников типа Кишинев - Лукашевка остались памятники типа Шолданешты - Алчедар, Сахарна - Солончени, а на севере Молдавии памятники так называемой Подольской группы.

IV. С IV в. до н.э. осуществляют те фракийцы, которых мы знаем под именем гетов.

V. Гетская культура известна благодаря археологическим исследованиям, планомерно проводившимся в Молдавии с конца 40-х гг.

VI. Раскопки городищ, поселений, могильников дали возможность судить:

1. Об особенностях домостроительства гетов (жилища двух типов: наземные и полуземляночные).
2. О занятиях земледелием и скотоводством.
3. О простейших производствах - гончарном, металлургическом, обработке камня, кости.
4. Благодаря раскопкам могильников немного приоткрылась завеса над духовной жизнью гетов и, в частности, над погребальным обрядом.

Б. О торговле и связях с греческим миром свидетельствуют амфорная тара, красный лак и металлические вещи.

УП. Особое место в изучении гетов в Молдавии занимает лепная керамика. Она сохраняет в формах, в орнаментике и в ассортименте более ранние фракийские традиции. Непрерывность существования фракийских элементов прослеживается, правда с изменениями, начиная с УШ в. до н.э. и по I в. н.э. на материалах городища Рудь.

УШ. Несмотря на смену населения в начале I тыс. н.э., в Молдавии, гетские, фракийские элементы прослеживаются и в более позднее время, например в черняховской культуре. Это объясняется сохранением и до той поры фракийского населения.

IX. В изучении жизни гетов на территории Молдавии многие вопросы до сих пор остаются спорными, многие — нерешенными из-за отсутствия материала. Однако есть надежда, что при дальнейших усилиях в этой области и расширении раскопок эти вопросы будут решены.

И. Д. Чебан
(Кишинев)

ОТРАЖЕНИЕ В ФОЛЬКЛОРЕ ПРОЦЕССА ФОРМИРОВАНИЯ МОЛДАВСКОГО НАРОДА

Устное поэтическое творчество создается на протяжении всей истории народа, отражая ее этапы и события. Изучение жанров фольклора и их разновидностей помогает решению некоторых вопросов генезиса народа. Интенсивное собирание фольклора многочисленными экспедициями, публикация сборников текстов и научных статей, монографий, научное издание многотомного (17 томов) свода молдавского народного творчества (в конце 1976 г. вышли из печати шесть томов) позволяют сделать ряд выводов из фольклора, как исторического источника.

Изучение произведений, бытующих в народе, позволяет определить некоторые особенности фольклора, отражающие определенные периоды в жизни народа. Мы можем выделить несколько этапов формирования молдавского фольклора, отражающих и этапы возникновения и формирования молдавского народа.

1. Находящиеся в нашем распоряжении материалы молдавского фольклора не позволяют утверждать, что в нем имеются элементы гето-дакийского происхождения. Для выяснения этого вопроса нужны дополнительные исследования.

2. Самым ранним элементом в молдавском фольклоре является латинский, характерный для восточных романцев. Он обнаруживается в персонажах и названиях фантастических сказок: терым (челалат терым - другая земля, преисподняя), императ (царь, император), а также Иляна Косыняна, Фет-Фрумос. В народной лирике латинокий элемент подтверждается словами: кынтек (cantiou), жерс (vegeus) - мелодия, пение; в причитаниях: бочет, боче (voceu, vox), в заговорах: а деокынта (discantare), фармек (pharmaciou), а блэствема (blestimage), в хореографии: жок (jocus) и др.

3. Для следующего этапа складывания молдавского фольклора и образования молдавского народа характерны старославянские (староболгарские) названия героев или предметов: жале (народ. желя), отсюда кынтек де жале (болг. жалена песен) - заунывная песня. В фантастических сказках восточных романцев действуют зооморфные существа с названиями из старославянского языка: змеу (змея или дракон), балаур (блавор), а также повесте, басм (сказка), войник, край, боер, нвэдрэван (волшебник), то же и в большей части свадебного обряда и фольклора: старосте (сват), ворничел (шафер), конэкрвия (свадебная поэма), корабия (свадебная поэма) и др. Музыка восточных романских народов сходна с болгарской и сербской народной музыкой: булгэряска, сырба, сырбеоку, хора (хоро у болгар, коло у сербов). Народные обычаи молдаван, как-то: Калоянул, Келушарий, Мерцишорий (Мартеница), Папаруделе и другие распространены и у болгар. Можно полагать, что это взаимодействие произошло в период, когда молдаване еще не отделились от волохов.

4. В народно-поэтическом творчестве молдаван бытуют славянские элементы, присущие только или главным образом молдавскому фольклору. Это названия произведений: повесте, басм (сказка), названия участников свадьбы: ворник, друшкэ (подрута невесты), а также много персонажей сказок: Мнндра-Кымшулуй, Ченушар-Войникул, Думбре-Негри, Василикэ-Бусуйок, Бусуйок-Верде, Илиеш-Малеш, Флорин-Витязул и др. Этот процесс, нужно полагать, имел место после выделения молдаван как особой этнической общности из общей массы волохов.

5. Молдавское народно-поэтическое творчество сложилось в период становления и развития молдавского народа в отличие от народа валашского (Мунтении). Об этом свидетельствуют возникновение доины у молдаван раньше, чем в Валахии, создание ряда эпических произведений только в Молдавии, как-то: Дончиза, Гайдук Микул и Штефан-воде, Корбя, Кодрянул и др.

6. Бытует пласт фольклора, отражающий думы и чаяния молдаван, проживающих на территории от Прута до Днестра и в Закарпатье, неизвестный или малоизвестный остальной части бывшего Молдавского княжества: рекрутские и солдатские песни, оформившаяся после войны 1904—1906 гг., освободительно-революционные песни XIX в.

7. Создался и богатый репертуар песен и других жанров времен Великой Отечественной войны советского народа 1941—1945 гг.

Посредством народно-поэтического творчества народ выражал свое отношение к главным событиям его этнической истории. Таким образом можно выявить в частности некоторые этапы формирования молдавского народа.

В.В. Корчмарь
(Кишинев)

СЛАВЯНСКИЕ ЭЛЕМЕНТЫ МОЛДАВСКОЙ ПАСТУШЕСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ

I. В изучении восточнороманской пастушеской терминологии обычно ставилось ударение на "удельный вес" дако-фракийского элемента (Джигля, Руссу). Пастушеская терминология занимает особое место в лексической системе молдавского языка. Ни один ее тематический раздел не располагает столькими субстратными элементами. Это подтверждает большое значение пастушества и длительное бытование этой отрасли хозяйства в жизни дако-фракийских народов еще в дороманский период. Автохтонные (Джигля, Руссу, Денсушяну) слова б а ч, с т р у н г а, б р њ н в а, в а р а, б а л и г а, г а д о б а в а, ш у т, ц а ф ж, к ы р л њ г, к ы р л а н, л а в а, ц и г а в а, б е р ж, ц а ц составляют ядро молдавской пастушеской терминологии, ибо они отличаются большой частотой употребления, высокой степенью рас-

пространения на всем Балкано-карпатском массиве и во многих прилегающих к нему зонам, в том числе и в Молдавии. Эти слова означают наиболее важные традиционные реалии пастушеского хозяйства, которое у восточнороманских народов было высокоорганизованным, разнотипным.

2. Изучено распространение восточнороманского элемента в период так называемой "волошской колонизации" (XIV в.), его проникновение в пастушескую терминологию диалектов и говоров западной и восточной групп славянских языков, а также некоторых неславянских языков. Часть пастушеских терминов восточнороманского происхождения легла в основу соответствующей терминологии литературного варианта соседних нероманских языков.

3. В молдавской диалектной пастушеской терминологии в этимологическом отношении имеется несколько групп слов. Это субстратные элементы, потом следуют латинские термины, южнославянская группа слов, довольно ограниченное число терминов тюркского происхождения, а также слова восточнославянского происхождения.

4. Термины *о к б л*, *т њ р л в*, *о б о р*, *к о м а р н и к*, *ж њ н т и ц њ*, *к о ш б р*, *с т а њ н и ш т и*, *о т б р о ш т и* заимствованы лексической системой молдавского языка из древнеболгарского. Большая часть этих древнеболгарских слов принадлежит к одному терминологическому разряду — наименование помещений, загонов для содержания скота, в частности овец, мест его пребывания в определенное время дня. Для объяснения этого явления следует обратиться к некоторым экстралингвистическим факторам, к истории развития материальной культуры молдавского народа. Известно, что по сравнению с земледелием пастушество у восточнороманских народов было более развито, чем у славян.

Земледелие в конце IX в, благодаря тесным контактам со славянскими народами стало быстрее развиваться у восточнороманского населения. С этим периодом следует связать зарождение нового типа пастушества — оседлого земледельческого, который лишь в XIX в. стал преобладать над остальными типами. С этим фактом можно связать и некоторые лингвистические данные. В молдавских говорах несколько слов из выделенного нами терминологического разряда, помимо "пастушеского" получили и значения общехозяйственного характера. Так, например, термин *о к о л* означает прежде всего загороженное место в поле или возле дома, "скотный двор". Распро-

отражено и его более узкое значение "загон для овец". В карпато-украинские и гагаузские говоры термин прошик из восточнороманских говоров, сохранив значение "загон для скота".

Для термина о б о р, распространенного в основном на юго-западе Молдавии, засвидетельствованы значения "загон для скота" и "приусадебный участок". Во всех говорах славянских языков, где распространен этот термин, он чаще употребляется в значении "загон для скота". Семантическая и фонетическая структура данного термина в молдавских, румынских и болгарских говорах идентичны.

5. Проникая в определенный терминологический разряд пастушеской терминологии, термины южнославянского происхождения присваивают себе некоторые значения слов субстратного или латинского происхождения. Сравни: ц а р к (автох.) 'загон для овец, для ягнят' - о к ó л (слав.) 'загон для крупного рогатого скота'; о б ó р (слав.) 'скотный двор'; к о ш é р ь (слав.) 'загон для содержания овец в зимнее время'; с т р у н г а (автох.) 'крытый загон для дойки овец' - к о м á р н и к (слав.) 'помещение, где сушат сыр, где спят пастухи'; к р í н т в (лат.) 'специальный ящик для отстаивания сыра' - к о м á р н и к (слав.) 'помещение, где обрабатывают молоко, плетеная полка, на которой сушат сыр'.

6. Ареал распространения молдавских пастушеских терминов славянского происхождения, их семантическое развитие и взаимоотношение с унаследованными терминами позволяют в известной степени осветить такой важный момент в истории молдавского народа как взаимоотношение молдавской и славянской материальной культуры.

СО Д Е Р Ж А Н И Е

<p>М о х о в Н.А., З е л е н ч у к В.С., С о в е т о в П.В. Итоги и перспективы работы Научного совета по про- блеме "Славяно-волошские связи и происхождение мол- давской народности" . . . . .</p>	3
<p>З д а т к о в о к а я Т.Д., Исторические аспекты романи- зации балканских земель в античное время (к проб- леме этногенеза влахов) . . . . .</p>	19
<p>В е л и к а н о в а М.С. Данные палеоантропологии о пе- ремещении населения в Днеэтровско-Прутоком между- речье в I-II тысячелетиях . . . . .</p>	30
<p>Р и к м а н Э.А. Некоторые вопросы романизации населения левобережья нижнего Дуная в первой половине I тыся- челетия н.э. . . . .</p>	46
<p>Д р а г н е в Д.М., О с о в е т о в П.В. Основные этапы развития и разложения общины в Молдавии (до нача- ла XIX в.) . . . . .</p>	64
<p>И н к и н В.Ф. К вопросу о происхождении и эволюции во- лошского института "князя" (кнеза) в галицкой де- ревне в XV-XIII вв. . . . .</p>	114
<p>Д у м н и ч Ю.В. "Волохи" Закарпаття по данным грамот XIV в. . . . .</p>	148
<p>М а р к н о в В. Расселение папухов - кочевников влахов на Балканском полуострове и за его пределами . . . . .</p>	162
<p>К о р о л ю к В.Д. Папушество у славян в I тысячелетии н.э. и перемещение их в Подунавье и на Балканы. Сла- вяне и волохи. (Попытка реконструкции по письмен- ным источникам) . . . . .</p>	177
<p>Н а у м о в Е.П. Волошская проблема в современной юго- славской историографии. (Проблемы этнический и со- циальной истории средневековых влахов) . . . . .</p>	199
<p>П а в е л В.К. Диалектная терминология как источник изу- чения земледелия и расселения молдаван . . . . .</p>	217
<p>Р Е З Ю М Е Д О К Л А Д О В</p>	
<p>Р о м а н о в о к а я М.А. Геток.я культура на террито- рии Молдавии. . . . .</p>	236
<p>Ч е с а н И.Д. Отражение в фольклоре процесса формирова- ния молдавского народа . . . . .</p>	237
<p>К о р ч м а р ь В.В. Славянские элементы молдавской пас- тушеской терминологии . . . . .</p>	239

СЛАВЯНО-ВОЛОШКИЕ СВЯЗИ
(сборник статей)

Утверждено к изданию
Редакционно-издательским
советом АН МССР

ИБ № 565

Редактор Т.И.Акимова
Художественный редактор Г.Н.Остапенко
Технический редактор Г.Ю.Константинова
Корректор А.Д.Меламед
Оператор-наборщик М.В.Чурбакова

Подписано к печати 30. III 1978 г. АБ 07816. Формат 60x90 1/16.
Усл. печ. л. 15,25. Уч.-изд. л. 15,28. Бумага офсетная № 2. Тираж 870.
Заказ 152. Цена 2 р. 30 к.
Издательство "Штиинца", 277028, Кишинев, ул. Академическая, 3
Типография издательства "Штиинца", 277004, Кишинев, ул. Берварина, 10

ВЫХОДИТ В СВЕТ В 1978 г.
В ИЗДАТЕЛЬСТВЕ "ПТИИИНА"

К о м а н о к и Я. М. "Общество бессарабцев в СССР и союзы бессарабских эмигрантов (1924-1940 гг.)". На русском языке. 12,5 л. Цена I р. 50 к.

В монографии излагается история создания и деятельность Общества бессарабцев в СССР и союзов бессарабских эмигрантов во Франции, Чехословакии, Австрии, Германии и других странах. Овещается их вклад в борьбу трудящихся Бессарабии за воссоединение с Советской Родиной, их роль в развертывании международного движения солидарности с борющейся Бессарабией.

Книга рассчитана на историков, преподавателей и студентов вузов.

Предварительные заказы просим направлять по адресу:
277001, Кишинев, ул.Пирогова, 28; "Академкнига";
277041, Кишинев, ул.Мунчештская, 173, Молдкниготорг (отдел местных изданий)

2 р. 30 к.

СЛАВЯНО-ВОЛОШКИЕ СВЯЗИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО „ШТИНЦА“
КИШИНЕВ • 1978